

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск тринадцатый

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2011

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(2Камч)
К78

Редакционная коллегия:

О. В. Ефимова, О. А. Пыжьянова, С. В. Графская, С. В. Гаврилов

Краеведческие записки. Выпуск 13. — Петропавловск-Камчатский:
К78 Изд-во «Новая книга», 2011. — 240 с., 8 с. ил.

ISBN 978-5-87750-167-6

Тринадцатый выпуск «Краеведческих записок» посвящён исполняющемуся в 2011 г. столетию камчатского музея, в разные годы называвшегося «Научно-промышленным», «Петропавловским областным», «Петропавловским краеведческим», «Камчатским областным краеведческим», «Камчатским государственным объединённым», «Камчатским краевым объединённым». Выпуск содержит традиционные рубрики: «История», «Археология», «Природа», «Этнография», «Из фондов музея», «Музеи Камчатки», включающие работы живущих и живших на Камчатке и в Магаданской области авторов. В рубрике «Благодарность музея» перечислены частные лица и организации, передавшие в дар музею в 2004—2010 гг. более двух тысяч предметов. Большая часть публикуемых фондовых музейных и архивных текстовых и иллюстративных материалов впервые вводится в научный оборот.

Издание предназначено для музейных работников, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей и студентов-историков, а также всех любителей истории Северо-Востока России и Камчатки.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(2Камч)

Ответственная за выпуск О. В. Ефимова

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

Вёрстка и макет С. В. Гаврилова
Корректор Е. Н. Киселёва
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 6.07.2011. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная, вкладка — мелованная. Гарнитура «SchoolBook».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,5+1 (вкл.)
Тираж 500 экз. Заказ

ООО Холдинговая компания «Новая книга»
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

© КГУ ККОМ, 2011
© Авторы, 2011
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2011

ISBN 978-5-87750-167-6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. В. Ефимова.</i> Камчатский краевой объединённый музей. 1911—2011	4

ИСТОРИЯ

<i>В. Е. Быкасов.</i> Река Крестовая	18
<i>О. А. Пыжьянова.</i> «Великой России земля»	30
<i>А. В. Гоков.</i> Кража без взлома	38
<i>А. П. Пирагис.</i> Волости и первые районы на Камчатке	42
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Формирование милиции на Камчатке в 1922—1930 гг.	52
<i>В. П. Пустовит.</i> Подозрительный учёный	66
<i>А. Г. Щукин.</i> Это наша с тобой биография... ..	71
<i>С. В. Гаврилов.</i> Политдела политотдела	87
<i>А. В. Петров.</i> Одиссея сыроеда Андерсона	106

ЭТНОГРАФИЯ

<i>В. Г. Коллегов, Б. И. Селиванов.</i> Камчадалские заметки	116

АРХЕОЛОГИЯ

<i>А. В. Пташинский.</i> «Погружаясь в глубины прошлого...»	121
<i>А. А. Орехов.</i> Изделия из китового уса древнеэскимосского селения Кивак (Древнеберингоморская культура)	127
<i>А. Ю. Федорченко.</i> История экспериментально-трассологических исследова- ний в археологии Северо-Восточной Азии: основные этапы и достижения	134

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

<i>С. В. Гаврилов.</i> Начальник уезда	146
<i>С. В. Графская.</i> История семьи Мономаховых	166
<i>Т. И. Устинова.</i> Камчатские пионеры	172
<i>В. И. Борисов.</i> Забытый герой	175
<i>Е. Н. Бережневская.</i> Дар музею	183

МУЗЕИ КАМЧАТКИ

<i>Т. В. Волкова.</i> Корякский окружной краеведческий музей в культурном пространстве Корякского округа	189

ПРИРОДА

<i>В. И. Филь.</i> Из заметок охотоведа	204

БЛАГОДАРНОСТЬ МУЗЕЯ

Список дарителей Камчатского краевого объединённого музея за 2004— 2010 гг.	232
Сведения об авторах	236
Список использованных сокращений	239

**КАМЧАТСКИЙ КРАЕВОЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ МУЗЕЙ.
1911—2011**

Камчатский краевой объединённый музей, история которого началась в 1911 г., часто называют главным, ведущим музеем Камчатского края. Его возникновению предшествовали события, связанные с административным переустройством северо-восточных окраин Российского государства в начале XX в.

В 1909 г. из уездов Приморской области — Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского и Командорского — была образована самостоятельная Камчатская область, входящая в состав Приамурского генерал-губернаторства. Образование самостоятельной Камчатской области имело огромное значение для развития этого отдалённого края. После успешного отражения в 1854 г. нападения на Петропавловский порт англо-французской эскадры имущество и население порта были эвакуированы в Николаевский пост в устье реки Амура (1855 г.). С открытием Татарского пролива, основанием города Владивостока (1860 г.), продажей Аляски (1867 г.) Петропавловск утрачивает своё значение главного тихоокеанского порта России и более полувека пребывает в состоянии запустения и заброшенности.

В 1909 г. Петропавловск становится главным городом вновь образованной Камчатской области. Определение его местом пребывания штата управления областью, состоявшего из губернатора, вице-губернатора, врачебного инспектора, областного инженера, ветеринарного инспектора, старшего чиновника особых поручений, послужило причиной быстрого роста Петропавловска. Началось строительство административных зданий, домов и квартир для размещения вновь назначенных чиновников и их семей.

Прибытие новых людей привело к значительному оживлению общественной жизни, возникновению новых форм досуга населения Петропавловска, отражавших процессы преобразования жизни российского общества во второй половине XIX — начале XX в., что не в последнюю очередь было связано с отменой крепостного права в 1861 г.

В этот период наблюдался повышенный интерес к организации досуга городского населения. Популярными центрами досуга являлись общественные (благородные) собрания, куда представители местного общества из разных сословий могли приходить, общаться и выбирать что-то из набора принятых здесь развлечений: танцы, игру в карты, прослушивание читаемой вслух книги («общественные читки»), обсуждение последних новостей. Впервые в истории страны возникло профессиональное музыкальное образование. Стали возникать многочисленные общественные организации, школы и внешкольные учреждения. Появилось осознание необходимости устройства театров для широких кругов населения. С конца 1870-х гг. местными общественными силами в городах постоянно ставились различные спектакли, деньги от которых шли на благотворительные цели. Одним из любимых развлечений горожан становится цирк. Возникали общества любителей художеств. Выставки художников-передвижников, первая из которых была организована в 1871 г., стали впервые знакомить с русской живописью не только столичную, но и провинциальную публику. Одним из наиболее перспективных центров досуга на рубеже XIX—XX вв. становится кинематограф.

Во второй половине XIX в. при участии общественности в России было также организовано много разнообразных по профилю музеев: исторических, естественно-научных, художественных, промышленных, сельскохозяйственных.

Население российских городов представляло собой благодатную почву для распространения как просветительской, так и коммерческой культуры не только в столичных, но и в провинциальных городах. Горожане активно отзывались на всякого рода предложенные зрелища, представления, концерты и нуждались в расширении круга развлечений. Довольно сильно проявлялась у горожан тяга к грамотности и книгам.

Большинство приехавших в Петропавловск после образования Камчатской области чиновников были людьми образованными, чьи привычки, знания и опыт проживания в других городах требовали развлечений, полезных занятий, активного и инте-

ресного досуга. Постепенно в городе, до этого ведущего довольно монотонное существование заброшенной окраины, оживала культурная жизнь. Активно работало Литературно-музыкально-драматическое общество, доход которого от постановки платных спектаклей расходовался на местные нужды (стипендии учащимся, строительство новых зданий и т. д.). В Петропавловске показывали фильмы, выписанные из Владивостока. В данный период возникает и первый камчатский музей.

Первая попытка создать на Камчатке музей совпадает по времени с первой попыткой организовать в Петропавловске общество по изучению Камчатки и относится к 1892 г. Интеллигенция города, понимавшая важность изучения края, быта местного населения, сбора коллекций растений и минералов, приняла устав этого общества. В одном из параграфов устава говорилось об учреждении в Петропавловске музея местного края и об открытии его «для публики в особо назначенные дни бесплатно». Однако работа общества, не получившего разрешения на свою деятельность свыше, была в 1899 г. приостановлена, музей учредить и открыть, вероятно, не успели.

Исследователи называют разные даты основания камчатского музея: 1910, 1911, 1918, 1920, 1925, 1927 г., что связано с отсутствием документа, дающего чёткое указание на дату данного события. Точно известен тот факт, что первый камчатский музей располагался в здании канцелярии губернатора, которое изначально предназначалось не только для канцелярии, квартир двух писцов и сторожа канцелярии, но и для музея. Исходя из данной информации, Е. Е. Володарская, главный хранитель фондов музея в 1992—2004 гг., в своей статье «Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея. 1911—1934», опираясь на анализ документов, делает вывод о том, что годом основания Камчатского музея следует считать 1911-й, а первым его официальным названием — «Научно-промышленный музей».

Инициаторами создания музея являются губернатор Камчатской области Василий Власьевич Перфильев и представители местной интеллигенции, одним из которых был Сергей Александрович Грюнер — широко образованный человек, магистр ветеринарных наук, работавший на Камчатке областным ветеринарным инспектором в 1909—1917 гг.

Первоначальным местом размещения музея было здание канцелярии губернатора. На обустройство музея областным руководством были отпущены средства в размере 1 000 руб., большая часть которых была израсходована на приобретение музейных экспонатов и инвентаря. Основу фондового собрания музея составили, предположительно, предметы, собранные для выставок: Всемирной выставки, организованной в 1893 г. в Чикаго (США) в ознаменование 400-летия открытия Америки Христофором Колумбом; Приамурской выставки, проводившейся в 1901 г. в Хабаровске. Кроме того, в состав музейного собрания вошли дублетные экземпляры большого гербария В. Л. Комарова — выдающегося русского учёного-ботаника, автора книги «Флора Камчатки», руководителя камчатской экспедиции Русского географического общества 1908—1910, организованной на средства Ф. П. Рябушинского. Собрание музея могло также значительно пополниться в 1912—1913 гг., когда в Камчатской области проводился сбор экспонатов для Второй Приамурской выставки, проводившейся в 1913 г. в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.

Развитие музея, только начинавшего свою историю, было приостановлено с отъездом с Камчатки В. В. Перфильева. Сменивший его на посту губернатора Н. В. Мономахов прекратил в 1913 г. отпуск средств на содержание музея и отдал распоряжение

Губернатор Камчатской области
в 1909—1912 гг.
Василий Власьевич Перфильев

сложить на чердаке здания канцелярии губернатора имеющиеся музейные предметы, среди которых, по документально подтверждаемым сведениям, в 1915 г. было сорок чучел птиц, обитающих на Камчатке, и среди них чучела беркута, лебедя, краснозобой гагары, Стеллеровой гаги, ястребиной совы, топорка, баклана и других.

Здание канцелярии губернатора Камчатской области, 1913—1917 гг.

Сведения, свидетельствующие о попытке возродить музей, относятся к 1917 г. 14 января 1917 г. состоялось созванное вице-губернатором Камчатской области А. Г. Чаплинским первое заседание временного комитета по устройству в Петропавловске музея, в котором приняли участие лица, известные своим «отзывчивым отношением ко всякого рода полезным начинаниям». На заседании были рассмотрены перспективы дальнейшего развития музея, его размещения, комплектования. Было признано целесообразным «устройство только местного музея, то есть Камчатской области», не допуская «никаких предметов из других областей и стран, как бы своеобразны и интересны они не были бы», состоящего из пяти отделов: 1) географического, литературно-исторического и археологического; 2) кустарно-этнографического; 3) зоологического и ихтиологического; 4) ботанического; 5) минералогического.

В том же 1917 г. было возобновлено финансирование музея. Это подтверждают сохранившиеся счета, которые также дают представление о том, какой работой занимался музейный работник Александр Иванович Рублёв, значившийся в бухгалтерских документах как «смотритель Петропавловского областного музея». Он проводил работы по разборке предметов старого музея, приобретал товары, судя по их списку, для ремонта оборудования и приведения в порядок помещения: клей, гвозди, молоток, кисти, плоскогубцы, лак, стекло, холст и прочее. А. И. Рублёв занимался также вопросами сбора музейных коллекций, о чём свидетельствует почтово-телеграфная квитанция за отправленную им в январе 1917 г. телеграмму в Анадырь о высылке чукотской кольчуги для Камчатского музея.

В июне 1917 г. был разрешён сбор средств на оборудование и улучшение музея, который проводился в редакции газеты «Камчатский листок». Жители города с готовностью откликнулись на призыв помочь музею. Однако проводимые в 1917 г. работы по устройству музея не дали больших результатов: музей по-прежнему не имел своего помещения, достаточных ассигнований и влачил жалкое существование. Побывавший на Камчатке в 1918 г. известный исследователь Дальнего Востока, путешественник-натуралист и писатель В. К. Арсеньев отметил, что ценность музея,

несмотря на имеющиеся уникальные предметы, невелика, поскольку в музейной работе полностью отсутствуют систематичность и умение вести дело.

В октябре 1918 г. областные власти, не имея других вариантов сохранения первого камчатского музея, передали все сохранившиеся музейные экспонаты Петропавловскому высшему начальному училищу. На протяжении последующих почти полутора десятков лет история музея была связана с именем преподавателя училища Прокопия Трифионовича Новограбленова.

Губернатор Камчатской области в 1912—1916 гг. Николай Владимирович Мономахов и чиновники администрации с жёнами

П. Т. Новограбленов был человеком разносторонних знаний, сумевшим подняться из социальных низов, получить высшее образование. Он интересовался геологией, ботаникой, агрономией, зоологией, археологией, этнографией. Много путешествовал по Камчатке, организовал несколько экспедиций по малоизученным районам полуострова. Вёл переписку с научными учреждениями страны. Владея несколькими иностранными языками, переписывался с учёными Швеции, Германии, США, подрабатывал переводчиком у зарубежных гостей, посещавших полуостров. П. Т. Новограбленов является автором ряда работ, среди которых: «Каталог вулканов Камчатки», «Саранная рыба», «Белка на полуострове Камчатка» и другие.

П. Т. Новограбленов руководил работой музея с 1918 по 1932 г. На основе переданных училищу музейных предметов он организовал естественно-исторический кабинет.

В начале 1920-х гг. продолжалось пополнение фондов музея. Летом 1923 г. на Камчатке работал В. К. Арсеньев. При посещении музея он рассказал о своих этнографических путешествиях на север Приморской области и полуостров Камчатка. Арсеньев провёл археологическую разведку на северо-западном берегу Култушного озера, расположенного в пределах Петропавловска. В работах принимал участие и П. Т. Новограбленов. Результаты раскопок, как отмечал Новограбленов, подлежали дальнейшей передаче в Камчатский музей.

В октябре 1923 г. Камчатский губревком передал в Петропавловскую школу второй ступени, в которую было преобразовано Петропавловское высшее начальное училище, экспонаты, прибывшие в Петропавловск с севера Камчатской губернии (в 1922 г. Камчатская область была переименована в Камчатскую губернию) и опоздавшие на Всероссийскую хозяйственную выставку. Выставка этих экспонатов была устроена в школе, после чего 50 предметов дополнили географическую, зоологическую, этнографическую коллекции музея. По имеющимся отрывочным сведениям, в 1924 г. школьный музей исчислял свои экспонаты сотнями номеров, помещение в здании школы не отвечало его потребностям.

17 июля 1925 г. на заседании Камчатского губревкома был заслушан вопрос «Об открытии в Петропавловске Краеведческого музея», в результате было вынесено постановление: «Признавая наличие Краеведческого музея крайне необходимым, поручить губоно принять меры к открытию музея с будущего 1925/1926 бюджетного года, разместив его в помещении, ныне занимаемом Губпрофбюро».

П. Т. Новограбленов в своём докладе на заседании коллегии Камчатского окружного отдела народного образования в 1926 г. «О состоянии музея местного края и о дальнейших перспективах» настаивал на том, что необходимо учредить Камчатский музей как самостоятельное учреждение, исходя из потребности «организации Губернского научного хранилища».

1925 г. указан годом основания музея в «Паспорте музея» Камчатского областного краеведческого музея 1971 г. Основываясь на данных сведениях, можно предполагать, что в 1925 г. музей получил название Камчатского областного краеведческого музея. Однако не исключена возможность того, что в ходе дальнейших исследований будут получены более точные сведения.

В 1928 г. музей всё ещё находился в здании городской школы-девятилетки, что не мешало ему служить центром научно-исследовательской жизни камчатской общественности и пополняться большими коллекциями. С 1925 г. при музее была организована библиотека. На 1 января 1928 г. в библиотеке по каталогу числилось уже 302 книги, 25 карт местного края, камчатские газеты почти за все годы их выхода в свет. Ряд книг из той музейной библиотеки в настоящее время хранится в коллекции редкой книги Камчатского краевого объединённого музея. Многие из них имеют надпись

«Кружок изучения Камчатки», в 1926 г. реорганизованный в Камчатское краеведческое общество. Музей при школе по существу был единым целым с музеем активно работающего Камчатского краеведческого общества, и экспонаты, собираемые обществом, влились в коллекцию пришкольного музея.

Как свидетельствует «Отчёт о деятельности Камчатского краеведческого общества по 1 января 1928 г.», среди наиболее полных, систематически собранных коллекций музея можно отметить коллекцию оливиновых пород Камчатского мыса, гербарий камчатской флоры — более 900 видов, коллекцию из 931 фотографии природы, хозяйства и быта Камчатского округа. В музей поступали орудия каменного века, предметы быта, меховые изделия коряков, эвенков, изделия из моржового клыка с побережья Берингова пролива, фотографии камчатских ландшафтов и т. д.

Музей установил связи с научными и родственными учреждениями. В дар от Уральского политехнического института в музей было передано 115 образцов минералов Урала и Сибири, а в обмен в институт был отослан ящик камчатских горных пород.

Отсылались материалы в Зоологический и Ботанический музеи Академии наук, сейсмический отдел Академии наук, краевой музей в Хабаровске.

В 1928 г. работу по определению музейных коллекций проводили крупные учёные и специалисты: доктор Г. Х. Иогансен из Томского университета (коллекция птиц), сотрудник Национального музея США В. Айордам (коллекция раковин), геологи И. А. Преображенский и А. В. Власенко (горные породы).

В течение 1927/28 учебного года при музее работал музейный кружок, которым руководил П. Т. Новограбленов. В кружке состояло 22 ученика школы-девятилетки. Занятия проходили регулярно, один раз в неделю.

Прокопий Трифонович Новограбленов

1 февраля 1929 г. музей, наконец, получил отдельное помещение в здании окружкома ВКП(б), где занял четыре комнаты площадью 135 кв. м. С увеличением площади появилась возможность установки дополнительного оборудования: для размещения предметов были изготовлены четыре шкафа, четыре витрины, шесть подставок. От Зоологического музея Академии наук была получена помощь в виде научного снаряжения. Была продолжена работа по комплектованию музейных коллекций, объём которых исчислялся уже тысячами номеров. В большой степени пополнение музейных фондов происходило за счёт дарений музею.

В том же 1929 г. музей был открыт для посетителей два дня в неделю: в среду — с 15.00 до 18.00 и в воскресенье — с 10.00 до 13.00. С посетителей взималась входная плата — 20 коп., было также организовано экскурсионное обслуживание. С большим успехом прошла выставка работ участников фотосекции Камчатского краеведческого общества, где выставлялись более шестисот снимков, отражающих природу, быт и занятия населения Камчатки, деятельность Акционерного Камчатского общества, а также фотоаппараты и образцы химикатов для фотодела.

Члены Камчатского краеведческого общества, 1929 г. (фото И. Е. Ларина)

Несмотря на прогресс в работе музея, в следующем 1930 г., во время отсутствия П. Т. Новограбленова, находившегося в экспедиции, в музее было размещено переселенческое управление Акционерного Камчатского общества. Последующие обращения и ходатайства Новограбленова в советские организации ни к чему не привели, деятельность музея в 1930 г. была фактически свернута.

В марте 1933 г. П. Т. Новограбленов был арестован по обвинению в том, что он возглавлял диверсионно-повстанческую, шпионско-вредительскую контрреволюционную организацию, получившую название «Автономная Камчатка». На основании постановления судебной тройки полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю от 1 января 1934 г. П. Т. Новограбленов был расстрелян. Музей, лишившись руководителя, пришёл в полный упадок, были утрачены практически все экспонаты музея, расхищена мебель.

В июне 1933 г. музей смог переехать в здание бывшего Петропавловского собора, до этого использовавшееся под общежитие учащихся педагогического техникума. Здание находилось в плачевном состоянии. Проведение ремонта затягивалось по ряду причин. Музейные коллекции, сложенные в отдельной комнате, гибли от сырости

и холода. П. И. Смирнову, назначенному директором после ареста П. Т. Новограбленова, удалось спасти ряд предметов, но потери были велики. В своей статье «Окажем помощь музею», опубликованной в газете «Камчатская правда», Смирнов пишет о том, что «...из 586 зарегистрированных экспонатов северной археологии осталось не более сотни... из 417 экспонатов культуры и быта народов Севера налицо не более одной трети...»

В конце 1934 г. музей был перемещён в здание, расположенное на улице Ленинской, 86 (в документах также встречается указание номера дома 68 и 80. — О. Е.), где Камчатский областной краеведческий музей располагался до 1963 г.

Здание Камчатского областного краеведческого музея, 1937 г.

С 22 мая 1936 г. после капитального ремонта музей был открыт для посетителей. На небольшой площади в одном экспозиционном зале были расположены разделы: природы, истории, национальных культур (корякской, чукотской, эвенской), искусства северных народов, истории революции и гражданской войны на Камчатке. В день открытия музей посетило 600 чел.

Постоянная экспозиция КОКМ,
1930-е гг.

Группа экскурсантов и научный сотрудник КОКМ
Ф. Л. Лукашова (в центре) у здания музея, 1937 г.

В 1936—1940 гг. музей развивался достаточно устойчиво, пополнялись фонды. Однако половина фондовых коллекций находилась в непригодном для хранения помещении. В распоряжении музея долгое время был только один экспозиционный зал площадью 61 кв. м. Ввиду недостаточности экспозиционных площадей даже потолок и пространство под витринами использовались для размещения экспонатов (бивни мамонта, китовый ус, ставной невод), где они часто не замечались посетителями. Кроме материальных трудностей работа музея осложнялась частой сменой руководителей (в 1939 г. сменилось три директора). Тем не менее, несмотря на все сложности, музей вёл большую работу, в том числе просветительскую: в 1938 г. аудитория музея насчитывала 13 084, в 1939 г. — 19 871 чел.

Постоянная экспозиция КОКМ, 1936 г.

В 1940 г. экспозиционные площади расширились за счёт дополнительного зала (бывшей препараторской). Наряду с ранее созданными в экспозиции появился раздел, рассказывающий о возникновении города Петропавловска. В этом же году экспозиция музея пополнилась уникальным экспонатом — двухфунтовой чугунной пушкой с пакетбота «Святой апостол Пётр», привезённой в Петропавловск Николаем Ивановичем Моргалёвым с места зимовки экипажа пакетбота на острове Беринга в 1740—1741 гг. Н. И. Моргалёв работал в Камчатском областном краеведческом музее с ноября 1938 по апрель 1945 г. в качестве сначала научного сотрудника, а затем — директора. Музей оказывал большую поддержку работе школ: учителям предоставлялись для уроков наглядные пособия, для учеников был разработан цикл лекций о природе Камчатки, проводилось бесплатное обслуживание школьников в дни каникул, организовывались беседы, посвящённые истории города.

Познакомившись с работой музея в 1940 г., начальник музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР отмечал: «Возможности дальнейшего роста музея упираются в совершенно неприглядную площадь, на которой невозможно по-настоящему развернуть историю и социалистическое строительство области. Отсутствие необходимых условий хранения ставит под угрозу сохранность уже имеющихся ценных коллекций и целесообразность дальнейшего их пополнения».

Особой страницей в истории Камчатского областного краеведческого музея является его деятельность во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. После начала войны камчатский музей, наряду со всеми музеями СССР, перестраивал свою работу применительно к требованиям и условиям военного времени. Всё внимание было направлено на повышение патриотизма населения Советского Союза, мобилизацию

всех сил на самоотверженную работу с целью укрепления обороноспособности страны. В 1942 г. был организован новый экспозиционный раздел, посвящённый Великой Отечественной войне. Проводилась тематическая экскурсия: «Фашизм — враг культуры», была создана передвижная выставка «На фронтах Отечественной войны». Музей способствовал сбору средств на строительство боевой техники. Оперативная передвижная музейная выставка, посвящённая созданию танковой колонны «Камчатский рыбак», знакомила население с ходом сбора пожертвований.

Николай Иванович Моргалёв,
1941 г.

Исторический отдел постоянной
экспозиции КОКМ, 1940-е гг.

В годы войны Петропавловск стал перевалочной базой для грузов, направляемых в СССР из США по ленд-лизу. Наряду со всеми жителями города сотрудники музея участвовали в работах по разгрузке-погрузке судов, прибывавших в Петропавловский порт. Отдельным направлением работы музейных работников были выступления по радио. Освещаемые темы носили краеведческий характер, но были среди них и такие, необходимость которых была продиктована войной, например: «Боевые отравляющие средства и защита от них».

Всего за годы войны музей посетило около 63 тыс. чел.

Изучая сохранившиеся документы, можно отметить, что 1950—1960-е гг. характеризуются частой сменой директоров. В 1953—1959 гг. директором музея была Клавдия Васильевна Мечтанова, её сменили В. И. Ефимов, Л. К. Андрианова, Н. Н. Гончарова, Т. А. Матвеева, А. В. Семёнов — и это, судя по датам приёмопередаточных актов, далеко не полный список. Сведения о людях, возглавлявших камчатский музей в разное время (с 1932 по 1982 г.), ещё предстоит выявить, в некоторых случаях — уточнить имеющиеся данные. Отдельно хочется остановиться на личности Валентины Павловны Потаповой, сменившей на посту директора А. В. Семёнова, переведённого с 11 октября 1963 г. на работу заведующим Корякским окружным отделом культуры. Валентина Павловна родилась в Ленинграде в 1925 г. В 1941 г., выехав с матерью и сестрой на дачу в Новгородскую область, была вынуждена остаться там до лета 1944 г. Отец, оставшийся в Ленинграде, погиб в блокаду. В. П. Потапова в 1944 г. окончила искусствоведческое отделение исторического факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова. С октября 1951 г. вплоть до отъезда на Камчатку она работала в Государственном Эрмитаже в качестве научного сотрудника-экскурсовода. Сохранилось заявление В. П. Потаповой на имя начальника Камчатского

областного управления культуры Л. И. Курганова: «Прошу назначить меня временно исполняющей обязанности директора краеведческого музея с тем, чтобы я имела возможность проверить своё умение на этой работе и Вы могли бы проверить — целесообразно ли такое назначение» (сохранена пунктуация документа. — О. Е.). Валентина Петровна руководила деятельностью музея до 1 апреля (по отдельным документам до 25 марта) 1974 г. Её увольнение было связано с выездом на постоянное место жительства в Ленинград. В 1974—1982 гг. музей возглавляла Клара Николаевна Величко.

Камчатская областная библиотека в здании бывшей канцелярии губернатора, 1965 г. (фото Г. З. Гайдукевича)

Отдел истории постоянной экспозиции КОКМ, 1960-е гг.

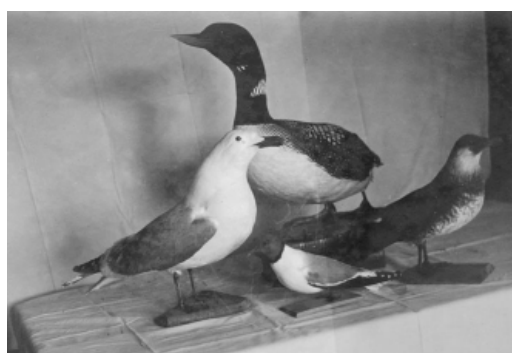
В 1982—2004 гг. директором музея являлся кандидат исторических наук, археолог Алексей Кириллович Пономаренко. В этот период музейная археологическая коллекция значительно пополнилась материалами археологических изысканий, проводимых директором музея, а также сотрудниками А. В. Гоковым и А. В. Пташинским.

В период 1950—1990-х гг. была собрана значительная часть музейного собрания, сформирована большая коллекция предметов материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, живущих на Камчатке. Среди них — предметы материальной культуры командорских алеутов,

камчатских эвенов, коряков, ительменов, чукчей. Основная часть этнографической коллекции собрана в результате музейных экспедиций, проходивших в Олюторском, Карагинском, Тигильском, Быстринском районах. Из Тигильского района Ю. В. Баженовым и К. Н. Величко были привезены интереснейшие предметы быта коряков, в том числе из села Седанка — уникальная похоронная корякская кухня. В 1970—1980-х гг. в музее работал этнограф-фольклорист, автор ряда краеведческих публикаций, основанных на материалах собственных исследований, Владимир Николаевич Малюкович, которым было собрано и описано большое количество предметов быта коряков и ительменов. Неоценимый вклад в комплектование этнографической коллекции внесли сотрудники музея Маргарита Ивановна Белова и Ирина Васильевна Витер.

Чучела птиц в отделе природы постоянной экспозиции КОКМ, 1960-е гг.

Чучела зайцев и птиц в отделе природы постоянной экспозиции КОКМ, 1960-е гг.

В 1970—1980-х гг. музей участвовал в работе Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции (СВАКАЭ) Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР под руководством известного российского учёного, археолога, члена-корреспондента Академии наук СССР Николая Николаевича Дикова.

С 1963 по 1982 г. музей размещался в здании на улице Набережной, 20. В 1982 г. музей переехал в дом номер 20 на улице Ленинской, откуда он начинал свою историю. В 1986—1989 гг. была проведена реконструкция здания и реставрация его фасада, в результате чего облик здания вернул многие из утраченных ранее деталей. В 1986 г. решением исполнительного комитета Камчатского областного Совета народ-

ных депутатов здание музея было принято на государственный учёт как памятник истории и культуры местного значения.

В 1968 г. начался выпуск повторяющегося издания «Краеведческие записки». С 1968 по 2002 г. было отпечатано двенадцать выпусков.

В 1999 г. Камчатский областной краеведческий музей опубликовал перевод книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки», изданной в Германии в 1774 г. Основой публикации послужил полный текст перевода — оригинал машинописного текста в количестве 554 страниц, переданный музею в 1995 г. историком Борисом Петровичем Полевым. Данный документ находится на постоянном хранении в фондах музея. В этом же году совместно с Комитетом природных ресурсов по Камчатской области и Корякскому автономному округу издан сборник «Геологическими маршрутами Камчатки» (воспоминания и дневники геологов) в двух томах.

В марте 2004 г. в результате реорганизации путём слияния государственных учреждений культуры «Камчатский областной краеведческий музей», историко-культурный центр «Нижне-Камчатский острог», «Мильковский этно-культурный центр камчадалов Камчатской области» было создано государственное учреждение «Камчатский государственный объединённый музей» (ГУ КГОМ). Руководство музеем было возложено на Ольгу Владиславовну Ефимову.

Вновь образованный музей состоял из головного музея в городе Петропавловске-Камчатском и двух обособленных структурных подразделений — отделов в селе Мильково и посёлке Усть-Камчатске. В 2008 г. отдел в Усть-Камчатске был передан Усть-Камчатскому муниципальному району.

С 1 мая 2008 г. ГУ КГОМ было переименовано в краевое государственное учреждение «Камчатский краевой объединённый музей» (КГУ ККОМ).

Основные направления деятельности музея отражены в формулировке его миссии: «Краевое государственное учреждение “Камчатский краевой объединённый музей” собирает, сохраняет, изучает и публикует материальные памятники истории и культуры, объекты природы Камчатки; способствует сохранению нематериального культурного наследия Камчатки; пробуждает и поддерживает интерес общественности к истории Камчатки».

Музей также оказывает информационно-методическую помощь музеям и музейным учреждениям Камчатского края в организации всех видов музейной деятельности, проводит консультации, индивидуальные и групповые стажировки музейных сотрудников. Особенно большое внимание уделяется работе с фондами, поскольку предметы являются основой всей деятельности любого музея.

В настоящее время фонды КГУ ККОМ насчитывают более 140 тыс. единиц хранения, в том числе без малого 116 тыс. — основного фонда. В них собраны следующие коллекции: художественная, вещественных источников, археологии, этнографии, документов (на бумажной основе, кино-, фоно-, фотодокументов), редкой и ценной книги, оружия, предметов из драгоценных металлов.

Художественная коллекция (4 260 единиц хранения) включает в себя произведения живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. В коллекции представлены иконы XVIII—XIX вв., многочисленные произведения камчатских мастеров, членов Союза художников СССР и Союза художников России.

Археологическая коллекция насчитывает более 20 тыс. предметов: коллекции предметов с древнейшей на Камчатке многослойной стоянки Ушки, коллекций предметов материальной культуры древних ительменов, коряков, кереков. Особый интерес представляют археологические находки с места зимовки экипажа пакетбота «Святой апостол Пётр» на острове Беринга в 1740—1741 гг.

В этнографической коллекции (2 309 единиц хранения) представлены предметы материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока, живущих на Камчатке, — ительменов, коряков, эвенов, алеутов Командорских островов, а также переселенческого населения. В данной коллекции имеются уникальные предметы конца XIX — начала XX вв.

Хронологические рамки коллекции вещественных источников (5 936 единиц хранения) охватывают период с XVII по XXI в. В составе этой коллекции представлены

ткани, одежда, предметы быта, предметы по истории военно-морского флота и рыбной промышленности Камчатки, предметы фалеристики, нумизматики, бонистики, предметы естественнонаучной коллекции (геологические образцы, продукты вулканической деятельности и прочие).

Коллекция документов и редких книг насчитывает около 102 тыс. единиц хранения. Фото, фоно, аудио и видео материалы документируют различные стороны жизни Камчатки, её жителей. Уникален альбом с фотографиями Камчатки 70-х гг. XIX в., принадлежавший польскому учёному, исследователю Сибири и Камчатки Б. И. Дыбовскому. В фондах музея имеется Евангелие 1600 г., изданное в г. Вильно типографией Луки и Кузьмы Мамоничей, церковные книги XVIII—XIX вв., книги по истории и географии Камчатки.

В головном музее действует постоянная экспозиция, созданная в 1990 г. к 250-летию г. Петропавловска-Камчатского. Она включает разделы: «Природа Камчатского края», «Древняя история Камчатки», «История присоединения Камчатки к России», «История Камчатки в конце XVII — начале XX вв.», «Традиционная культура коренных и малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири, проживающих на территории Камчатки».

Музей ведёт интенсивную выставочную работу: в период с 2004 по 2010 г. музеем были созданы 124 временные выставки, в том числе: этнографические; посвящённые истории города Петропавловска-Камчатского; представляющие коллекционный показ музейных предметов; посвящённые различным знаменательным датам; выставки дарений музею, приуроченные к Международному дню музеев, и другие.

В мае 2010 г. КГУ ККОМ вошёл в число музеев, участвующих в проведении международной музейной акции «Ночь в музее», организовав «Этническую ночь в музее». В мае 2011 г. была проведена «Ночь искусств и науки в музее».

В 2008 г. в Петропавловске-Камчатском с целью сплочения местного музейного сообщества, привлечения внимания населения к музейному делу был организован первый «Парад музеев Камчатского края», за несколько дней работы представивший горожанам краевые, муниципальные музеи и музейные учреждения, нашедшие возможность участвовать в нём. В 2010 г. состоялся второй «Парад музеев» (научно-практическая конференция «Музей и общество: работа с фондовым собранием музея»). КГУ ККОМ является одним из основных организаторов обоих «Парадов».

2010 г. стал для КГУ ККОМ «годом каталогов». Были изданы: электронный «Каталог особо ценных единиц хранения государственных и муниципальных музеев Камчатского края» (в рамках краевой целевой программы «Культура Камчатки. 2010—2012 гг.»), предметный каталог «История военно-морского флота России в коллекциях Камчатского краевого объединённого музея», предметный каталог «История рыбной промышленности Камчатки в коллекциях Камчатского краевого объединённого музея», готовится к выпуску каталог музейной коллекции корякских сумок.

КГУ ККОМ успешно сотрудничает с зарубежными благотворительными организациями. В рамках программы «Встреча на границах» международного общественного фонда «Открытая Сибирь. Агентство регионального развития» в 2004 г. была проведена оцифровка коллекции фотографий по истории Камчатки XIX—XX вв., приобретено мультимедийное оборудование. В 2006—2007 гг. при финансовой поддержке Службы национальных парков США временная выставка КГУ ККОМ «Сотворение мира: духовная культура коряков полуострова Камчатка» экспонировалась в Музее Алеутских островов в городе Уналашке (США). В 2007 г. в рамках проекта Forest Conservation on Kamchatka / Сохранение биологического разнообразия экорегиона «Таёжные леса Камчатки» по гранту Камчатско-Берингоморского экорегионального отделения WWF-Россия был частично обновлён раздел постоянной экспозиции «Природа Камчатского края».

Камчатский краевой объединённый музей находится накануне своего столетнего юбилея, который он встретит в здании, являющемся его ровесником, приютившим сто лет назад первые музейные коллекции. Сейчас это здание входит в перечень объектов культурного наследия регионального значения под названием «Здание губернской канцелярии», место его расположения находится в зоне исторической застройки

ки города Петропавловска-Камчатского, значительно расширившего свои границы с того памятного 1909 г., когда началось его стабильное, хотя, надо признать, и не очень быстрое развитие. История развития города и всего Камчатского края — это одновременно и история формирования и роста музейных коллекций, которым стало очень тесно в стенах своего первоначального пребывания. Хочется надеяться, что второе столетие ведущего музея Камчатского края будет связано с историей нового музейного здания, специально построенного для краевого музея.

ИСТОЧНИКИ

1. Приёмо-сдаточные акты, составленные при смене руководителей музея. 1939—1963. Из фондов КГУ ККОМ.
2. Паспорт музея. 1971. Из фондов КГУ ККОМ.
3. *Володарская Е. Е.* Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея (1911—1934) // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 12. — Петропавловск-Камчатский, 2002.
4. *Литягина А. В.* Досуг в городах России во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории. — № 10. — 2007.
5. *Моргалёв Н. И.* Поиски пушек. Командоры. Пробный вариант. Штурм бухты Командор // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 9. — Петропавловск-Камчатский, 1995.
6. *Слабука В.* «Автономная Камчатка» — суровая реальность или грандиозная мистификация? // Дело взято из архива... Сборник очерков истории органов государственной безопасности Камчатки. — Владивосток, 2008.
7. *Соколова С. И.* Из истории Камчатского музея // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 7. — Петропавловск-Камчатский, 1991.
8. Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас / Под общ. ред. Н. Д. Жданова, Б. П. Полевого. — М., 1997.
9. КОКМ ОФ 32123/1—9.
10. КОКМ ОФ 34306.

ИСТОРИЯ

В. Е. БЫКАСОВ

РЕКА КРЕСТОВАЯ

В своё время, в связи с изучением похода В. Атласова на Камчатку, мне уже довелось упоминать о реке Канучь (Кчанучь, Кшанучь, Крестовой, Крестовке). И уже тогда обратить внимание на путаницу с её названием и местоположением. Так что в данной статье мною будет предпринята попытка разобраться в этом вопросе.

Анализ исходного материала. Целью предлагаемого исследования является установление более или менее определённой ясности с названием и местоположением реки Крестовой. Эту реку обычно отождествляют с нынешней рекой Белой. Хотя на самом деле (и это будет показано ниже) река, которая под именем Канучь (Кчанучь, Кшанучь, Крестовая, Крестовка) неоднократно упоминается С. П. Крашенинниковым, и современная река Белая — это две совершенно разные реки. Они «слились» в одну в результате нечётко установленных интерпретаторами «Описания земли Камчатки» историко-ландшафтных (с упором на ландшафтные) критериев. А точнее, вследствие нежелания (неготовности) привлекать к изысканиям подобного рода данные о ландшафтном антураже конкретного исторического события и об естественных и закономерных изменениях этого самого антуража со временем.

Впрочем, для выяснения сути дела обратимся к тому самому первоисточнику — «Описанию земли Камчатки» — от которого принято отталкиваться в поисках изначальных установок при изучении географии и истории Камчатки времён её открытия и освоения.

«От устья реки Еловки, следуя вверх по реке Камчатке, можно почесть за первое знатное урочище Тоткапенем протоку, для того, что над нею построен был самой первой Нижней Камчатской острог; а расстоянием сие урочище от Еловки реки в трёх верстах. Близ того урочища пала в помянутую протоку и небольшая речка, которая Резень называется.

В верстах 24S от объявленного урочища течёт в Камчатку с левой стороны речка Канучь, которая от российских жителей называется Крестовою, потому что близ устья ея находится крест, которой при первом российском походе на Камчатку поставлен с следующею надписью: «СЕ. году, Июля ГІ. дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи НЕ. человек. Выше Крестовой речки текут в Камчатку Греничь, Кру-кыг, Ус-кыг, и Идягун, из которых Ус-кыг пала с правой, а прочия с левой стороны и Кру-кыг называется от казаков Крюками, а Ус-кыг — Ушками. Идягун особливо достойна примечания потому, что около ея устья бывают осенние рыбные промыслы, куда не токмо казаки, но и Камчадалы съезжаются для ловли белой рыбы (кижуча. — В. Б.), которая там застаивается, чего ради оное место и Застоем называют жители. Такие застои есть и выше Идягуна реки, а имянно не доезжая вёрст за 5 до речки Пименовой, что по Камчатски Сеухли, которая без мала в 12 верстах выше Идягуна течёт в Камчатку с левой стороны.

От речки Крестовой до Гренича почитается 12S вёрст, от Гренича до Кру-кыга столько же, от Кру-кыга до Ус-кыга 25 вёрст, а от Ус-кыга до Идягуна 12S вёрст прямою дорогою» [1, с. 17—18].

Да простят меня за столь огромную цитату, но без этого о дальнейшем говорить просто нельзя. Потому что из этих первичных сведений однозначно следует, что место расположения первого Нижнего Камчатского острога находилось неподалеку от устья современного ручья Ключевского, расположенного в шести, примерно, верстах выше посёлка Ключи. И в 26—27 км (в 24,5 верстах) от старого устья реки Белой, если измерить это расстояние по карте.

При чём тут Нижний Камчатский острог? Да при том, что определение места его первоначального расположения помогает привязать наш искомый объект — устье реки Крестовой — к современной местности. В том смысле помогает, что острог в данном

случае выступает в качестве репера, к которому привязывается расположение устья реки Крестовой.

Другим таким репером служит устье реки Крюки. То есть, измерив по карте расстояние от устья реки Крюки до устья старого русла нынешней реки Белой (старого русла, подчеркиваю, ибо в настоящее время два новых устья реки Белой сместились на несколько километров вниз по течению), мы получим почти ту же самую — 27—28 км, или около 25 вёрст, — оценку, которую приводит С. П. Крашенинников (см. выше).

Но тем самым устье реки Канучь времён В. Атласова и С. П. Крашенинникова попадёт в своеобразную «вилку» — двадцать пять вёрст туда, двадцать пять вёрст сюда — достоверность которой убедительно подтверждается мнением В. М. Головнина [2], согласно которому расстояние от острожка Крестовского, располагающегося вблизи устья реки Крестовской, до Ключей составляет 31 версты (32—33 км по современным картам). То есть, говоря окончательно, устье реки Крестовой (Канучь) действительно находилось в том самом месте, где в настоящее время установлен аналог атласовского креста. Тем не менее по-прежнему остаётся неясным главное — было ли это устье одной и той же реки, но именуемой по-разному; или же это было общее устье двух разных рек, слившихся неподалеку от впадения в Камчатку в одно русло? И если это были две разные реки, то куда «девалась» одна из них? Или, говоря проще и точнее, возникает вопрос — не изменилась ли (и насколько, если изменилась) за два с половиной века гидрография исследуемой местности, а вместе с ней и ситуация с названиями рек? Вот я и попробую на него ответить. Ибо уверен, не сделав этого, вряд ли можно будет установить истину.

Начать же это расследование уместно с возвращения к тому, что реку Белую издавна и до сих пор отождествляют с рекой Канучь (Крестовой). К примеру, в своё время известный камчатский историк и краевед В. П. Кусков по этому поводу написал:

«Белая — река, левый приток р. Камчатки. По ительменски называлась Канучь (Крашенинников С. П.). После установки в 1697 г. неподалеку от её устья креста с надписью «205 (т. е. 1697) году, июля 13 дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи 55 человек», река стала называться среди казаков Крестовой. Неизвестно, по какой причине (возможно в связи с белыми валунами и галькой) на картах конца XIX в. названа рекой Белой. Тем не менее среди местного населения река продолжала называться Крестовой, что, очевидно, связано и с тем, что в устье её стоял пос. Кресты. В конце 50-х гг. посёлок прекратил свое существование. Не исключено, что в результате этого название, прямо связанное с походом Атласова, окончательно исчезнет» [3, с. 22].

То есть, как можно видеть, в понимании В. П. Кускова, река Белая и река Канучь — это одна и та же река. Оставляю пока это утверждение без комментария. А относительно возникновения имени «Белая» замечу, что главный исток реки Белой берёт начало в кратере вулкана Чашаконджа, днище которого сложено гидротермально изменёнными горными породами жёлтого и светло-жёлтого (почти белого) цвета, и что вследствие интенсивного размыва этих крайне рыхлых пород тальными водами речная вода приобретает грязно-белый цвет, сохраняющийся на протяжении 12—15 км от истока [4]. Причём наиболее тонкие частицы этих пород, распространяясь практически до самого устья реки, отлагаются на поверхности галечника в виде белесоватой пленки, ставшей особенно заметной после ухода воды из старого русла.

Вторит В. П. Кускову и другой известный камчатский краевед В. И. Борисов (Атласовский крест. — Петропавловск. — 1997. — 19 сент. — № 28):

«Перевалив через Срединный хребет, русские казаки и промышленники отряда В. Атласова по долине реки Кчанучь (Ксанути) достигли главной реки полуострова. Но прежде казакам пришлось разгромить ительменский острожек, что находился в болотистой местности в некотором расстоянии от впадения в полноводную Камчатку. Именно в связи с этим с этими событиями — взятием острожка и выходу к главной реке полуострова, В. Атласов поставил крест.

Сегодня в устье реки Белой, так стала называться река Крестовка с начала нашего столетия, стоит четырёхконечный крест, поставленный ключевскими школьниками в мае 1988 г., сейчас он практически не виден из-за разросшегося тальника».

То есть, как можно видеть, В. И. Борисов также отождествляет реку Кчанучь с нынешней рекой Белой. Оставлю это суждение на совести автора, а на будущее отмечу, что отряд В. Атласова не мог из долины реки Тигиль перевалить в долину реки Белой. И не столько даже потому, что в этом случае казакам пришлось бы буквально ползти через крутые, покрытые многолетними снежниками и ледниками горные склоны мощного — высотой до 2,5 км — вулканического массива Алней-Чашаконджа. Сколько потому, что рядом (южнее вулкана Чашаконджа) располагается невысокий (чуть более километра), с очень пологим западным и с несколько более крутым восточным склонами перевал через Срединный хребет. Следуя которым, можно попасть только либо в долину реки Половинной, либо в долину реки Крюки, но никак не в долину реки Белой, отделённой от указанного перевала мощной постройкой вулкана Чашаконджа.

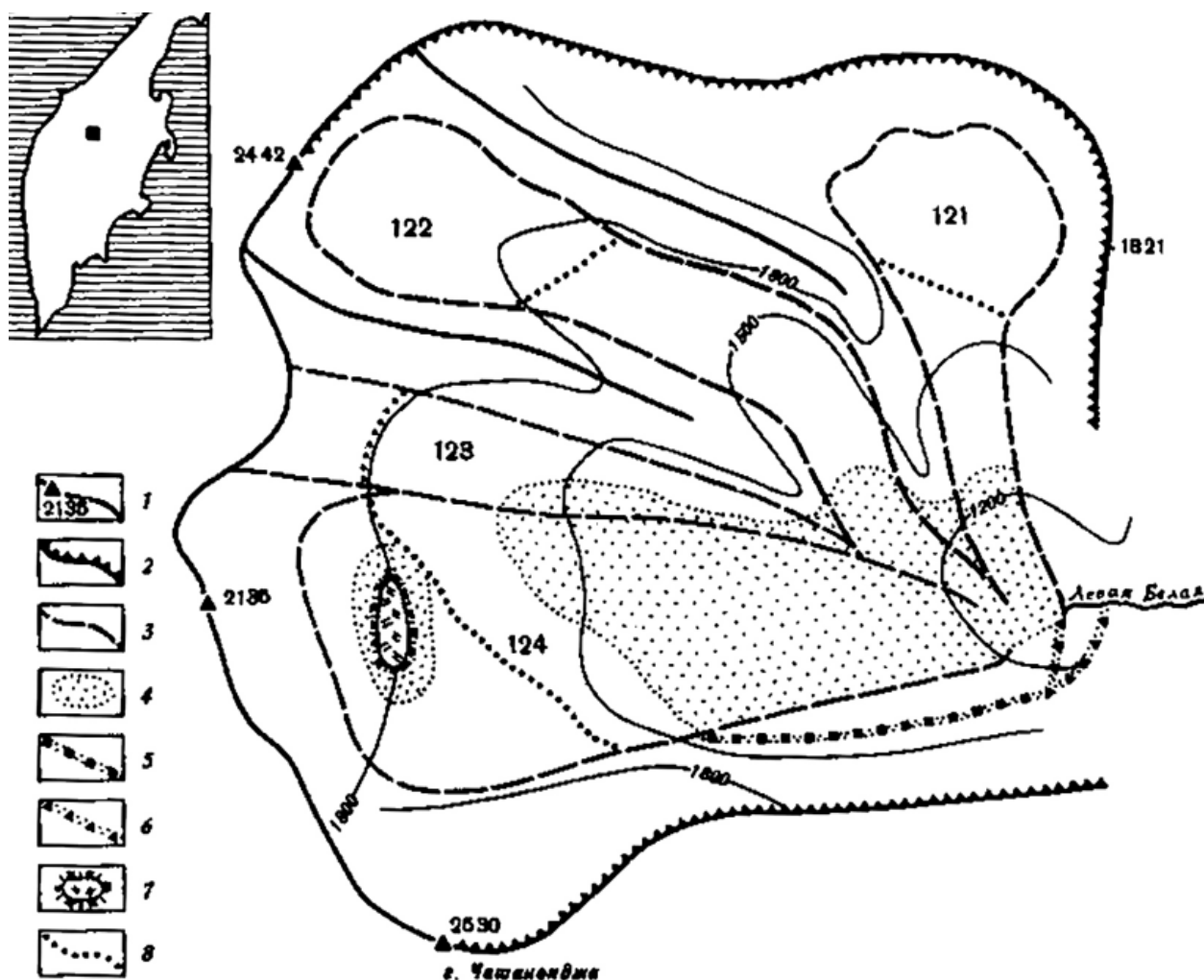

Схема ледников кальдеры вулкана Чашаконджа [4]:

1 — водораздел Срединного хребта; 2 — гребень кальдеры; 3 — граница ледниковых тел; 4 — моренный покров на поверхности ледников; 5 — боковая морена; 6 — конечная морена; 7 — выход коренных пород; 8 — сезонная фирновая линия

Что же касается разгрома острожка на реке «Ксанутш», то замечу, что, выйдя к реке Камчатке, В. Атласов, по его же собственным словам, встретил на своём пути сразу четыре (а не один) ительменских острожка. Причём он тут же заключил с их жителями военный союз, после чего поплыл вместе с ительменскими воинами вниз по реке покорять жителей нижних ительменских острогов [5]. Так что до начала сплава он не покорял ни одного из встреченных им в долине реки Камчатке острожков.

Ну и последнее замечание — ительмены (как, кстати, и коряки, и чукчи) никогда не сооружали своих острожков на болотах — они всегда воздвигали их на достаточно высоких (чтобы вешняя и дождевая вода не заливала полуподземные юрты) берегах

рек и озёр. Так что и в этом отношении получается неувязка с действительностью. Особенно если помнить, что русское поселение Кресты, первоначально поставленное на левом берегу реки Камчатки в нескольких километрах ниже устья реки Крестовки, настолько часто заливалось в летнее половодье [6], что вскоре после его посещения К. Дитмаром переселенцы были вынуждены перебраться ниже по течению, на правый — возвышенный — берег реки Камчатки.

Для справки добавлю, что бывшее село Усть-Камчатского района Кресты (Крестовское) было образовано между 1810—1820 гг. и просуществовало до 1950 г. [7]. И что после вынужденного перемещения располагалось оно на правом берегу реки Камчатки, немного ниже устья реки Крестовой [8]. То есть на месте, где когда-то стоял ительменский острожек, именовавшийся во времена С. П. Крашенинникова и В. М. Головнина Крестовским.

Что же касается самого креста, коль скоро речь зашла и о нём, то стоит отметить, что всего лишь через девять лет после установки аналога атласовского креста на самом берегу реки Камчатки, он практически полностью скрылся из виду за разросшимся тальником. Тогда как С. П. Крашенинников без всякого труда обнаружил первоначальный крест спустя сорок лет после его установки. И оба этих факта весомо, хотя и косвенно, подтверждают высказанную мною ранее мысль (Крест Атласова // Рыбак Камчатки. — 2005. — 31 авг., № 35; 7 сент., № 36) о том, что подлинный крест В. Атласова никак не мог стоять у самого уреза воды, ибо в этом случае он не выполнял бы основной своей основной функции — долгие годы бросаться в глаза в качестве символа присоединения Камчатки к России. Не мог, так как за это время его либо смыло бы, либо он полностью бы зарос уже лет через пятнадцать-двадцать. Так что и крест, скорее всего, стоял на правом берегу рядом с уже упомянутым ительменским острожком, отчего тот и был назван русскими Крестовским.

Но вернёмся к самой реке. В принципе, не противоречит названным авторам и ещё один известный камчатский краевед писатель М. Я. Жилин [9, с. 26]:

«Крест Владимира Атласова, землепроходца, присоединившего Камчатку к Российскому государству, восстановлен 20 сентября 2000 г. на его историческом месте — у слияния реки Белой (Кануч, Крестовой) с рекой Камчаткой», — пишет он. И тут же раскрывает предысторию и причину установки этого аналога атласовского креста:

«В 1959 г. краевед В. Воскобойников и Герой Советского Союза, вице-адмирал Г. Щедрин, командующий Камчатской флотилией, проявили инициативу по восстановлению памятного креста Атласова. 9 августа 1959 г. ими, при участии жителей посёлка Ключи и моряков Петропавловского гарнизона был установлен крест на левом берегу реки Белой. Такое название вместо Крестовой (Кануч) появилось на картах в конце XIX столетия по неизвестной причине, возможно, за белый цвет гальки. Крест простоял до мая 1988 г. и был заменён новым. Его поставили школьники города Ключи. По некоторым параметрам он не соответствовал первоначальному. Так, вместо восьмиконечного был установлен четырёхконечный крест. С отступлением от исторической была сделана и надпись. Со временем этот крест зарос тальником и совершенно не был виден не только с реки Камчатки, но и с реки Белой. По существу он перестал соответствовать своему назначению».

То есть, как можно видеть, этот исследователь камчатской старины также солидарен с тем, что главным назначением креста было идеологическое и юридическое закрепление вновь завоёванных «землиц» за Россией. А значит, и он, пусть бы и не акцентируя внимание на данном обстоятельстве, согласен с тем, что этот символ государственной власти и одновременно ориентир для других отрядов не мог быть установлен таким образом, чтобы исчезнуть из глаз и памяти людей всего лишь через полтора-два десятка лет. И тем не менее первоначальным («историческим») местом установки креста М. Я. Жилин считает берег реки Камчатки. Несмотря на то, что этот берег раз в несколько лет (как это было, например, в 2009 г.) практически полностью заливается во время весенне-летнего половодья. А также на то, что аналог креста, установленный на этом самом «историческом» месте, по причине зарастания перестал соответствовать своему назначению.

То есть камчатские краеведы, как, впрочем, и многие профессиональные историки (тот же, например, Б. П. Полевой [10]), не хотят признать одну простую вещь — казаки, лучше нас отдававшие себе отчёт в том, для чего сооружаются эти символы государственности, никак не могли установить свой крест на ежегодно заливаемом берегу реки. Никак, ибо устанавливали они кресты профессионально, то есть со знанием не только того как, но и где, в каком именно месте, нужно устанавливать подобные сооружения. Ну а уж то, что половодье заливает прибрежную часть поймы Камчатки, казаки знали не понаслышке, ибо сплавливались они по реке в самый разгар половодья, а устанавливали крест ещё тогда, когда вода в реке только-только пошла на убыль. Что же касается скорости зарастания берегов рек северо-восточной части Азиатского материка тальником, то об этом они знали сызмала.

Тем не менее для более полного понимания ситуации уместно будет привести ещё одну цитату:

«Крестовая — река, лев. прит. р. Анадырь, Анад. р-на. Известна с середины XVIII в. На месте выхода речки из гор стоял огромный крест-веха, служивший ориентиром землепроходцам при переходе на р. Белую и дальше через Пекульнейский хр. на побережье Чукотского п-ва» [11, с. 205]. Так что не только в качестве символа государственности ставились кресты, но и как ориентиры. А для этого, согласитесь, они должны были устанавливаться на видном и уж точно не на зарастающем всего лишь через пятнадцать-двадцать лет месте.

Впрочем, к разговору о месте установки креста В. Атласова уместнее будет вернуться после того, как будет решена проблема с именами, руслами и устьями выше-названных рек, поскольку без этого все рассуждения на эту тему будут беспредметны. Что же касается неразберихи с путями следования казаков В. Атласова из долины реки Тигиль в долину реки Камчатки и путаницы с названиями рек, то объясняются они, на мой взгляд, тем, что триста лет тому назад и многим позже, вплоть до конца XIX в., в исследуемой местности существовали две большие самостоятельные реки — Крестовая (Канучь) и Белая (Ошачь), которые сливались воедино в одной версте выше их общего устья.

То есть, по моим представлениям, основанным на данных полевых ландшафтно-геоморфологических исследований (а только вдоль и по руслу реки Белой я прошел трижды), во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова здесь существовали общие русло и устье двух совершенно разных водотоков. А именно собственно реки Канучь (Крестовой), берущей начало в Срединном хребте южнее вулкана Чашаконджа, и впадающей в неё с севера реки Ошачь (Белой), истоки которой располагаются на восточных склонах и в кальдере этого же вулкана. И для подтверждения этого мнения я вновь обопрусь на мощное плечо С. П. Крашенинникова:

«Пыарантынум речка, от Крюков верстах в 3, вышла верстах 10 из пади и впаля в Камчатку по течению с левой стороны. Немного отъехав от устья сей речки взнялись на левую сторону Камчатки и ехали чистым местом (замерзшим болотом. — В. Б.) до нижеописанного острожка.

Греничь речка, от Пыарантынум верстах в 8, вышла верстах в 60 из хребта и от переезду верстах в... в Камчатку впаля, вершиною сошлась она с росошиною Хариузой речки, Туляган называемой.

Канучь (Крестовая) речка, шириною сажень с 15, от Гренича верстах в 12, вышла из одного места с Греничем речкою, и от того места, где мы на неё спустились, верстах в 2 в реку Камчатку впаля. Она Крестовою от того называется, что на устье её на левом берегу в первую бытность свою Володимер Атласов поставил крест, который ещё и по сие время стоит, а на нём написано: “СЕ году, июня 13 дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи 55 человек”» [1, с. 662].

Как можно видеть, эта дорога студента Академии наук пролежала через чистые места (замёрзшие болота) приустьевых участков левых притоков реки Камчатки. При этом, судя по современным картам, реке Пыарантынум соответствует река Пиндра, отстоящая от реки Крюки на три километра (версты) ниже по течению, ниже которой в восьми километрах (верстах) в реку Камчатку впадает река Говянка.

Сложнее обстоят дела с нынешней рекой Половинной. С одной стороны, она, начинаясь со склонов упомянутого выше перевала Срединного хребта, более соответствует реке Крестовой в толковании С. П. Крашенинникова, нежели реке Греничь в его же понимании. И в то же время, с другой стороны, её устьевая часть в настоящее время принимает в себя левое русло реки Говянки, второе русло которой впадает в озеро Половинное и затем в реку Камчатку. И тем самым современные реки Говянка и Половинная в устьевой своей части образуют общую водную систему, удалённую от старого устья реки Белой на двенадцать километров.

То есть, говоря иначе, современная река Половинная не соответствует реке Крестовой трёхсотлетней давности, так как эта последняя, по словам С. П. Крашенинникова, впадала в реку Камчатку в двенадцати верстах ниже нынешнего устья реки Половинной. И, следовательно, нужно как-то прояснить эту ситуацию.

Первое, что приходит на ум при попытке объяснить это разноречие, является предположение о том, что в данном случае С. П. Крашенинников обознался с названиями означенных рек. Однако вряд ли это так, поскольку ко времени появления на Камчатке С. П. Крашенинников был уже окончательно сложившимся исследователем, отличавшимся к тому же изрядной природной наблюдательностью и дотошностью.

Но в этом случае остается признать, что во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова гидрография данной местности выглядела несколько иначе, чем в настоящее время. То есть следует признать, что тогда нынешняя река Половинная впадала в Камчатку в двенадцати верстах ниже, чем сейчас, и что именовалась она в те времена рекой Крестовой (Канучь).

Так ли это было на самом деле, выяснится чуть попозже, а пока нужно обратить внимание на действительно несомненную ошибку в данном высказывании С. П. Крашенинникова, ибо в дальнейшем это может сыграть существенную роль при определении настоящего места установки подлинного креста В. Атласова.

Суть тут заключается в том, что вот эта последняя цитата с указанием месяца (*июнь*) и места (*на устье её на левом её берегу*) установки подлинного креста взята мною из приложения к книге «Описание земли Камчатки» издания 1949 г. Или, точнее, из рапорта, написанного С. П. Крашенинниковым сразу же после завершения маршрута. А этот документ самим автором никогда не правился. Никогда!

Подчеркиваю же я это обстоятельство потому, что в основном тексте «Описаний», в практически идентичном высказывании (см. начало статьи), указывается, что названный крест был установлен в июле и что стоял он вблизи устья реки Крестовой. Вблизи, подчеркну, но всё же не в устье. И нет ни единого слова о левом берегу. Ну, а поскольку текст основного издания книги четырежды выверялся, дополнялся и исправлялся самим С. П. Крашенинниковым, то единственно верными следует признать именно эту — июль — дату и именно эту — вблизи устья реки Крестовой — привязку. Так что данные о месяце и месте установки креста, приводимые в черновом материале, применять в качестве основания для установления подлинного места расположения оригинального креста В. Атласова было бы по меньшей мере неосмотрительно.

Но вернёмся к самим рекам. В анализируемом свидетельстве первого профессионального географа и историка Камчатки приводится прямое указание на то, что река Крестовая *«вышла из одного места с Греничем речкою»*. А это, в свою очередь, предполагает три варианта объяснения ситуации. То есть либо С. П. Крашенинников невольно (по незнанию, ибо сам он этим путём никогда не ездил) принял две совершенно разные реки за одну, либо он считал, что реки Крестовая и Греничь, начинаясь в одном месте, далее текут параллельно друг другу и только по выходу из гор растекаются в разные стороны. Либо, наконец, он принимал два русла (две протоки) одной и той же реки за две самостоятельные реки.

Впрочем, не исключается и ещё один вариант, согласно которому под рекой Греничь им понималась нынешняя река Говянка, устье которой в наше время также располагается в двенадцати верстах выше старого устья реки Белой. Не исключается, потому что современная река Говянка, если рассматривать её долину от её же устья, действительно кажется выходящей *«из одного места»* с рекой Половинной. Так и потому, что по ней вполне можно проехать и в долину реки Крюки, и в долину

реки Половинной, а затем через общий перевал этих двух рек проследовать далее — к рекам Хайрюзовой или Тигилю.

Таким образом, повторюсь, ситуация складывается весьма противоречиво. И чтобы разобраться в ней, обратимся ещё к одному высказыванию автора «Описаний»:

«Из Верхнего Камчатского острога на Тигиль по Еловке же ездят; однако есть оттуда на Тигиль и другие дороги: через Оглукоминский хребет до Оглукоминского острога, и оттуда на север по Пенжинскому морю, а другая по реке Крестовой на Хайрюзову.

Другую дорогою 11 или 12 дней на переезд надобно: ибо следуя вниз по Камчатке первую ночь должно ночевать на Кырганике, другую в Машурином острожке, третью на Шапиной речке, четвертую на Толбачике, пятую у Харкача в острожке, шестую в Крестовском, а от Крестов вверх по реке Крестовой и вниз по Хариузовой до Хариузовского острожка, также, как из верхнего Камчатского острога до Оглукоминского, в третий день переезжают, а от Хариузовского острожка до Тигиля на другой или третий день, как выше показано» [12, с. 146—147].

То есть, как можно видеть, С. П. Крашенинников знал, что истоки рек Крестовой и Хайрюзовой размещаются вблизи друг от друга, но по разные стороны одного и того же перевала через Срединный хребет. Как знал он и то, что ительмены и казаки к рекам Хайрюзовой и Тигилю предпочитали ездить именно по реке Крестовой, а не по реке Греничь. Но раз так, то нынешняя река Половинная, выходящая своим основным истоком к названному перевалу, именоваться Греничем могла только в том единственном случае, если она по выходу из предгорий разделялась на две протоки. Левая (нижняя по течению — точнее) из которых в те времена воспринималась как река Крестовая, а правая носила название Греничь. А вот это-то как раз и проблематично, ибо что-то, а гидрографию тех мест ительмены и казаки знали настолько достоверно, что никак не могли одной и той же реке присвоить два — Греничь и Крестовая — названия. Пусть бы даже у этой реки и существовали два самостоятельных устьевых русла (две протоки). Напомню по этому случаю, что когда у реки Белой в 1973 г. образовалось (в её нижней части) новое русло, то оно получило название Протоки Белой, а не какое-то иное, совершенно новое имя.

Так что окончательным выходом из указанной неразберихи с названиями и руслами рек является признание того факта, что во времена В. Атласова и С. П. Крашениникова нынешняя река Половинная действительно именовалась рекой Канучь (Крестовой). Что она одним руслом впадала в реку Камчатку в том самом месте, где в наше время располагается старое русло реки Белой. И что затем это русло «ушло» вверх по течению реки Камчатки.

Могло бы такое быть? Судя по особенностям развития речной сети этой части долины реки Камчатки — безусловно. Однако прежде чем перейти к обоснованию этого утверждения, стоит ответить ещё на один вопрос — а возможно ли вообще движение собачьих упряжек через упоминаемый перевал? Ну, хотя бы потому следует, что некоторые из моих оппонентов при упоминании об этом перевале протестующе восклицали: *«Но ведь это же невозможно — там такие крутые склоны! Я сам это видел, пролетая на вертолёте».*

Ну, что тут сказать? Что названный перевал ничуть не выше и не круче, чем перевалы Срединного хребта, расположенные между долинами рек Крутогоровой, Облуковиной, Седанкой и так далее с одной стороны и долиной реки Камчатки — с другой? Так ведь это видно и по картам, а потому и не нуждается в доказательствах. Что смотреть и видеть — это совершенно разные вещи? Так и это тоже известная истина. И тем не менее добавлю, что я достаточно часто пролетал на вертолёте над местами, по которым до этого или после этого проходил пешком. А потому прекрасно знаю, что когда вертолёт летит, что называется, «в лоб» горному склону, этот последний за счёт уменьшения угла зрения вплоть до прямого действительно кажется более крутым, чем на самом деле. Но ведь только кажется (оптическая иллюзия, знакомая всем, кто хоть однажды рассматривал аэрофотоснимки), а не является.

Ну, а уж если и говорить о том, кто, что и как видел предметно, то лично я исходил плато и перевал, прилегающие к верховьям рек Половинной и Малого Тигиля, вдоль

и поперёк. Причём исходил, занимаясь ландшафтно-геоморфологической съёмкой местности, а не ради любопытства. А потому достоверно знаю, что оба склона названного перевала сплошь, говоря на профессиональном жаргоне геологов, «задерьмованы» (задернованы) — то есть покрыты горно-тундровой растительностью, из-под которой лишь местами выглядывают отдельные камни, их россыпи и останцы. И только многим ниже седловины перевала, вдоль уже чётко обозначившихся долин ручьёв и речушек, прерывисто тянутся обрывы, скалы и осыпи. Так что перевал этот не так уж и крут и вполне проходим.

Впрочем, для убедительности приведу свидетельство ещё одного бывалого человека: *«Путь до верховьев реки Тигиль занял у нас целый день, погода благоприятствовала. Но когда 20 августа утром мы поднялись (от верховьев реки Анавгай. — В. Б.) на Срединный Камчатский хребет (1 000 м), пошёл дождь, резко уменьшилась видимость, пронизывающий холодный ветер буквально сбивал с ног, и мы вскоре заблудились, хотя шли, ведя в поводу лошадей, строго по компасу. Через 6—6,5 км блужданий по Срединному хребту «свалились» не в реку Половинную, а в один из притоков реки Крюки, в чём разобрались, спустившись по долине реки на 4—4,5 км. Пришлось снова возвращаться на Срединный хребет, снова брать ориентиры и снова спускаться на этот раз точно в долину реки Половинной»* [13, с. 153].

То есть, добавлю к сказанному, если (уж поверьте моему почти полувековому опыту профессионального хождения по горам и долам Камчатки) через перевал можно пройти с лошадьми, то собачьи упряжки этот же перевал преодолевают многим легче. Так как единственным препятствием для них могут служить только заросли кедрового и/или ольхового стлаников. Но именно они зимой заносятся снегом начисто.

Так что, возвращаясь к упрекам в многословии, отмечу дополнительно, что приведение цитаты В. М. Никольского нагляднейшим образом иллюстрируют неизбежность появления как множества ссылок, так и пространных рассуждений по поводу их интерпретации. Поскольку без всего этого убедить инакомыслящих в том, что нынешняя река Белая никак не могла быть рекой Крестовой просто невозможно. Хотя, в принципе, описание данной ситуации вполне можно было бы ограничить всего четырьмя фразами.

Впрочем, судите сами. Вот изначальное представление — река Белая никак не могла быть и именоваться рекой Крестовой. А вот его обоснование. Во-первых, истоки рек Белой и Хайрюзовой отстоят далеко друг от друга. Во-вторых, между ними (как, кстати, между ними же и истоками реки Тигиль) располагается мощный, высотой до 2 500 м над уровнем моря, вулканический массив Алней-Чашаконджа, верхние полтора километра которого представляют собой сплошное нагромождение скал, ледников и вечных снежников (см. схему ледников кальдеры вулкана Чашаконджа), что полностью исключает возможность проезда собачьих упряжек по долине реки Белой к рекам Тигиль и Хайрюзовой и обратно. К тому же, в-третьих, даже тот исток реки Белой, который располагается на юго-восточном склоне вулкана Чашаконджа, настолько далеко удалён от долины нынешней реки Половинной, что посчитать их вытекающими из одного и того же места невозможно даже при самом большом желании.

И тем не менее хотя эти несколько фраз предельно точно передают суть дела, некоторые из моих оппонентов до сих пор не воспринимают сути дела. Так что придётся подкрепить это суждение ещё одним свидетельством автора «Описания».

«Ошачь речка, от спуска на Крестовую в версте, вышла с правой стороны верстах в шестидесяти из хребта и впадала в Крестовую. Мы вверх по ней поехали», — пишет С. П. Крашенинников в уже упоминаемом выше рапорте [1, с. 663].

То есть, оказывается, во времена С. П. Крашенинникова в реку Крестовую впадала большая река, именуемая им Ошачь. А единственной большой рекой, выходящей в этой местности из хребтов справа (справа относительно следования нарт С. П. Крашенинникова, подчеркну, а не относительно впадения в реку Крестовую), является река Белая. И это означает, что нынешняя река Белая, выходящая своим старым руслом к реке Камчатке строго с севера, никак не могла быть рекой Крестовой в понимании Крашенинникова, ибо последняя подходила (могла подходить — скажу пока так) к реке Камчатке строго с запада. И Крашенинников об этом прекрасно знал, так как он,

напомню, указывал, что он сначала переехал реку Крестовую в двух верстах выше её устья и только затем через версту достиг русла её притока — реки Ошачь. А таковое могло быть только в том единственном случае, если река Крестовая принимала в себя реку Белую, а не была ею.

Правда, в этом же месте имеется ещё небольшая речушка Озерная, также текущая с севера, которую, при желании, можно отождествить с рекой Ошачь. Но только при очень большом желании, ибо начинается она не в хребте, а в озере Белом, расположенном в долине реки Камчатки. Да и протяжённость её не превышает шести километров, что также никак не вяжется с теми шестидесятью верстами, на которые указывает С. П. Крашенинников. Ну а поскольку бывший студент очень точно указывает истоки, протяжённость и прочие (наличие тех же горячих ключей) данные следующей по течению большой реки — Киревны (Шваннолома), отстоящей от реки Белой более чем на двадцать верст, то кроме реки Белой никакой другой водоток этой местности на звание реки Ошачь претендовать не может. Так что действительно во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова в том месте, где до 1973 г. старое русло реки Белой выходило к реке Камчатке, существовали две самостоятельные реки, которые совместным устьем впадали в реку Камчатку.

Обобщение полученных результатов. У нас чётко обозначился первый и по-настоящему реальный результат, согласно которому река Белая не могла быть рекой Крестовой. А следовательно, и само представление о том, что современная река Белая — это и есть река Канучь (Крестовая), должно быть отвергнуто раз и навсегда. Тем не менее дабы окончательно убедить возможных оппонентов в истинности этого вывода, вернусь, как и обещал ранее, к объяснению процесса и механизма развития гидрологической ситуации в исследуемой местности.

Дело в том, что все приведённые выше факты и соображения предполагают тот вариант их интерпретации, согласно которому нынешняя река Половинная во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова действительно именовалась рекой Крестовой (Канучь). При этом она выходила к реке Камчатке единым руслом в двенадцати верстах ниже нынешнего своего устья. И к тому же неподалеку от её тогдашнего устья впадала река Белая (Ошачь).

Кстати, резкий зигзаг, который совершает старое русло реки Белой перед впадением в реку Камчатку, как раз и является отражением той самой ситуации, когда река Крестовая, текущая строго с запада, принимала в себя реку Ошачь, текущую строго с севера. Ибо когда река Крестовая в XIX в. изменила своё течение, река Ошачь попросту унаследовала самую нижнюю часть её русла. А заодно и название — Крестовая, которое несколько позднее было заменено на её нынешнее — Белая — имя.

Таким образом, повторюсь лишний раз, единственно приемлемым объяснением ситуации, вследствие которой река Крестовая (Кшанучь) стала впадать в реку Камчатку в двенадцати верстах выше, чем триста лет тому назад (и поменяла, уточню, вслед за этим своё название) может служить естественное перемещение речных русел. Но возможно ли такое явление в принципе? Попробуем разобраться.

Как известно, начало XVIII в. было для Камчатки временем прохождения через максимум «малого ледникового периода». То есть временем, когда площадь ледников и многолетних снежников Срединного хребта и его отрогов была существенно большей, чем в наше время, а сами эти ледники и снежники спускались по речным долинам гораздо ниже, чем сейчас. А потому и речной сток летом — в том числе и реки Канучь (будущей Половинной) — так же был заметно интенсивнее нынешнего. Вследствие чего основная масса влекомого материала отлагалась в её нижней, широко распластанной внутренней (аэральной) дельте, простирающейся вдоль берега реки Камчатки на двенадцать вёрст.

Однако в результате последующего потепления площади и массы ледников и многолетних снежников в Срединном хребте и его отрогах заметно уменьшились. Столь же заметно уменьшились речной сток и, отсюда, несущая способность самого речного потока. Что, в свою очередь, обернулось отложением основной части несомого материала выше по течению реки. И, как следствие, в этой, гораздо более узкой части речной долины, аллювий стал формировать гораздо менее широкую, но несколько

более мощную толщу. Что, в конце концов, и привело к тому, что река своими собственными наносами быстро забила прежнее русло и потекла в новом направлении. Причём, не исключается, что такое смещение русла произошло в два этапа. О чём позволяет судить наличие верхнего и нижнего (относительно течения реки Камчатки) русел современного ручья Холмового, общее начало которым дают подрусловые (грунтовые) воды реки Половинной, пробивающиеся из-под её же собственных аллювиальных отложений.

Таковым мог оказаться процесс перестройки гидросети исследуемой местности. Что же касается самого механизма отшнурования и перемещения речных русел, то он выглядит следующим образом (излагаю специально для историков и краеведов): все горные реки, несущие большое количество взвешенного материала, при выходе из предгорий формируют за счёт резкого снижения скорости течения так называемые субаэральные (континентальные) дельты, которые в плане представляют собой конусы выноса с дугообразной поверхностью, плавно понижающейся в обе стороны поперёк самого тела конуса. При этом, поскольку река продолжает поставлять, отлагать и перелаживать несомый материал, её русло постепенно приподнимается относительно той части поверхности конуса, по которой она протекает. И рано или поздно река неизбежно устремляется из более высокого места конуса в более низкое, прорывая себе при этом новое русло. Такое происходит на всех реках — разница заключается лишь в том, что на одних это происходит редко и не столь заметно, а на других часто и очень, вплоть до катастрофы, масштабно.

Кстати, в некотором отношении примером проявления подобного рода — накопление наносов, подъём русла и прорыв в сторону — процессов служит река Хуанхэ, наносное русло которой, с двух сторон ограниченное искусственными дамбами, местами на двадцать и более метров возвышается над окружающими пространствами. Это время от времени приводит к прорыву дамб и сокрушительным наводнениям.

Впрочем, это так, отступление от темы, хотя и полезное. А в продолжение разговора о наших реках, замечу, что всё, до сей поры сказанное, было всего лишь предположением — пусть бы и построенным на строгой научной основе. Подлинным же доказательством его истинности может быть только факт реального изменения речных русел, произошедший именно в данной местности. И таковой факт, как говорится, имеет место быть.

Дело в том, что река Белая, служащая камнем преткновения для всех тех историков и краеведов, которые пытаются интерпретировать данные В. Атласова и С. П. Крашенинникова без учёта развития реальной ландшафтной (гидрографической) обстановки, в 1973 г. «неожиданно» поменяла нижнюю часть своего русла и стала впадать в реку Камчатку в нескольких, если мерить по руслу реки Камчатки, километрах ниже своего прежнего устья. Чем, кстати, и объясняется постоянное использование мною словосочетания — «старое русло реки Белой».

Впрочем, изложу всё по порядку. В 1973 г. мне довелось трижды пройти вдоль русла реки Белой от её истоков до устья и обратно. При этом мы с Ю. М. Стефановым, следуя её руслом в первый раз (и вообще — впервые), полностью доверились карте, согласно которой наш маршрут должен был пролегать по тропе, идущей вдоль и в полтора-двух километрах от нижней части русла реки, по её левому берегу. А потому не сразу обратили внимание на то, что русло реки изменило своё направление. И лишь только когда, потеряв окончательно заросшую тропу, мы упёрлись в какую-то неведомую реку, протекающую в торфяных, болотистых берегах, к нам пришло понимание, что тут что-то не так. Определив методом засечек место своего нахождения, мы обнаружили, что находимся на полтора-два километра левее русла, нарисованного на карте. После чего нам не оставалось ничего другого, как перейти на другую сторону реки и, взяв азимут, напрямую двинуться к кресту, стоящему в устье реки Белой. Который, кстати, к этому времени (через четырнадцать лет после установки) практически полностью зарос тальником.

Что же касается нового русла, то оно и само пролегалo в невысоких торфяных берегах, и его дно также было сложено торфом. На всём виденном нами участке русла полностью отсутствовали отложения галечника, тогда как (что обнаружилось

при возвращении назад на вулкан Чашаконджу по старому руслу реки Белой) всё бывшее русло этой реки было выложено прекрасно окатанным галечником, присыпанным мелким белесоватым илом (вот и причина появления названия — Белая), принесённым из кратера вулкана Чашаконджа. Идти по нему было сплошное удовольствие, несомненное, тем более что до этого несколько километров пришлось продираться по пах, а то и по пояс в воде, через болото с большими травяными кочками.

Стоит отметить также и то, что на всём протяжении этой, почти полностью осушенной части речного русла ещё не успела вырасти ни одна травинка, не говоря уже о тальнике. А ведь этот последний настолько быстро заселяет галечниково-песчаные отложения, что уже через три-четыре года на новых косах образуется густейший подрост ивок, высотой до пяти метров. И это отсутствие растительности на обнажившемся днище реки свидетельствует о том, что прорыв её нового русла произошёл именно в результате весенне-летнего половодья 1973 г. То есть ещё до того, как созрели семена ив и трав.

К сказанному остаётся добавить, что подобные прорывы реками своих старых берегов с одновременным уходом новых русел и устьев на километры в сторону от прежних, явление для этих мест долины реки Камчатки вполне обычное. А следовательно, и гипотеза о перемещении русла и устья реки Крестовой (Половинной) на двенадцать вёрст вверх по течению (с одной стороны её конуса выноса на другой) имеет полное право на существование. Как приобретает таковое право и предположение о том, что русло реки Канучь (она же Кчанучь, Кшанучь, Крестовая, Крестовка) до конца XIX в. выходило к реке Камчатке в том самом месте, где ныне располагается старое русло реки Белой. Что, лишний раз замечу, прекрасно трассируется нижним (левым) руслом нынешнего ручья Холмового.

Подведение итогов. Итак, всё изложенное выше убедительно подкрепляет версию о том, что река Крестовая (Канучь) в понимании С. П. Крашенинникова и река Белая (Ошачь) являются разными реками. Тем не менее для полного завершения картины мне не доставало ещё одного, последнего, так сказать, штришка. И таковой, в конце концов, отыскался.

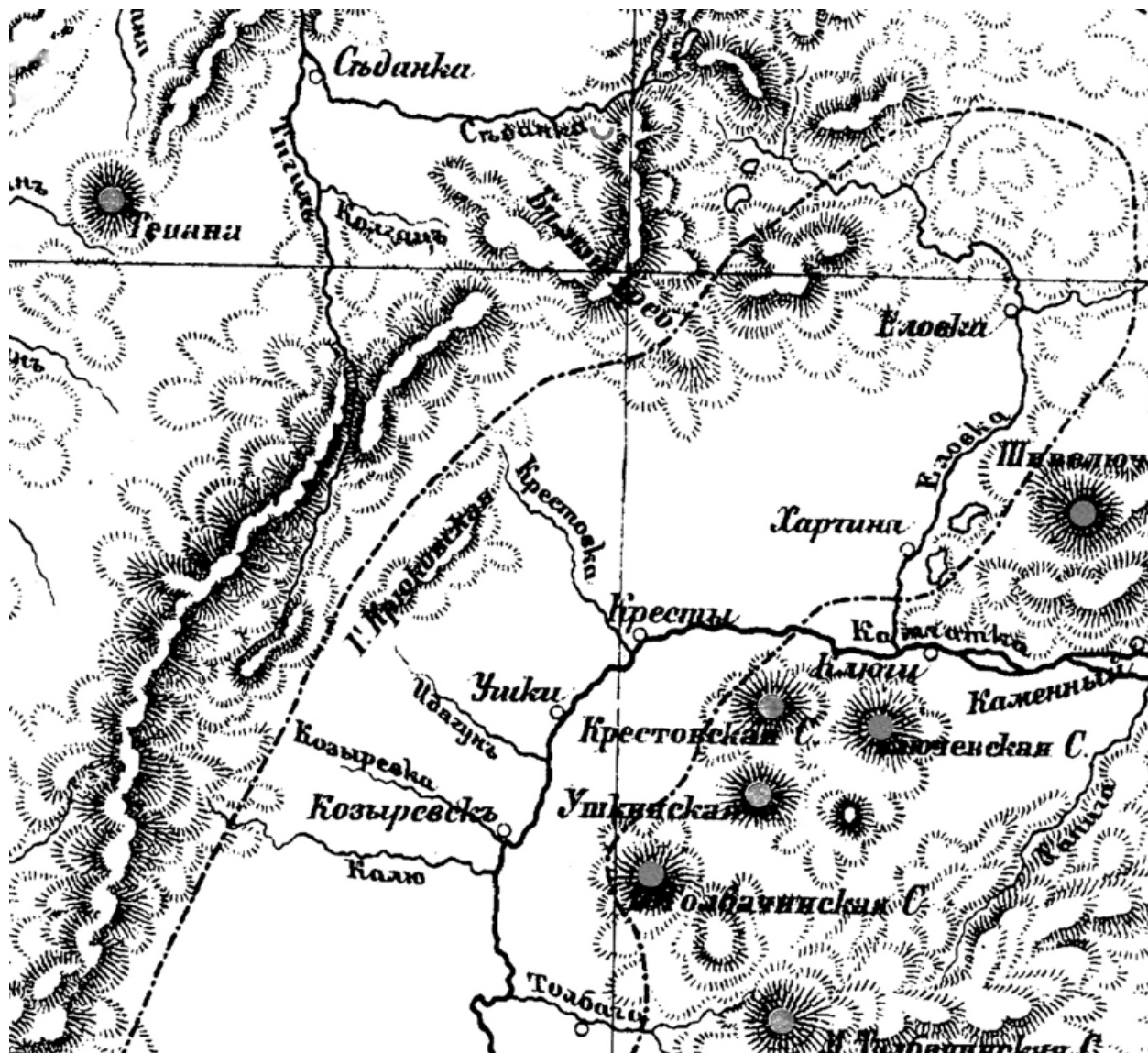
Дело в том, что спустя век после выхода в свет «Описания земли Камчатки» другой видный исследователь природы полуострова К. Дитмар [6] на своей карте нарисовал реку Крестовую, очертания которой практически полностью повторяют очертания современной реки Половинной. Вплоть до того, что на ней отчетливо видно, что исток этой реки лежит многим южнее хребта Белого — так в те времена именовался вулканический массив Алней-Чашаконджа. Кстати, в переводе с корякского слово «Алней» означает — «Белая гора» или «Белая голова». А из-под Белой горы может вытекать только Белая речка, а никак не Крестовая.

Впрочем, это так, к слову. К слову о возможной причине возникновения названия реки Белой, ибо точно также — Белой — именуется и река, стекающая с противоположного склона массива Алней-Чашаконджи. А специально отмечу, что исток реки Крестовой на карте К. Дитмара приурочиваются хребту Крюки, именуемого на карте горой Крюковской. И что именно к этой реке он привязывает пути ительмены и казаки к реке Тигилю и обратно: *«Есть также и очень удобные зимние проходы — к истокам Тигиля, а равно и в долину Камчатки, к рекам Крестовке и Козыревке (ныне — Быстрой. — В. Б.) — проходы, которыми пользуются нередко»* [6, с. 406]. И эти обстоятельства лишний раз подтверждают суждение о том, что нынешняя река Белая, каким бы образом не возникло её название, никак могла быть рекой Крестовой.

Но всё же наиболее убедительным свидетельством в пользу этой точки зрения является отсутствие на карте К. Дитмара реки Белой (Ошачь). Поскольку это однозначно говорит о том, что название Крестовка принадлежало той и только той реке, истоки которой располагались на восточном склоне перевала между реками Малый Тигиль и нынешней Половинной, а не реке, берущей своё начало на склонах и в кратере вулкана Чашаконджа. Или, говоря иначе, К. Дитмар, как и С. П. Крашенинников, не отождествлял две совершенно разные реки.

Таким образом, отсутствие на карте К. Дитмара реки Ошачь (Белой), берущей своё начало в кратере вулкана Белого (Чашаконджи), и наличие реки Крестовой,

начинавшейся со склонов Срединного хребта и хребта Кроноки, убедительно подтверждают мнение о том, что реки Крестовка и Ошачь (Белая) — это действительно разные реки.

Фрагмент карты К. Дитмара [6]

Вслед за чем остаётся признать, что река Крестовка поменяла устьевую часть своего русла ещё в конце первой половины XIX в., а не в самом его конце. Или во всяком случае поменяла его сначала частично, и лишь в конце этого же века перестройка её русла завершилась полностью.

В целом же, всё это окончательно убеждает нас в том, что отождествление бывшей реки Крестовой с нынешней рекой Белой не соответствует реальной ландшафтно-экологической обстановке исследуемого региона. А потому поставлю последнюю точку: мнение о том, что река Белая (Ошачь) — это и есть река Крестовая, должно быть отвергнуто раз и навсегда. Как, кстати, раз и навсегда должно быть отвергнуто и представление о том, что отряд В. Атласова мог спуститься со Срединного хребта к реке Камчатке по долине реки Белой (Ошачь).

ИСТОЧНИКИ

1. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — Т. I. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — 438 с.
2. Головнин В. М. Путешествие на шхуне «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина, в 1807—1811 годах. — М.: Географиз, 1961. — 480 с.

3. *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — 130 с.
4. *Быкасов В. Е., Каразия Н. Ф.* Ледники вулкана Чашаконджа // Гляциологические исследования. — М.: Наука, 1976. — № 25. — С. 51—54.
5. Первая «скаска» Владимира Атласова 1700 г. // Колумбы земли Русской / Сост. К. В. Цеханская. — Хабаровск, 1989. — С. 69—76.
6. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Ч. I. Исторический отчет по путевым дневникам. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — 566 с.
7. *Борисов В. И.* Усть-Камчатский район. Из истории населенных пунктов. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — 180 с.
8. *Пийп Б. И.* Термальные ключи Камчатки. — М. : Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 268 с.
9. *Жилин М. Я.* Крест Атласова // Неизвестная Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — № 1. — С. 26.
10. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский, 1997. — 203 с.
11. *Леонтьев В. В., Новикова К. А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. — Магадан, 1989. — 456 с.
12. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М. : Л.: Главсевморпуть, 1949. — С. 655— 666.
13. *Никольский В. М.* О том, чему жизнь посвятил... Геологическими маршрутами Камчатки. Воспоминания и дневники геологов. — Т. 3. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 42—396.

О. А. ПЫЖЬЯНОВА

«ВЕЛИКОЙ РОССИИ ЗЕМЛЯ»

Геральдические символы Камчатской области — Камчатского края и города Петропавловска-Камчатского. Гербы Камчатской области (с 1 июля 2007 г. — Камчатского края) и города Петропавловска-Камчатского в своей основе сохраняют историческую преемственность первого герба Камчатской области Российской Империи, утверждённого в 1851 г., и первого герба Петропавловска, утверждённого в 1913 г.

Официальной датой присоединения Камчатки к России считается 24 июля 1697 г. Эта дата была нанесена на крест, установленный русским первопроходцем Владимиром Атласовым и его «сотоварищами» на реке Крестовой в центральной части Камчатского полуострова. Крест указывал на принадлежность данных земель России.

6 (17) октября 1740 г. мореплаватель Витус Беринг вошёл на пакетботах «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел» в Авачинскую губу, расположенную на восточном побережье Камчатского полуострова. Небольшую, но удобную для зимовки кораблей гавань Витус Беринг назвал «Святых апостолов Петра и Павла». Вскоре её стали именовать Петропавловской, а заложенное Берингом поселение — Петропавловским портом.

2 декабря 1849 г. Высочайшим указом была образована новая область Российской Империи — Камчатская, вошедшая в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Управление областью вверялось губернатору из чинов морского ведомства. Первым губернатором Камчатки был назначен капитан 1-го ранга Василий Степанович Завойко с производством в чин генерал-майора при вступлении в должность. Местопребыванием губернатора был определён Петропавловский порт.

22 июня 1851 г. Департамент герольдии утвердил герб Камчатской области (здесь и далее см. 1—3-ю страницы цветной вкладки): «В серебряном поле щита изображены три сопки или огнедышащие горы чёрного цвета. Щит увенчан золотой императорской короной... В сим гербе украшения изображают отличительные черты Камчатского полуострова — огнедышащие горы — единственные в Российской Империи» [1].

Камчатский историк И. В. Витер поясняет: «Описание (герба. — О. П.) дано П. П. Винклером и Н. Н. Сперансовым и несёт неточность: “...увенчан императорской короной”. Герб же увенчан называемой в геральдике “древней царской короной”. В действительности такая корона не существовала, но она помещалась на гербах областей и градоначальств — это был золотой венец (обруч), украшенный камнями, имеющий четыре листа сельдерея и жемчужины, увенчанные крестами. По обе стороны

щита золотые дубовые листья и ветки с желудями, соединённые красной (алою) Александровской лентой» [2].

В августе 1854 г. в разгар Крымской войны к берегам Камчатки подошла англо-французская эскадра с целью уничтожить Петропавловский порт — форпост России на Тихом океане. Героическое сражение защитников русского порта с шестью вражескими кораблями завершилось поражением эскадры. Однако на следующий год ожидалось нападение на порт более крупными силами. Подготовить Петропавловский порт, расположенный на отдалённых восточных рубежах России, к новой обороне не было возможности. По приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва гарнизон Петропавловского порта в начале апреля 1855 г. был передислоцирован в устье Амура.

В 1856 г. Камчатская область была упразднена. Камчатский полуостров в качестве Петропавловского округа вошёл в состав Приморского края. Но официальной отмены областного герба не последовало. Его основной элемент: щит с тремя «огнедышащими горами» применялся на печати Петропавловского окружного полицейского управления, печатях глав местного самоуправления — сельских старост. В фондах КГУ ККОМ имеются копии документов 70-х гг. XIX столетия с оттисками этих печатей.

В августе 1909 г. была вновь образована Камчатская область во главе с губернатором. Административным центром становится город Петропавловск-на-Камчатке.

26 апреля 1913 г. был «удостоен Высочайшего Его Императорского Величества утверждения» герб Петропавловска. Официальное ходатайство об утверждении проекта герба позволяет лишь предполагать, что его автором был областной инженер-архитектор, статский советник К. А. Заранек. В документе Гербового отделения отмечено, что утверждённый городской герб есть тот же, что и герб области, с разницей лишь в украшении. Герб описан следующим образом: «в серебряном щите три чёрные сопки с исходящим пламенем. Щит украшен золотой башенной короной о трёх зубцах и окружён двумя золотыми якорями, соединёнными Александровской лентой». К документу прилагался рисунок герба и повторялось его описание, в котором цвет сопок назывался «червлёным» [3].

Любопытен факт использования городского герба в послереволюционный период. В 1920 г. в виду недостатка в Петропавловском казначействе денежных средств на текущие расходы и выплату жалования служащим, Первый Петропавловский уездный съезд Советов принял решение о временном выпуске кредитных билетов. На камчатских деньгах был изображён герб Петропавловска 1913 г.

Нынешнее название «Петропавловск-Камчатский» город получил в 1924 г. В 1970-х гг. на значках и сувенирной продукции часто печатался неофициальный герб города. Он имел вид гербового щита, в верхней части которого на белом фоне помещены три курящихся вулкана, в нижней части на голубом фоне — рыба.

В декабре 1993 г. опубликовано постановление градоначальника Петропавловска-Камчатского А. К. Дудникова № 3513 «О восстановлении исторического герба города Петропавловска». Согласно утверждённому положению «О гербе областного города Петропавловска-Камчатского», тот «представляет собой изображение в серебряном щите трёх червлёных сопки с исходящим пламенем. Щит сверху украшен башенной короной с тремя зубцами в обрамлении двух перекрещивающихся по диагонали якорей, символизирующих Петропавловск-Камчатский как морской порт, перевитых алой (муаровой) Александровской лентой... Цвет червлень — (символ храбрости, мужества и неустрашимости) изображается краскою — смесью железного сурика и киновари (первый преобладает)».

В конце XX столетия в стране шло активное развитие территориальной и муниципальной геральдики. Распространилась тенденция иметь не только земельный герб, но и флаг. Камчатская область оставалась одним из немногих дальневосточных регионов, не имевших официальной символики. Статусные атрибуты исторического герба Камчатки, который был утверждён ещё в 1851 г. указом императора Николая I, не соответствовали современным геральдическим требованиям.

В 2001 г. при губернаторе Камчатской области была сформирована геральдическая комиссия. Тогда же был объявлен конкурс на разработку эскизов герба и флага

Камчатской области. За основу эскизов было предложено взять исторический герб, содержащий символы полуострова — три дымящихся вулкана. Победителями конкурса стали камчатские художники Р. Глибовицкий — автор герба, и С. Шанин — автор флага.

В начале 2004 г., после доработки и согласования символов в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации и подготовки проектов соответствующих законов, работа над гербом и флагом Камчатки завершилась. Законы Камчатской области о гербе и флаге были приняты депутатами на сессии областного Совета 15 апреля и подписаны губернатором 5 мая 2004 г.

Законы закрепили следующее описание камчатских геральдических символов:

«Герб Камчатской области представляет собой четырёхугольный с закругленными нижними углами, заострённый в оконечности геральдический щит. В лазоревом поле над волнистой серебряной оконечностью, обременённой двумя волнисто-изогнутыми лазоревыми поясами — три чёрные сопки, окаймлённые серебром, с серебряным снегом на вершинах и с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма».

«Флаг Камчатской области представляет собой прямоугольное полотнище из двух горизонтальных полос: верхней — белого, нижней — синего цвета. Соотношение полос по ширине — 2:1. В крыже расположено изображение фигур герба Камчатской области: огнедышащих сопки и волн; сопки изображены чёрными, с красным пламенем, белыми вершинами, окаймлением по краям и дымом, волны — синими и белыми; белые детали изображения (кроме волн) отделены от белого фона полотнища тонкими синими контурами. Отношение ширины флага к его длине — 2:3» [4].

На основании решения Геральдического совета при Президенте Российской Федерации герб и флаг Камчатской области внесены в Геральдический регистр 18 февраля 2005 г. Гербу Камчатки присвоен регистрационный № 1760, а флагу — № 1761.

В 2001 г. началась также работа над созданием гимна Камчатки. По предложению геральдической комиссии слова гимна написал известный российский поэт Б. С. Дубровин. Музыку сочинил композитор, заслуженный деятель искусств России, руководитель Камчатской хоровой капеллы Е. И. Морозов. Закон «О гимне Камчатской области» принят Советом народных депутатов Камчатской области 22 декабря 2004 г., подписан губернатором М. Б. Машковцевым 29 декабря 2004 г. Утверждения гимна в Геральдическом совете не требуется.

Согласно проведённой реформе местного самоуправления, Петропавловск-Камчатский в 2005 г. был наделён статусом городского округа. В августе 2006 г. на имя главы Петропавловск-Камчатского городского округа В. В. Скворцова поступило письмо от государственного герольдмейстера Г. В. Вилинбахова о том, что сохранение прежнего герба города с перекрещёнными за щитом якорями невозможно. В результате последовавшей работы над гербом якоря — символ морского города — были перенесены к подножию гербового щита, а по бокам разместили щитодержателей [5].

Положение о гербе Петропавловск-Камчатского городского округа, принятое 31 мая 2007 г. городской думой, содержит подробное геральдическое описание и толкование символики герба: «В серебряном поле три чёрных огнедышащих горы (средняя впереди двух других) с червлёными пламенами и чёрными дымами над ними. Щит увенчан муниципальной короной установленного образца. Щитодержатели — серебряные в золотых одеяниях Святые Апостолы Пётр (справа) и Павел (слева), одной рукой поддерживающие щит, а в другой имеющие: Пётр — серебряные ключи и свиток, Павел — книгу. Подножие — два положенных накрест лапами вниз золотых морских якоря. Щит окружён, подножие обвито лентой ордена Трудового Красного Знамени...

Герб исторический высочайше пожалован городу Петропавловску-Камчатскому 26 апреля (9 мая нового стиля) 1913 г. Обрамление соответствует современному статусу и значению города. Корона своей формой и цветом указывает на статус Петропавловска-Камчатского как городского округа, а наличие лаврового венка — на то, что Петропавловск-Камчатский является административным центром субъекта Российской Федерации — Камчатской области. Щитодержатели — Святые апостолы

Пётр и Павел — указывают на имя города и его святых покровителей, подножие в виде якорей — на исключительное морское и военно-морское значение Петропавловска-Камчатского и определяющее значение Петропавловска-Камчатского как морского порта для развития российского Дальнего Востока. Лента указывает на то, что в 1972 г. Петропавловск-Камчатский был награждён правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени».

Герб Петропавловск-Камчатского городского округа утверждён геральдической комиссией в апреле 2007 г.

Описание флага Петропавловск-Камчатского городского округа: «Прямоугольное полотнище из двух горизонтальных полос: верхней — белого, нижней — синего цвета. Соотношение полос по ширине — 2:1. В центре белой полосы расположено изображение герба Петропавловск-Камчатского городского округа. Нижняя часть полотнища представляет волнообразные полосы синего, голубого и белого цветов, символизирующих город Петропавловск-Камчатский как морской порт. Пять гребней волн указывают на город с численностью населения более 50 тысяч человек. Отношение ширины флага к его длине — 2:3» [6].

1 июля 2007 г. Камчатская область и Корякский автономный округ (КАО) объединились в новый субъект Российской Федерации — Камчатский край. В течение переходного периода — формирования исполнительных и законодательных органов власти в крае — символика региона оставалась без изменения. Во всех официальных случаях использовались изображения двух гербов: Камчатской области и КАО. На здании правительства Камчатского края были установлены два флага.

Закон № 61-ОЗ «О гербе и флаге Корякского автономного округа» Дума КАО приняла 13 июля 1998 г. 28 июля 1998 г. закон был подписан главой администрации КАО В. Т. Броневи́ч. В нём даётся следующее описание официальных символов: герб «...представляет собой голубой щит, в нём бегущий (вправо геральдически) белый олень, вверху — красная полоса не шире 1/3 щита без изображений». Герб является своеобразным памятником преемственности истории и культуры КАО, отражает природно-климатическую особенность и основную направленность традиций. Олень изображён бегущим, стремящимся в будущее. Издавна для коренных народов олень являлся источником пищи, средством передвижения, сырьём для изготовления одежды, жилища.

Флаг КАО «представляет собой прямоугольное полотнище, разделённое по вертикали на три равновеликие полосы: две крайние — ярко-голубые, средняя — белая, на которой в центре изображена голова оленя красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2:3».

Герб и флаг КАО были внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 437 и 438.

Проекты официальных символов Камчатского края были разработаны в рамках конкурса, объявленного в августе 2008 г. Геральдическая комиссия, образованная при правительстве края, признала лучшими проекты герба и флага И. Царькова. Авторами гимна явились поэт Б. С. Дубровин и композитор Е. И. Морозов.

В феврале 2010 г. на сессии Законодательного собрания Камчатского края были приняты законы Камчатского края о гербе, флаге и гимне Камчатского края. 5 марта 2010 г. их подписал губернатор края А. А. Кузьмицкий (законы № 395—397).

В законах даётся описание новых официальных символов Камчатского края: «Герб Камчатского края представляет собой четырёхугольный с закруглёнными нижними углами, заострённый в оконечности геральдический щит. На серебряном поле щита по центру изображены три разновеликих вулкана чёрным цветом с посеребрёнными вершинами, с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма. За вулканами в верхней части щита червлением по серебру изображено восходящее солнце. Вокруг солнца — национальный орнамент, состоящий из червлёных и лазурных треугольников, обведённых серебряным кантом... Нижняя треть щита лазурная, отделена от изображения вулканов серебряной волной».

«Флаг Камчатского края представляет собой прямоугольное полотнище из двух горизонтальных полос: верхней — белого, нижней — синего цвета. Соотношение полос по ширине — 2:1. В крыже расположено изображение фигур герба: три разновеликих

вулкана чёрным цветом с посеребрёнными вершинами, с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма. За вулканами в верхней части щита червлением по серебру изображено восходящее солнце. Вокруг солнца национальный орнамент, состоящий из червлёных и лазурных треугольников, обведённых серебряным кантом... Отношение ширины флага к его длине — 2:3».

Гимн Камчатского края

*Величава, сурова Камчатка,
Край сокровищ земных необъятный.
Сквозь рассветный туман
Вновь курится вулкан
И зовёт рыбаков океан.*

*Камчатка — судьба ты моя,
Навеки родные края.
Любовь ты и гордость моя,
Великой России земля.*

*В жизни стоит любого богатства
Наше дружное, крепкое братство.
Мы надеждой живём,
Ты, Камчатка, — наш дом,
Как святыню тебя бережём.*

*Камчатка — судьба ты моя,
Навеки родные края.
Любовь ты и гордость моя,
Великой России земля.*

*День России берёт здесь начало,
На Камчатке, у наших причалов.
Нет надёжней щита,
Чем границы черта,
Здесь России форпост — навсегда.*

*Камчатка — судьба ты моя,
Навеки родные края.
Любовь ты и гордость моя,
Великой России земля.*

Официально новая символика Камчатского края начала использоваться с 1 июля 2010 г. С этой даты гербы и флаги бывших Камчатской области и КАО утратили силу.

Геральдические символы муниципальных образований и поселений Камчатской области — Камчатского края. В 1703 г. на берегах реки Камчатки казаки заложили Нижнекамчатский острог. На рубеже XVIII—XIX столетий здесь строились корабли, отсюда уходили в плавания экспедиции на освоение побережья Америки и промысел пушных зверей на Алеутских островах. С 1783 по 1803 г. вся территория Камчатского полуострова относилась к Нижнекамчатскому уезду Охотской области Иркутской губернии. Согласно именному указу, центры уездов объявлялись городами. В 1785 г. городовым положением Екатерина II повелела: Нижнекамчатску «...иметь герб, утверждённый рукою Императорского Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах» [7].

Герб уездного города Нижнекамчатска был Высочайше утверждён в 1790 г. Его описание гласит: «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней части, в голубом поле, кит, в знак того, что у сего города в Океане много их находится» [8].

В 60-х гг. XX столетия Нижнекамчатск был исключён из списка населённых пунктов. Однако основная фигура исторического герба города Нижнекамчатска — кит на синем поле — включена в герб и флаг современного Усть-Камчатского муниципального района с центром в пос. Усть-Камчатске. В композицию герба включена также

и неотъемлемая часть ландшафта — величайший действующий вулкан Евразии Ключевской. Герб и флаг Усть-Камчатского районного муниципального образования (РМО) Камчатской области были утверждены решением Совета народных депутатов Усть-Камчатского РМО № 150 от 2 апреля 2003 г. и внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 1181 и 1182.

Описание герба: «Щит пересечён; вверху, в червленом поле — курящаяся серебряная сопка, сопровождаемая двумя малыми вершинами того же металла; внизу в лазоревом поле — золотой, бьющий хвостом кит».

Ключевской вулкан как географическая достопримечательность изображён на гербе и флаге Ключевского сельского поселения, расположенного в тридцати километрах от вулкана. Селение Ключевское основано в 1740 г. крестьянами-переселенцами с реки Лены. Им предстояло обживать земли обширной долины реки Камчатки — исторического центра сельскохозяйственного освоения полуострова. Эту водную артерию символизирует на гербовом щите серебряная оконечность, а богатую фауну её долины отражает белоплечий орлан — древний и характерный обитатель этих мест. Герб и флаг Ключевского сельского поселения утверждены решениями собрания депутатов Ключевского сельского поселения № 18 и 19 от 3 апреля 2007 г. и внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 3261 и 3262.

Описание герба: «В лазоревом поле над узкой выщербленной серебряной оконечностью с лазоревой внутренней каймой — зелёная гора о трёх серебряных вершинах, из которых средняя ниже прочих, а правая выше и извергает червлёное пламя с серебряной, склонённой влево струей дыма, не достигающей верхнего края щита; поверх горы — чёрный, с серебряными теменем, плечами и хвостом и с золотыми глазами, клювом и лапами, летящий вправо с распростёртыми и вздытыми крыльями орлан».

14 мая 2005 г. решением Думы Усть-Большерецкого муниципального района № 277 были утверждены районные герб и флаг. Основным занятием местного населения является рыбный морской промысел. Географической особенностью Усть-Большерецкого РМО является его расположение на южной оконечности Камчатского полуострова. Это отражено в гербе опрокинутым золотым острием. Медведь, держащий рыбу, символизирует природные богатства этой территории: многочисленных животных, обитающих в горах и лесах, и ценные породы лососевых рыб в море. Герб и флаг Усть-Большерецкого РМО внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 1923 и 1924.

Описание герба: «В лазоревом поле золотое опрокинутое острие, обременённое стоящим чёрным медведем, держащим в зубах серебряную рыбу (косвенно, головой книзу)».

9 марта 2006 г. Дума Соболевского РМО приняла решение № 17 об установлении районного герба и флага, которые были внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 2243 и 2244.

С 2008 по 2010 г. появились официальные символы у пяти РМО Камчатского края: Алеутского, Карагинского, Олюторского, Тигильского и Елизовского.

Алеутский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решением районной Думы № 162 от 1 декабря 2008 г., внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 4522 и 4523.

Описание герба: «В поле, вверху скошенном слева серебром и лазурью, а внизу лазоревом — золотой алеутский охотник в шапке с длинным козырьком, с сумкой через левое плечо, сидящий в каяке (алеутской лодке) с червлёной полосой по краю, правой рукой заносающий в броске таковой же метательной дощечкой трёхконечный с серебряными остриями золотой гарпун, положенный поверх деления, а левой рукой держащий двойное золотое весло и сопровождаемый вверху, в серебре, лазоревой восьмилучевой звездой с укороченными косвенными лучами, а внизу — золотым лежащим тюленем».

Цвета и фигуры герба аллегорически и символически раскрывают национальные, этнографические и экономические особенности Алеутского района. Охотник в национальной одежде, сидящий в каяке и держащий традиционный вид орудия охоты на морского зверя — метательную дощечку с прикреплённым к ней гарпуном с тремя

дополнительными стрелами — символически отражает особенности проживания и выживания титульного народа в непростых условиях северного побережья Дальнего Востока. Тюлень — аллегория богатства здешних мест морским зверем, охота на которого является основным видом занятий местного населения.

Алеутский район состоит из группы островов. Основными из них являются Медный и Беринга, открытый похороненным на нём великим мореплавателем В. Берингом. Восьмиконечная звезда — роза ветров — символ первооткрывателей, путешественников, людей с непростой судьбой, любителей приключений. Командоры называют «страной ветров и туманов» из-за их расположения на стыке холодного Северного Ледовитого океана и теплого течения Куросио. Скошенная серебряная часть флага — аллегория этих туманов и снегов, покрывающих острова с ноября по апрель.

Голубой цвет (лазурь) — символ возвышенных устремлений, искренности, преданности, возрождения. Белый цвет (серебро) — отражает чистоту, открытость, божественную мудрость, примирение. Жёлтый цвет (золото) — символ высшей ценности, величия, великодушия, богатства, урожая. Красный цвет — символ труда, мужества, жизнеутверждающей силы и красоты, праздника — аллегорически обозначает ратный труд тружеников района.

Символика герба Алеутского РМО положена в основу флага района. Идея герба принадлежала главе РМО Н. Извекову.

Карагинский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решением Совета депутатов Карагинского РМО № 33 и 34 от 24 ноября 2008 г. Внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 4519 и 4520.

Описание герба: «В червлёном поле на лазоревой оконечности, обрамлённой серебряным лососем — медведица и между её передними лапами — медвежонок, оба золотые, с чёрными глазами, стоящие настороже. Герб Карагинского муниципального района... может воспроизводиться со статусной короной установленного образца».

Герб языком символов и аллегорий отражает природные и экономические особенности Карагинского района. Его территория расположена вдоль восточного побережья Камчатки, основным занятием местного населения является рыболовство. Об этом говорит голубая оконечность и изображение рыбы. Уникальная природа района аллегорически отображена медведицей с медвежонком. Золотой цвет дополняет символику герба, подчеркивая неповторимость природы Камчатского края. Красный цвет — символизирует лучшие качества местных жителей, живущих в сложных природных условиях. Серебро — символ чистоты, совершенства, мира и взаимопонимания. Голубой цвет — символ чести, благородства, духовности, возвышенных устремлений, бескрайних морских просторов.

Символика герба Карагинского района положена в основу флага района.

Олюторский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решением Думы Алеутского муниципального района № 79 и № 80 от 25 июня 2009 г. Внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 5728 и 5729.

Описание герба: «В серебряном и лазоревом поле, пересечённом тремя острыми зубцами, вверху — летящий вправо с воздетыми крыльями чёрный ворон, имеющий золотые клюв, глаза и лапы; внизу — лежащий серебряный тюлень настороже, держащий во рту золотого лосося».

Герб раскрывает легенду о происхождении коряков — коренного народа Олюторского района и их мировоззрение, представляющее собой сложный сплав из конкретных знаний и иррациональных представлений об окружающем мире. Согласно легенде, коряки насчитывают пять миров: землю, населённую людьми, два мира над землёй и два мира под землёй. Первый из верхних миров населён людьми-облаками, а второй — обиталище Верховного божества. Первый из нижних миров населён духами предков, а второй — тенями мертвых. Животные, люди, духи могут переходить из одного мира в другой: они не могут исчезнуть, кануть в небытие. Смерть человека — не окончательный уход из жизни, а лишь длительное отсутствие, из которого умерший возвращается в другом облики: духа или животного. В корякских мифах звери сбрасывают шкуру и становятся людьми, а люди превращаются в животных. Посредник между божественными силами и людьми — Большой Ворон (на

флаге — летящий ворон) Кыткийняку, Куйкыняку или Куткыняку, считавшийся первым человеком, предком коряков и их защитником. К нему обращались как к могущественному шаману и существу, наделённому сверхъестественной силой, его непременно упоминали в заклинаниях. Предполагалось, что Большой Ворон присутствует на всех шаманских церемониях. Большой Ворон у коряков является священным как символ мудрости и долголетия.

Тюлень и лосось — символ морской и речной фауны, природных богатств Олюторской земли. Ломаная линия, символически отделяющая небо (серебро) от воды (лазурь) — аллегория горных вершин Камчатки.

Символика герба Олюторского района положена в основу флага района. Идея герба и флага принадлежит жителю района В. Бондареву.

Тигильский муниципальный район. Первоначально герб и флаг были утверждены решениями собрания депутатов муниципального образования «Тигильский муниципальный район» № 3 и 5 от 28 августа 2008 г. На основании результатов геральдической экспертизы Геральдического совета при Президенте Российской Федерации в описание герба внесены изменения и дополнения. Герб и флаг в нынешнем виде утверждены решением собрания депутатов муниципального образования «Тигильский муниципальный район» 28 августа 2008 г. Автор герба — В. Я. Боровков.

Описание герба: «В серебряном поле с зелёным правым и лазоревым левым боковиками вверху — чёрный, обернувшийся вправо ворон, прямо, внизу — две червлёные двухъярусные башни с остроконечными кровлями, между которыми — обрамлённые тонким серебряным восьмиконечным православным крестом затворённые червлёные ворота с треугольными зубцами поверху, с выходящими вверх из-за ворот червлёным бунчуком, на который наложены накрест червлёные ружьё и обнажённая сабля рукоятью вниз».

Елизовский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решениями районной думы № 1037 и 1038 от 3 марта 2010 г. Автор герба и флага — М. Черников.

Описание герба: «В пересечённом зелёном и лазоревом поле острозубчато изломанный пояс, острозубчато же пересечённый серебром и червленью. Поверх всего — золотой восстающий медведь, держащий в лапах над головой серебряную с червлёными плавниками рыбу в пояс. Щит увенчан муниципальной короной соответствующего образа».

Герб Елизовского района языком символов и аллегорий отражает исторические, культурные и экономические особенности края. Территория, входящая в современный район, имеет богатую интересную историю. В гербе использованы цвета условной геральдической палитры: зелень, лазурь (все оттенки синего и голубого), червлень (красный, алый), а также металлы — серебро и золото, изображённые светло-серым или белым цветом и золотисто-жёлтым, соответственно.

Зелёный цвет в гербе указывает на обилие лесов, девственную природу, плодородность земли района и развитое сельское хозяйство. Лазоревый (сине-голубой) цвет — цвет воды, которой так богата земля района: многочисленные реки и озера, побережье Тихого океана вдоль всей его восточной границы. Изломанный острозубчатый серебряно-червлёный пояс символизирует покрытую снегами гряду камчатских гор и вулканов и раскалённые земные недра. Основная фигура гербовой композиции — золотой медведь, олицетворяющий земную человеческую мощь. Она подчиняет себе стихию, но, не уничтожая её, берёт хлеб насущный, стремясь при этом и к духовным, высшим сферам. В данном случае медведь использован совершенно оправданно — трудно найти на земле уголок, так населённый медведями, как Камчатка. В геральдике медведь обозначает необоримую силу, но одновременно и предусмотрительность, осторожность. Золото указывает на богатство природы и недр Елизовского района.

Высунутый язык медведя — неперенный элемент изображений активных (по большей части хищных) животных, символически указывает на свирепость или рычание. Будучи окрашен иным, нежели фигура, цветом он служит указанием на яростный характер фигуры. Медведь в гербе Елизовского района — активный, самостоятельный, «гласный» — имеющий собственный голос. Серебряный лосось

указывает на главное богатство и основу экономики Елизовского района — красную рыбу. Корона, венчающая герб, указывает на статус владельца герба как муниципального района.

Описание флага: «Прямоугольное полотнище с соотношением ширины к длине 2:3, состоящее из четырёх горизонтально расположенных цветных полос: верхней полосы зелёного цвета, составляющей три восьмых ширины флага; белой полосы, составляющей одну восьмую ширины флага; красной полосы, составляющей одну восьмую ширины флага, и нижней полосы синего цвета, составляющей три восьмых ширины флага. Белая и красная полосы зубчато изломаны — по десять зубцов. Обратная сторона симметрична лицевой».

Флаг представляет собой композицию фона герба Елизовского муниципального района.

Гербы и флаги Алеутского, Карагинского, Олюторского, Усть-Камчатского и Усть-Большерецкого муниципальных районов, а также Ключевского сельского поселения разработаны и утверждены при содействии Союза геральдистов России.

ИСТОЧНИКИ

1. *Витер И.* Герб Камчатской области // *Неизвестная Камчатка*. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — № 1. — С. 8—9.
2. *Витер И.* Герб Петропавловска // *Неизвестная Камчатка*. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — № 2. — С. 1.
3. Государственные символы Камчатской области. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. — 34 с.
4. *Витер И. В., Мартыненко В. П.* Герб города Петропавловска-Камчатского // *Памятники Петропавловска-Камчатского*. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. — С. 81—90.
5. Решение Городской думы Петропавловск-Камчатского городского округа «О принятии Положения о флаге Петропавловск-Камчатского городского округа» от 31.05.2007 № 658-р.
6. *Соболева Н. А.* Старинные гербы Российских городов. — М.: Наука, 1985. — С. 95.
7. *Сперансов Н. Н.* Земельные гербы России. — М.: Советская Россия. — 1974. — С. 127.
8. Союз Геральдистов России. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://www.heraldik.ru/>.
9. Геральдика. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://www.geraldika.ru/>.

А. В. ГОКОВ

КРАЖА БЕЗ ВЗЛОМА

(об исчезновении камчатских икон)

В этой истории всё затейливо сплелось и, пожалуй, навсегда — трагическая зимовка В. Беринга на «пустом» острове, названном позднее его именем, оборона Петропавловска 1854 г., прославившая Камчатку и её жителей на весь мир, советизация полуострова и сталинские репрессии.

Именно поэтому, а не от склонности к «чернухе», рассказ мой не только о тех, кого ограбили, но и о тех, кто грабил. Впрочем, здесь не будут приводиться имена потерпевшего и преступника, ведь первый — народ, а второй, как водится, до суда — неизвестен. Да и дело это давнее, прошлое.

Как-то раз в чудный осенний денёк 10 сентября 1872 г., после Божественной литургии, собрались прихожане Петропавловского собора совместно с выборными членами приходского попечительства и почётными лицами и призадумались: «Стар наш храм, а приход — беден. Как дальше жить, как с Богом общаться?» И решили обратиться с просьбой о помощи к богатому и влиятельному человеку — Густаву Густавовичу Ньюбауму, представителю торгового дома «Гутчинсон, Коль, Князь Максудов и К°». А господин Ньюбаум взял да уважил собрание и, «снисходя к бедному положению прихожан, изъявил своё желание построить новый храм в Петропавловске бесплатно взамен ветхого, привезя необходимый лес и строительные материалы из Сан-Франциско весной будущего года».

Более того, обещал завезти всё необходимое на судне своей компании и даже связаться из Сан-Франциско с Санкт-Петербургом, со Святейшим Правительствующим Синодом, по поводу получения разрешения на ломку старой церкви и строительства новой.

Вообще-то необходимое разрешение следовало испрашивать у епархиального начальства в Благовещенске-на-Амуре, но дело могло затянуться на год и более, так что решились петропавловские власти на «прыжок через голову». И не пожалели об этом. Синод дал согласие. А уже 29 сентября 1873 г. петропавловский окружной исправник Николай Иванович Волков сообщил губернатору Приморской области, что новый храм постройкою окончен и сдан «по принадлежности Петропавловскому притчу». А с храмом вместе торговый дом «Гутчинсон, Коль, Князь Максудов и К°» подарили городу ещё и новое здание для школы.

Собор, построенный в 1873 г., стали называть летним, а находился он на месте, где ныне стоит бывший обком КПСС, возле ГУМа. Как говорится, свято место пусто не бывает...

В 1897 г. побывал в летнем соборе известный исследователь Охотско-Камчатского края доктор Н. В. Слюнин, который отметил, что «летняя церковь крайне бедна, хотя и славится старинными иконами и редко-художественной живописью в куполе Господа Саваофа. Эта картина на полотне, — писал Слюнин, — цениться в 10 000 руб. Среди старинных икон обращает на себя внимание образ Св. Петра и Павла, сооружённый на средства и иждивение спутников Беринга в память своего спасения во время печальной катастрофы 4 ноября 1741 г.».

Прошло двадцать лет. Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 г. нарушили традиционно размеренный ритм жизни камчадалов. Большевистски настроенный Петропавловский совдеп, образованный 10 декабря 1917 г., медленно, но упорно начал вторгаться во все сферы общественной жизни, а также в сферу духовную.

Когда 19 марта 1918 г. совдепу потребовалось собрать расширенное пленарное заседание по поводу «контрреволюционного выступления автономистов», на церковную колокольную были посланы два солдата с поручением: ударить в набат на все окрестности. Священник Ерохин обжаловал действия солдат в областном Совете, но его жалобу переправили в городской и, как писали составители сборника «Первый совдеп» Е. М. Ильенко и И. А. Яровикова, «приходится Совету сделать внушение даже... попу».

Позволю себе процитировать текст этого «внушения»: «Сообщить св. Ерохину... что колокол есть достояние народное, а потому народ и может распорядиться им, как он признаёт нужным... Если св. Ерохин был оскорблён словами со стороны солдат, сообщить таковым о недопустимости подобных (?) выражений... По заявлению нескольких граждан, что язык колокола прикован цепью, сообщить духовному комиссару: оставить язык колокола свободным... Св. Ерохина поставить в известность о недопустимости незаслуженных нареканий на солдат местной команды».

Ни для кого не секрет, что «чёрное вороньё», как именовали большевики духовенство, не симпатизировало советской (большевистской) власти. Чувство это было взаимным. А потому большевики не только отделили церковь от государства, не только лишили её права оформлять акты гражданского состояния (на Камчатке метрические книги были переданы волревкомам с января 1923 г.), но и «взяли на учёт» церковное имущество.

Как осуществлялся этот «учёт», видно из наброска фельетона Виталия Толкачёва, более известного как В. Кручина, написанного в 1923 г. для газеты «Полярная звезда». Читая его, понимаешь, почему даже в 1929 г. на всю Камчатку было лишь три судебных чиновника, но зато «примирительные камеры» работали при 32 укрупнённых сельсоветах. Итак, фельетон: «Прозорливое ГПУ с лопатами и кирками усердно копалось во дворе vicария камчатского под аккомпанемент злобных взглядов и скрежета зубов чёрного воронья, вытаскивая из земли один за другим мешки с народными денежками, зажиленными в своё время втихомолку чёрной братией».

Понятно, для каких целей новой власти был потребен колокол — телефонов не хватало. Да и вышедшие из обращения приморские дензнаки можно было использовать

двойко — как обои для сортиров и как улику для расправы. Но для чего воинствующим атеистам храмовая утварь и старинные иконы? Только ли для того, чтоб помешать верующим жить в ладу с Богом? Всё, что будет сказано ниже, наводит на иные мысли.

В конце 1929-х гг. при Камчатском окрисполкоме действовал так называемый административный отдел из восемнадцати человек районного и трёх окружного аппарата. К 1930 г. районно-городской аппарат сократился на две штатных единицы, а в окружном появился ещё инспектор уголовного розыска. Так вот, прямой и первой обязанностью админотдела являлись «учёт и наблюдение за существующими в округе религиозными группами и обществами». Сотрудники админотдела ловили верующих на различных нарушениях устава и доводили общества до «добровольной самоликвидации».

Ещё в январе 1928 г. на учёте было двадцать восемь религиозных групп и обществ, но к 1930 г. их оставалось лишь восемнадцать. «Остальные десять, — говорится в отчёте этого отдела, — добровольно закрылись, а молитвенные здания использованы под клубы, избы-читальни, фельдшерские пункты... Незарегистрированные к 1 января 1931 г. религиозные общества и группы будут закрытыми считаться». В том же 1930 г. президиум Далькрайисполкома принял постановление «О снятии колоколов на Камчатке».

Изъятию подлежали не только церковные здания, но и утварь. Оценку её в научно-художественном отношении производили комиссии, если в таковых была необходимость. Мне привелось познакомиться с некоторыми материалами по работе такой комиссии с иконами Петропавловского летнего собора, что и послужило толчком для написания этого очерка.

3 января 1929 г. заведующий горчастью народного образования Павленко обратился к Петропавловскому горсовету с просьбой назначить «на основании действующих законоположений об охране памятников искусства и старины (Декрет СНК от 5/X-18 г. и 16/X-21 г., постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 21/X-25 г.)» специальную комиссию в составе его как председателя, Новограбленова, Жердяевского и Борисова «для выявления ценности в научном отношении некоторых имеющихся в Петропавловской церкви икон и других предметов».

Спустя месяц, 4 февраля 1929 г., на заседании Петропавловского горсовета Павленко зачитал «Акт обследования ценности (в художественном отношении) картин религиозного содержания, находящихся в Петропавловской церкви». Постановили: «Мнение комиссии о возбуждении ходатайства перед Академией Наук о передаче картин местному музею — подтвердить».

Какие же «картины» заинтересовали «местные музеи» (ныне Камчатский краевой объединённый музей), а точнее его директора Прокопия Трифоновича Новограбленова? Да те самые, которые столь бегло и неточно описал Н. В. Слюнин в 1897 г.

Помимо «дорогостоящего» позднего полотна Господа Саваофа (по некоторым сведениям американского письма) Новограбленов, в составе комиссии, описал ещё две совершенно уникальные в историческом плане иконы (о художественной их ценности судить теперь невозможно).

На одной из них был изображён Св. апостол Пётр и выведена надпись: «Сей святой образ обложением украсился и тщанием по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овцына и всех служителей спасшихся с Пустова острова и дошедших на Камчатский берег (год комиссия не разобрала) году августе месяце». Икона была писана на доске размером 0,75 на 1 м и имела серебряную ризу чеканной работы.

Безусловно, годом, который не смогла прочесть комиссия, следует считать 1742-й. Ведь именно в августе 1742 г. измученные спутники покойного Беринга, в их числе Дмитрий Овцын, возвратились на Камчатку. Разжалованный в матросы лейтенант Овцын был амнистирован с возвращением прежнего чина ещё 19 февраля 1741 г. и узнал об этом, думается, сразу же по возвращению «с того света». Но в любом случае надпись была сделана не позднее 1749 г., поскольку с этого времени Овцын служил уже в чине капитана.

Наконец, третья икона, которую доктор Слюнин вообще не упоминает. На ней были изображены четыре Святителя — Пётр, Павел, Иннокентий и Николай. Она была написана на доске размером 0,8 на 1,5 м и также, как предыдущая, имела серебряную ризу и надпись, что пожертвована храму участниками обороны Петропавловска 1854 г. Более того, эту икону писали специально для камчатского храма, поскольку в её нижней части был помещён вид города, о который обломали себе зубы англичане с французами. Всякому, кто хоть сколько-нибудь дорожит историей, ясно, что пожертвованные в 1742 и 1854 гг. иконы бесценны для Камчатки. Но не трудится искать их в краевом музее. Нет их ни в экспозиции, ни в запасниках. Насколько мне удалось проследить по документам, этих икон не было там уже к 1940 г. Более старых данных найти пока не довелось. И отсюда возникает вопрос — а был ли мальчик? Может, церковная утварь вообще в музей не поступала?

Поступала. Следы революционной экспроприации церковного имущества сохранились в документах Государственного архива Камчатского края. Так, в одном из актов приёма-сдачи «материальных ценностей» музея за 1940 г. числится несколько десятков предметов стоимостью от 50 коп. до 60 руб., среди которых «церковное облачение, коврики церковные, передние кресты из материала, пояса, церковные чаши с блюдечками, угольники от икон, фигуры святых, глаз-украшение, кропило, евангелия разные, медные иконки, медаль Камчатская в виде креста, крест-распятие» и прочее. Кстати, есть в этом списке и две иконы на полотне, одна из которых могла бы оказаться образом Господа Саваофа. Но уж больно низко они оценены — всего по 50 коп. Образ же, напомню, имел стоимость в 10 000 руб.

Следует полагать, что дело обстояло так. Иконы были переданы в Камчатский музей, который некоторое время размещался в бывшей церкви. Причём переданы с учётом высокой балансовой стоимости иконы Господа Саваофа. Ведь к этому и стремился неутомимый труженик науки и просвещения П. Т. Новограбленов. Но знал ли он, что уже с 1923 г. находится под контролем ГПУ? Знал ли он о том, что очень скоро будет осуждён как враг народа по делу об «автономизации» Камчатки и погибнет в возрасте сорока двух лет, то есть в 1934 г.? Не знал, конечно.

Не читал он и статью «Окажем помощь музею», опубликованную в «Камчатской правде» в августе 1933 г., в которой говорилось, что «после двухлетней консервации (то есть уже без Новограбленова. — А. Г.) Камчатский областной музей получил, наконец, возможность развернуть работу в здании бывшей Петропавловской церкви... В общем, если говорить о материальной ценности, погибшей от невнимательного отношения со стороны наших организаций и учреждений, сосредоточенной в музее, то её можно грубо определить в десятки тысяч рублей золотом».

Совершенно очевидно, что эти утраченные музеем «десятки тысяч» могли возникнуть только в связи с пропажей иконы Господь Саваоф и, «попутно», икон 1742 и 1854 гг., балансовая стоимость которых мне, увы, неизвестна.

Сейчас можно лишь гадать, что стало истинной причиной подведения П. Т. Новограбленова «под статью». В делах об «автономизации», насколько мне известно, иконы не фигурируют. Но кто знает, какие идеи вынашивали те, кто стряпал дело на честного и порядочного человека...

Прокопий Трифионович был реабилитирован посмертно в 1957 г. В 1965 г. Камчатский отдел Географического общества СССР учредил премию его имени. Новые поколения естествоиспытателей и краеведов изучают его работы.

Что же до исчезнувших бесследно камчатских реликвий, то хочется верить, что тогда, в 1930-х, их не угробили по халатности, а хотя бы продали знающему человеку. Такое возможно. Как известно из секретных отчётов управляющего Петропавловской таможней А. Эйне за 1930—1932 гг., хранящихся в Томске, в эти годы контрабандисты промышляли не только пушниной, валютой, галантереей, техническими средствами и прочим, но и золотом, и серебром царской чеканки. Иконы же, напомню, имели внушительные чеканные серебряные ризы. И кто знает, может быть, однажды, если их не переплавили, они «всплывут» на каком-нибудь чёрном рынке или законных торгах в Америке, Японии, Австралии или Европы.

Будем ждать...

ВОЛОСТИ И ПЕРВЫЕ РАЙОНЫ НА КАМЧАТКЕ

В Российском государстве множество раз проходили административно-территориальные изменения, неоднократно перекраивавшие карту государства. Исследователи этого процесса в основном останавливаются на таких административно-территориальных единицах, как уезд, округ, область и губерния, но обходят стороной волости и районы. Практически нет исследований о волостях на Камчатке и первых районах на полуострове.

О некоторых административно-территориальных изменениях в XIX—XX вв., касающихся Камчатки, стоит напомнить, чтобы рассматриваемая тема была более понятна. Подробнее пойдёт речь о Петропавловском округе и уезде, то есть о территории нынешнего Камчатского края.

Впервые название, производное от названия поселения Петропавловский порт, стоявшего на восточном берегу Авачинской губы, появилось на карте Камчатки в 1849 г., когда была организована самостоятельная Камчатская область во главе с военным губернатором В. С. Завойко. В царском указе от 2 декабря 1849 г. об образовании Камчатской области говорилось, что из частей бывшего Камчатского приморского правления и Ижигинского округа надлежит образовать особую Камчатскую область [1, с. 235]. По положению об управлении Камчатской областью, утверждённому указом от 10 января 1851 г., в ней были Петропавловский и Ижигинский округа [2, с. 106]. В Петропавловский округ входил полуостров Камчатка (без материковой части нынешних Олюторского и Пенжинского районов).

В октябре 1856 г. Камчатская область была ликвидирована. Камчатка вошла в Петропавловский округ, ставший составной частью образованной Приморской области [1, с. 250]. 24 мая 1902 г. Петропавловский округ переименован в уезд [3, с. 58]. В 1909 г. он стал частью вновь образованной Камчатской области из уездов Северо-Востока России: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорского [1, с. 265].

С установлением советской власти на Камчатке в ноябре 1922 г., Камчатская область 6 декабря этого же года была переименована в губернию и вошла в образованную Дальневосточную область. В составе губернии находились Петропавловский, Анадырский, Чукотский, Гижигинский и Командорский уезды (Охотский уезд не вошёл в Камчатскую губернию, а затем по 1926 г. вновь был в её составе).

Такая административно-территориальная единица, как волость, сохранялась в советском государстве до 1926—1930-х гг., до завершения районирования в СССР округов, областей и краев.

В 1922—1925 гг. в Петропавловском уезде имелось девять волостей: Большерецкая, Дранкинская, Елизовская, Мильковская, Соболевская, Тигильская, Усть-Камчатская, Хайрюзовская и Командорская. В них входило 89 населённых пунктов, в которых проживало 10 468 чел. [4, с. 4].

4 января 1926 г. постановлением ВЦИК РСФСР был образован Дальневосточный край с центром в городе Хабаровске. Камчатская губерния стала называться округом. Решением Камчатского окрревкома № 29 от 1 апреля 1926 г. в Камчатском округе прошло районирование. Уезды и волости были ликвидированы, взамен созданы районы. Из бывшего Петропавловского уезда и частично Гижигинского уезда образованы Усть-Камчатский, Большерецкий, Карагинский, Тигильский, Пенжинский и Петропавловский районы.

Волости Петропавловского уезда. В конце XIX в. в России из крупных административно-территориальных единиц имелись губернии и области, которые делились на уезды и округа. Уезды и округа имели такие административные формирования, как волости, станицы (в местах, населённых казаками) и улусы (среди инородческого населения). В государстве в названный выше период насчитывалось 18 012 таких единиц. В Сибири (Восточная и Западная Сибирь, Дальний Восток) их насчитывалось 611 [5, с. 213], в том числе на Дальнем Востоке около двухсот.

По Владимиру Далю: «Волость — округ сёл и деревень, состоящих под управлением одного головы или волостного старшины» [6, с. 234]. Таким образом, по его определению, волость является административной единицей сельской местности. В ней могло состоять несколько сёл, до десятка и более. В каждом хозяйственные и другие вопросы решал сельский сход или староста. Дела, касавшиеся волости, рассматривались на волостном сходе. В нём участвовали выборные из сёл (по одному от каждого десяти дворов), волостной старшина и волостное правление (состоявшее из старшины, сельских старост, сборщиков податей), волостной суд [5, с. 163]. Волостной старшина избирался сходом на три года. На постоянной основе работали только старшина и писарь.

На Камчатке также имелись волости. Однако о них до настоящего времени известно очень мало. Эта статья — первая попытка рассказать о камчатских волостях, извлечь из забвения сведения о них и показать их роль в формировании первых районов на полуострове.

В Камчатской области (губернии) волости были только в Петропавловском (девять), Анадырском (три) и Охотском (две) уездах [4, с. 4]. Они появились на Камчатке (оправданное употребление, так как на полуострове Камчатка находился Петропавловский уезд) значительно позже других территорий государства российского. Между тем сведения о них представляют не только познавательный, но и научный интерес. Не секрет, что многие процессы, связанные с развитием Камчатки в разных отношениях, всегда по ряду причин (из-за отдалённости от метрополии, малонаселённости, слабой экономики, неразвитости инфраструктуры и других) отставали и отстают от центральных территорий России. Так случилось и с этими административно-территориальными формированиями.

В Петропавловском уезде, куда входил полуостров Камчатка, из-за малочисленности и разбросанности сельских поселений волости были образованы предположительно после 1912 г., когда возросшее число поселений позволило сгруппировать их в определённые административно-территориальные единицы. Формирование волостей на Камчатке шло, как и в России, вокруг крупных сёл и поселений. Только здесь волость от волости находилась на значительном расстоянии друг от друга и почти не имели между собой устойчивой круглогодичной сухопутной и морской связи.

Сведений о волостях в Петропавловском уезде в период 1917—1920 гг. ничтожно мало. Известно, что в августе 1917 г. начальником Петропавловской уездной милиции был избран председатель Завойкинской волости В. У. Закржевский, что зимой 1918 г. против советизации Камчатки выступали жители Завойкинской волости [7, с. 17]. В работе первого Петропавловского уездного съезда Советов, проходившего в Петропавловске с 12 марта по 7 апреля 1920 г., принимали участие делегаты от волостей Петропавловского уезда. На съезде выступали с докладами представители волостей: М. И. Попов, Г. Тюменцев, Мальцев и другие [7, с. 36—38].

На Третьем Камчатском областном съезде, проходившем в Петропавловске с 11 по 27 октября 1920 г., было принято решение о новом разделении Петропавловского уезда на волости. Этот вопрос рассматривался на съезде 24 октября 1920 г. Петропавловский уезд был поделён на 18 волостей [8, л. 55]:

— *Большереецкая*. Сёла: Большереецк, Апача, Хайковая Падь, Усть-Большереецк, Хомутино, Кихчик, Зуйково;

— *Голыгинская*. Сёла: Голыгино, Опала, Кошегочек, Явино, Унтербергиевка (Унтербергеровка), Камбальная;

— *Дранкинская*. Сёла: Дранка, Ивашка, Холюля, Озерное, Ука, Усть-Озерное, Карага;

— *Завойкинская*. Сёла: Завойко, Хутор, Авача, Коряки, Сероглазка;

— *Кичигинская*. Сёла: Кичига, Тымлат, Подкагерная, Рекинники;

— *Ключевская*. Сёла: Ключи, Кресты, Харчино, Еловка;

— *Козыревская*. Сёла: Козыревск, Щапино, Толбачик, Среднекамчатск, Ушки;

— *Малковская*. Сёла: Малка, Ганалы, Начики;

— *Мильковская*. Сёла: Мильково, Пуцино, Шеромы, Верхнекамчатск, Кирганик, Машура;

— *Налычевская*. Сёла: Налычева, Жупаново, Колыгерный, Островная, Халактырка;

— *Нижнекамчатская*. Сёла: Нижнекамчатск, Камаки;

- *Облуковинская*. Сёла: Облуковино, Ича, Крутогорово, Сопочное;
- *Паланская*. Сёла: Палана, Кохтана, Кинкиль, Лесновское;
- *Паратунская*. Сёла: Паратунка, Микижа, Тихая, Гондатиевка, Завод, Тарья;
- *Соболевская*. Сёла: Соболево, Привольное (Кол), Немчик (Немтик), Колпаково;
- *Тигильская*. Сёла: Тигиль, Напана, Седанка, Аманино, Воямполка;
- *Усть-Камчатская*. Сёла: Усть-Камчатск, Чёрный Яр, Берёзовый Яр, Пекука;
- *Хайрюзовская*. Сёла: Хайрюзово, Морошечное, Белоголовое, Ковран, Утхолок.

Остаётся большим белым пятном история организации первых волостей на Камчатке и деятельности их органов управления, ход формирования волостных органов власти на Камчатке (волостных старост, старшин, начальников, председателей волостных исполкомов, комитетов и ревкомов). Мало известна работа, связанная с хозяйственно-бытовой деятельностью в поселениях (сбор налогов, проведение общественных работ, строительство, организация рыбной ловли и охоты), обеспечение жителей продуктами и товарами, формы участия жителей поселений в управлении волостью (волостные сходы, собрания и съезды).

Хотя на некоторые вопросы частично есть ответы. Так, в документах Третьего Камчатского областного съезда (1920 г.) говорится о добровольном вхождении жителей того или иного села в определенную волость. О волостях Петропавловского уезда упоминается в публикациях, освещавших период политической и общественной жизни на Камчатке в 1917—1923 гг. В них часто встречаются Завойкинская, Мильковская, Большерецкая, Нижнекамчатская, Ключевская, Хайрюзовская, Мономаховская, Дранкинская, Малкинская и Паланская волости Петропавловского уезда Камчатской области [7, с. 17, 18, 34, 37; 8, с. 35, 41, 104, 125, 140].

В период нахождения на Камчатке белых частей и партизанской борьбы против них красных отрядов (1921—1922 гг.) жители Завойкинской, Мильковской и части Малкинской волостей не примкнули ни к одной из сторон, а занимали выжидательную позицию по отношению к ним [9, с. 125].

С января 1923 г. в волостях Петропавловского уезда Камчатской губернии стали создаваться ревкомы — чрезвычайные органы советской власти. Они действовали по 1926—1928 гг. до формирования Советов. В 1923 г. также были созданы волостные управления милиции в Завойкинской (Елизовской), Мильковской, Соболевской, Хайрюзовской, Большерецкой, Тигильской, Усть-Камчатской и Дранкинской волостях. Начальник Камчатской губернской милиции Н. П. Фролов весной 1924 г. в течение полутора месяцев проверял работу Соболевской, Хайрюзовской, Тигильской, Усть-Камчатской и Дранкинской волостной милиции и признал её удовлетворительной [10, с. 46].

Волости, сформированные на Третьем Камчатском областном съезде, имели ряд недостатков. В отдельные входили по два поселения, в других же села были так отдалены друг от друга, что не могли решать общие задачи. Неоправданно большое количество волостей (18) приводило к слабой управляемости ими из Петропавловска.

В 1923—1924 гг. волости в Петропавловском уезде с учётом опыта их деятельности и сложившихся связей, а также географических особенностей полуострова, были укрупнены. Нижнекамчатская, Ключевская, Усть-Камчатская и частично Козыревская были объединены в Усть-Камчатскую, Паланская и Тигильская — в Тигильскую. К Большерецкой отошла Малкинская и Голыгинская волости. Кичигинская волость вошла в Дранкинскую, Облуковинская в Соболевскую, часть Козыревской — в Мильковскую. А переименование села Завойко в Елизово привело к переименованию Завойкинской волости в Елизовскую (1924 г.), в которую были включены бывшие Налычевская и Паратунская волости.

К месту будет рассказать о Петропавловске-Камчатском тех лет. Город был не только административным центром Камчатской губернии, но и центром Петропавловского уезда. Интересны некоторые данные о жителях Петропавловска, их собственности и торговых точках по состоянию на 1923 г. В городе проживало 1 193 чел., из них 705 мужчин и 488 женщин. По национальному составу в нём находилось 923 русских, 119 китайцев, 85 корейцев, 30 японцев и 36 европейцев. Из 1 193 жителей коренных насчитывалось всего 121. Остальные были приезжими. Грамотными

считались 616 горожан (51,6 %). Жители владели 36 лошадьми, 118 головами крупного рогатого скота, 361 собакой и 88 единицами нарезного огнестрельного оружия. В Петропавловске-Камчатском действовало 28 торгово-розничных предприятий, из них 25 были розничными, 19 принадлежали китайцам [4, с. 4, 6, 12, 16].

В Петропавловском уезде в 1925 г. существовали Большерецкая, Дранкинская, Елизовская, Мильковская, Соболевская, Тигильская, Усть-Камчатская, Хайрюзовская и Командорская волости. В 89 сельских поселениях Петропавловского уезда проживало 9 275 чел. [4, с. 4, 6].

По девяти волостям Петропавловского уезда селения распределялись следующим образом [4]:

— *Большерецкая*. Сёла: Апача, Большерецк, Ганалы, Запорожское, Зуйково, Кихчик, Кошегочек, Малка, Начики, Опала, Усть-Большерецк, Утка, Хомутино, Явино;

— *Дранкинская*. Сёла: Дранка, Ивашка, Карага, Кичига, Луновьям, Озерная, Подкагерная, Рекинники, Тымлат, Ука, Халюля;

— *Елизовская*. Сёла: Авача, Елизово, Жупаново, Колыгер, Коряки, Микижа, Налычево, Николаевка, Островная, Паратунка, Сероглазка, Тарья, Халактырка, Хутор;

— *Командорская*. Сёла: Никольское, Преображенское;

— *Мильковская*. Сёла: Верхнекамчатск, Кирганик, Машура, Мильково, Пушино, Среднекамчатск, Толбачик, Шаромы (Шеромы), Щапино;

— *Соболевская*. Сёла: Афанасьевка, Ича, Колпаково, Крутогорово, Немчик (Немтик), Облуковино, Привольное, Русь, Соболево;

— *Тигильская*. Сёла: Аманино, Воямполка, Кинкиль, Кохтана, Лесная, Напана, Палана, Седанка, Тигиль;

— *Усть-Камчатская*. Сёла: Берёзовый Яр, Еловка, Камаки, Ключи, Козыревск, Кресты, Нижнекамчатск, Николаевка, Усть-Камчатск, Ушки, Харчино, Чёрный Яр;

— *Хайрюзовская*. Сёла: Белоголовое, Ковран, Морошечное, Сопочное, Усть-Хайрюзово, Утхолок, Хайрюзово.

Выполняя указания вышестоящих органов власти, решением Камчатского окрревкома № 29 от 1 апреля 1926 г. в Камчатском округе было закреплено первое районирование его территории. Уезды и волости ликвидированы, взамен созданы районы. За основу новых административно-территориальных формирований взяты территории сложившихся к этому времени волостей.

Первые районы на Камчатке. В середине 1920-х гг. в СССР стала проводиться административно-территориальная реформа. По ней уезды и волости повсеместно заменялись районами. Это длилось до 1930 г.

Камчатский губревком приступил к подготовительной работе по районированию во втором полугодии 1925 г., так как уже готовились административно-территориальные преобразования на Дальнем Востоке. 7 октября 1925 г. на заседании губревкома рассматривался проект районирования Камчатской губернии. За основу новых административно-территориальных формирований взяли территории 14 бывших волостей Камчатского округа. Они имелись только в бывшем Петропавловском уезде — девять волостей, в Анадырском — три и в Охотском — два. Проект предполагал создание вместо Петропавловского, Анадырского, Чукотского, Гижигинского и Охотского уездов десяти районов [11, л. 40].

Постановлением ВЦИК РСФСР от 4 января 1926 г. Дальневосточная область была преобразована в Дальневосточный край. Камчатская губерния стала его составной частью и начала называться округом. Территория бывшего Охотского уезда присоединилась к Николаевскому округу. К районированию Камчатского округа население большинства поселений волостей в 1925 г. относилось доброжелательно и возражений по его проведению не высказывало. Только в сёлах волостей, которые должны были войти в будущие Тигильский и Пенжинский районы, жители проявили к районированию безразличие [12, л. 6—9].

Территория будущей Камчатской области (1932 г.) и нынешнего Камчатского края (2007 г.) формировалась в период первого районирования на Северо-Востоке России. В 1926 г. в неё включены бывшие Петропавловский и Гижигинский уезды. Из частей Петропавловского и Гижигинского уездов созданы северные районы: Пенжинский

и Карагинский, а в бывшем Петропавловском уезде образованы Усть-Камчатский, Большерецкий, Тигильский и Петропавловский районы. Эти четыре района сохранили названия бывших волостей.

Первые районы в Камчатском округе (без районов Чукотки) [12, л. 6—9]:

Большерецкий в составе части бывшей Большерецкой волости (без сёл Начики, Ганалы и Малка) и бывшей Соболевской волости. Центр района — село Усть-Большерецк, где имелись фактория Дальгосторга, почтово-телеграфное отделение, врачебный участок, кооператив, рыбоконсервный и крабоконсервный заводы. В районе находились восемь школ, один фельдшерский пункт, два кооператива, пять почтово-телеграфных отделений. Население 2 137 чел.

Карагинский в составе части селений бывшего Гижигинского уезда, части бывшей Дранкинской волости (без сёл Ука, Озерная, Рекинники и Подкагерная) и островов Карагинского и Верхотурова. Центр района — село Тиличики. В районе находились четыре школы, один фельдшерский пункт и фактория Госторга. Население 2 616 чел., из них кочевого — 115.

Пенжинский в составе части бывшего Гижигинского уезда и части бывшей Дранкинской волости (сёла Подкагерная и Рекинники). Центр района — село Каменское. Население 3 351 чел., из них кочевого — 1 537.

Петропавловский в составе бывшей Елизовской волости, части бывшей Большерецкой волости (сёла Начики, Малка и Ганалы), части бывшей Мильковской волости (села Пуцино, Шеромы, Верхнекамчатск, Мильково и Кирганик) и Командорские острова (сёла Никольское и Преображенское). Районный центр — г. Петропавловск-Камчатский.

Тигильский в составе бывших Тигильской и Хайрюзовской волостей. Районный центр — село Тигиль, где действовали больница, кооператив, школа, почтово-телеграфное отделение. В районе находились японский рыбоконсервный завод в селе Палана, семь школ, один ветпункт, врачебный участок, четыре кооператива, два почтово-телеграфных отделения. Население 3 508 чел., из них кочевого — 1 075.

Усть-Камчатский в составе бывшей Усть-Камчатской волости, части Мильковской (сёла Щапино, Толбачик, Среднекамчатск, Машура) и части Дранкинской (сёла Ука и Озерная). Центр района — село Усть-Камчатск, где имелись фактория Госторга, кооператив, радиостанция, фельдшерский пункт, клуб, библиотека, два японских завода, два рыболовно-засольных участка. В районе находились семь школ, одна больница, один ветпункт, один кооператив, два почтово-телеграфных отделения и четыре рыболовно-промысловых артели. Население 2 958 чел., из них кочевого — 562.

До 1949 г. Камчатский округ (область) несколько раз подвергался административно-территориальным преобразованиям, при которых создавались новые районы и менялись границы существующих, но это уже тема для других исследований.

Петропавловский район. С 1926 по 1949 г. на карте Камчатки значился Петропавловский район с центром в городе Петропавловске-Камчатском. За прошедшие шестьдесят лет с момента ликвидации (1949 г.) и организации на его территории Елизовского района, о Петропавловском районе почти забыли, а ведь он длительное время был самым крупным на Камчатке.

В Петропавловский район вошла Елизовская волость (сёла Авача, Елизово, Жупаново, Колыгер, Коряки, Микижа, Налычево, Николаевка, Островная, Паратунка, Сероглазка, Тарья, Халактырка, Хутор), часть Большерецкой (сёла Начики, Малка, Ганалы), часть Мильковской (сёла Пуцино, Шеромы, Верхне-Камчатск, Мильково и Кирганик) и Командорские острова (сёла Никольское и Преображенское). В 1926 г. в Петропавловском районе вместе с Петропавловском-Камчатским жили 2 806 чел. [12, л. 6—9], город стал не только административным центром Камчатского округа, но и центром Петропавловского района, где находилось 24 села.

Однако вскоре Петропавловский район был разукрупнён. Из-за большой и разбросанной по полуострову территории он оказался плохо управляемым. В 1932 г. на Командорских островах создан Алеутский район, и сёла Никольское и Преображенское отошли к нему. В 1933 г. из части территорий Петропавловского и Усть-Камчат-

ского районов образован Мильковский район. В него из Петропавловского района выделены сёла Пушино, Шеромы, Верхнекамчатск, Мильково и Кирганик. После этих преобразований в Петропавловском районе остались г. Петропавловск-Камчатский и 17 сел.

По мере развития экономики Камчатки на территории Петропавловского района в начале 1930-х гг. стали возникать новые поселения. На юго-восточном побережье Авачинской губы появился посёлок строителей судоверфи — Посёлок при судоверфи, или Третья стройка, а на северо-восточном — База Моховая. С освоением рыбных запасов Авачинской губы и Авачинского залива появились рыболовецкие колхозы и рыбокомбинаты, которые размещались в новых поселениях: Новой Тарье, Колхозе имени Сталина — в Тарьинской бухте Авачинской губы и Семьячихах, Вилуе, Базе Жировой и Базе Саранной — на берегу Авачинского залива.

На облик города Петропавловска-Камчатского и Петропавловского района с 1936 г. стало влиять присутствие военных. Из-за режима секретности об их роли в развитии города и района умалчивалось на протяжении всего советского периода нашей истории. Вместе с тем оно было весьма значительным.

Советское государство в 1930-е гг. принимало решительные меры по укреплению обороны Дальнего Востока. На Камчатке создавался восточный форпост СССР. Основные воинские группировки размещались на территории Петропавловского района. Таковы были его особенности. 17 июня 1936 г. в соответствии с указанием Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Петропавловске-Камчатском было сформировано Управление Камчатского укрепрайона [13, с. 5].

Первыми стали обживать Петропавловский район части Тихоокеанского флота (ТОФ). Хотя флот был образован 21 апреля 1932 г., его первые морские соединения на Камчатке появились только в 1936 г. Местом их дислокации стало восточное побережье Авачинской губы от песчаной Кошки в центре Петропавловска-Камчатского до бухты Раковой и бухта Тарьинская (Крашенинникова).

На неосвоенных землях возникали военные городки, строились причалы. К обустройству воинских поселений и их обслуживанию привлекались гражданские организации. Для обеспечения частей и соединений продовольствием развивались колхозы. В связи с большим объёмом работы были привлечены значительные людские ресурсы с материка. К 1939 г. численность жителей Петропавловского района достигла 43 619 чел., что составляло 39,2 % жителей Камчатской области (в современных границах края) [2, с. 64].

В 1937 г. в бухте Ягодной, расположенной в Тарьинской бухте, был оборудован стационарный гидроаэродром для самолетов морской авиации. Лётный состав и состав частей технического обслуживания жили в военном городке, получившем впоследствии название Ягодное [13, с. 5].

В 1938—1939 гг. на мысах Безымянный и Станицкого у входа в Авачинскую губу и на мысе Казак в губе стали возводиться береговые артиллерийские батареи. Воинские части, их обслуживавшие, размещались в посёлках Богатырёвка, Станицкого и Казак. Также была построена береговая артиллерийская батарея на мысе Изменном на восточном побережье Авачинской губы. Военный городок, возникший на полуострове Изменном, впоследствии стал называться Завойко. На мысе Скалистом на побережье Авачинского залива, справа у входа в Авачинскую губу, также была сооружена артиллерийская батарея. Воинское соединение, обслуживавшее её, построило на берегу ручья Морского, рядом с озером Мелким, посёлок, получивший название Озёрный (Англичанка).

Дивизион дизельных подводных лодок в 1938 г. стал базироваться рядом с селом Новая Тарья, и городок моряков вскоре стал называться Лахтактным (современный микрорайон «Рыбачий» города Вилючинска). Бухта Тарьинская (Крашенинникова) уже к 1940 г. становилась местом дислокации многих соединений ТОФ. На её берегах располагалось больше воинских поселений, чем гражданских.

9 июня 1940 г. была создана Петропавловская военно-морская база.

Сухопутные войска появились на Камчатке в 1938—1939 гг. Они размещались рядом с пограничниками (в районе нынешнего главного здания Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга), а затем стали занимать территорию

от них до села Халактырки, побережье Авачинского залива до реки Налычевой, в районе 6—9-го и 24—31-го километров Елизовского шоссе.

Территорию Петропавловского района военным для размещения частей выделял Петропавловский горсовет или горисполком. В 1938—1940 гг. военные требовали от них помещений для размещения штабов и личного состава, однако потом сами стали быстро строить свои городки. Для этого интенсивно использовался специальный лесозавод (стройка № 2) в Петропавловске. Состояли городки из деревянных одноэтажных и редко из двухэтажных домов. В сухопутных войсках жилой фонд находился в распоряжении квартирно-эксплуатационных частей (КЭЧ), а в военно-морском флоте — морской инженерной службы (МИС). В военных городках существовали свои магазины, пекарни, бани, школы и даже стадионы и закрытая инфраструктура: склады, базы, боксы, гаражи, стрельбища и полигоны.

В 1942 г. в трёх километрах от села Елизово стала базироваться 128-я отдельная смешанная авиадивизия. На построенном стационарном аэродроме (современный Елизовский) размещался 888-й истребительный авиационный полк, состоявший из самолетов И-15 и И-16. Севернее села Коряки, на полевом аэродроме, разместился 903-й бомбардировочный авиационный полк из средних бомбардировщиков [13, с. 5]. Военный городок находился в селе Северные Коряки.

К 1940 г. 101-я стрелковая дивизия в составе 138, 302 и 374-го стрелковых полков разместились в районе села Халактырки и нынешних посёлков Нагорного и Долиновки. Там же дислоцировались 428-й и 279-й артиллерийские полки.

Вскоре десятки военных городков заполонили не только окрестности Петропавловска-Камчатского, но и Петропавловский район от Авачинского залива до 62-го километра дороги в сторону села Мильково. В эти годы в границах города появилось только два «гражданских» посёлка: Акционерного Камчатского общества и Петропавловской судовой верфи. А на территории Петропавловского района возникли всего восемь новых гражданских поселений: пять сёл и посёлков и три базы. Таковы были реалии того времени. Делалось это не зря. Камчатка по-прежнему оставалась лакомым кусочком для иностранных государств. Всего двенадцать километров отделяло её от империалистической Японии, владевшей Курильскими островами, открытыми русскими первопроходцами и присоединёнными к России в XVIII в. Угроза военных действий со стороны Японии ощущалась с конца 1930-х гг., когда произошли бои с японцами на Халхин-Голе в Монголии и озере Хасан в Приморье. Поэтому на Камчатке имелись значительные армейские подразделения и морские соединения, в основном в Петропавловском районе.

В 1944 г. был создан Камчатский оборонительный район (КОР), объединивший воинские подразделения, дислоцировавшиеся на Камчатке (кроме Петропавловского района они находились в Усть-Большерецком и Усть-Камчатском районах). Командующим КОР был назначен генерал-майор А. Р. Гнечко. Ему подчинялись сухопутные войска, а в оперативном отношении — Петропавловская военно-морская база, 128-я смешанная авиадивизия и 60-й Камчатский пограничный отряд [14, с. 8].

Население Петропавловского района в 1944 г. составляло 45 151 чел. (вместе с городом Петропавловском-Камчатским). Стоит более подробно остановиться на участии района в Курильской десантной операции августа 1945 г., так как многие историки и краеведы своих публикациях пишут только о роли в ней города Петропавловска, хотя значительное число воинских частей и участников операции были из Петропавловского района.

8 августа 1945 г. Советский Союз, выполняя союзнические обязательства, объявил войну Японии и приступил к разгрому Квантунской армии в Маньчжурии, освобождению южной части острова Сахалина и Курильских островов. Областная газета «Камчатская правда» 10 августа 1945 г. опубликовала заявление советского правительства правительству Японии и решение исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся «О введении военного положения на территории Камчатской области».

15 августа КОР получил приказ о проведении операции по освобождению северных Курильских островов Шумшу и Парамушира, а затем острова Онекотана и дру-

гих. На подготовку Курильской десантной операции отводилось двое суток [14, с. 18]. Штаб по руководству операцией был развернут в здании Дома Красной Армии в Петропавловске.

Петропавловский район в одночасье стал прифронтовой территорией. В город, в порт в спешном порядке направлялись части и подразделения КОР, находившиеся на боевых постах и в районах дислокации. Петропавловский городской военкомат призывал в армию запасников.

Воины КОР в ходе Курильской десантной операции участвовали в ожесточённых боях 18—29 августа 1945 г. по освобождению северных Курил от японцев. Были убиты, ранены, пропали без вести, скончались от ран 1 567 десантников. Почти всех погибших похоронили на островах на месте боёв. В военных действиях участвовали многие камчатцы — жители сёл Петропавловского района и города, призванные Петропавловским городским военкоматом и проходившие службу в частях и соединениях КОР. Из них 250 чел. погибли, пропали без вести и умерли от ран.

В изданной в 1995 г. книге Памяти камчатцев, погибших во время Второй мировой войны, отмечено, что из Петропавловска-Камчатского и сел Петропавловского района в ряды Красной Армии городским военкоматом были призваны 14 607 чел. Многие из них участвовали в боях на фронтах Великой Отечественной войны и Курильских островах, 1 367 из них погибли, пропали без вести, скончались от ран.

В 1948 г. в состав Петропавловского района входили: город областного подчинения (Петропавловск-Камчатский), один поселковый Совет (Индустриальный) и восемь сельских Советов: Авачинский, Елизовский, Жупановский, Малкинский, Начикинский, Николаевский, Паратунский и Халактырский. Большинство сельсоветов Петропавловского района составляли по несколько сёл.

О каждом Совете стоит сказать подробнее. Ведь на их территории размещались промышленные и сельскохозяйственные предприятия, медицинские учреждения, школы, учреждения культуры. Ныне сведения о них представляют большой интерес (названия поселений, предприятий и организаций приводятся по документам тех лет).

Поселковый Совет в посёлке Индустриальном. На территории посёлка находились судостроительный завод, жестянобаночная фабрика, трест «Камчатрыбстрой», ремесленное училище № 8, артель «Новый Быт», рыбокооп, средняя школа № 3, три начальные школы, больница, поликлиника, женская консультация, психоизолятор, тубдиспансер, библиотека, три клуба.

Авачинский сельский Совет с центром в селе Аваче и в составе поселений База Моховая и Сероглазка. На территории сельсовета действовали два рыболовецких колхоза, управление активного морского лова «Морлов» Главкамчатрыбпрома, радиоприёмный центр областного управления связи, нефтебазы Главкамчатрыбпрома и Главнефтеснаба, моторно-рыболовная станция, две семилетние и одна начальная школы, медицинский пункт, библиотека, две избы-читальни, два рабочих клуба.

Халактырский сельский Совет с центром в селе Халактырке. В сельсовет входило село Налычево. Здесь находились артель имени Ленина, две начальные школы, изба-читальня, фельдшерский пункт. Телефонная связь с горисполкомом отсутствовала.

Жупановский сельский Совет с центром в селе Семячки и сёлами Жупаново, Кроноки, Богачёвкой. В сёлах размещались рыбокомбинат, два рыболовецких колхоза, Кроноцкий государственный заповедник, Богачёвская нефтеразведочная экспедиция, одна семилетняя и четыре начальные школы, два клуба, библиотека, две избы-читальни, больница, два фельдшерских пункта. С городом имелась только радиосвязь.

Николаевский сельский Совет с центром в селе Николаевке. В селе имелись сельскохозяйственный колхоз, две начальные школы, фельдшерский пункт, изба-читальня.

Начикинский сельский Совет с центром в селе Начики. В селе пребывали Начикинский совхоз, сельскохозяйственный колхоз, семилетняя и начальная школы, фельдшерский пункт, изба-читальня, клуб.

Малкинский сельский Совет с центром в селе Малки. В состав сельсовета входило село Ганалы. В сёлах располагались два сельскохозяйственных колхоза, две начальные школы, два фельдшерских пункта, две избы-читальни [15, л. 142—144].

Елизовский сельский Совет с центром в селе Елизово. В поселениях сельсовета насчитывалось жителей: Елизово — 1 560; Хутор — 840; Коряки — 973; Артель «Север» — 175; Связи (РВ-102) — 543; Кирпичный завод Горпромкомбината — 152; Совхоз МВД — 119; Машинно-сенокосная станция — 41. Всего на территории сельсовета проживали 4 403 чел., в том числе 1 843 рабочих и служащих, 519 колхозников.

Село Елизово. Здесь находился Елизовский сельсовет и имелись средняя школа, Дом культуры, библиотека, больница на десять коек, амбулатория, отделение Камчатторга, почтовое отделение связи, сберегательная касса, две артели промысловой кооперации, заготпункт, отделение Гидрометслужбы, магазин, чайная, две столовые, сельскохозяйственный колхоз с посевной площадью 127 га и численностью скота 319 голов.

Село Хутор имело начальную школу, фельдшерский пункт, избу-читальню, машинно-тракторную станцию, участок Горпромкомбината (с кожевенным, обозным, бондарным, столярным, кирпичным, мыловаренным производствами и рыбалкой), почтовое отделение связи, магазин, сельскохозяйственный колхоз с посевной площадью 177 га и численностью скота 424 головы.

Артель «Север» Камчатского облпромсоюза располагала начальной школой, рабочим клубом, кирпичным заводом с производственной мощностью 500 тыс. штук кирпича в год, столярной и механической мастерскими, пенько-верёвочным и пищевкусовым производствами.

Посёлок Связи (РВ-102) имел начальную школу, избу-читальню, рабочий клуб, врачебную амбулаторию, детский сад и ясли, почтовое отделение связи, сберкасса, магазин, столовую.

Село Коряки имело семилетнюю школу, избу-читальню, библиотеку, фельдшерско-акушерский пункт, почтовое отделение связи, сберегательную кассу, сельскохозяйственный колхоз с посевной площадью 172 га и численностью скота 370 голов. Ближайшими к селу были поселения: Кирпичный завод Горпромкомбината, Совхоз МВД, Машинно-сенокосная станция, Военный совхоз.

Паратунский сельский Совет с центром в селе Паратунке. В сельсовет входили поселения с числом жителей: Паратунка — 754; Старая Тарья (рыбозавод ТОФ) — 349; Колхоз имени Сталина — 307; Вилюй — 248; База Жирова — 245; Новая Тарья — 1 543; База Саранная — 117. Всего на территории Паратунского сельского Совета жили 3 563 чел., в том числе 1 514 рабочих и служащих и 369 колхозников.

Село Паратунка располагало семилетней школой, фельдшерским пунктом, избой-читальней, двумя домами отдыха, детским домом, двумя магазинами, пекарней, почтовым отделением связи, сельскохозяйственным колхозом с посевной площадью 63 га и численностью скота 212 голов.

Село Старая Тарья. Здесь находились семилетняя школа, рабочий клуб, магазин, пекарня, фельдшерский пункт, рыбозавод ТОФ.

Колхоз имени Сталина. В поселении были начальная школа, изба-читальня, фельдшерский пункт, магазин, пекарня, рыболовецкий колхоз с планом добычи рыбы 15 500 ц и подсобное хозяйство колхоза с 8 га посевных площадей и скотофермой на 28 голов скота.

Село Вилюй с начальной школой, фельдшерским пунктом, избой-читальней, библиотекой, пекарней, магазином, почтовым отделением связи, рыболовецким колхозом с планом вылова рыбы 9 000 ц, подсобным хозяйством колхоза с посевной площадью 2 га и численностью скота пять голов.

Посёлок Новая Тарья. Жилой фонд оставлял 102 470 кв. м (165 домов). В посёлке имелись семилетняя школа, рабочий клуб, больница на десять коек, амбулатория, детский сад и ясли, почтовое отделение связи, сберегательная касса, электростанция, механическая, пошивочная, бондарная и столярная мастерские, кирпичный завод, два магазина, пекарня, две столовые.

В Новой Тарье размещался Авачинский рыбокомбинат с планом закупки 50 000 ц рыбы. Ему сдавали рыбу четыре рыболовецких колхоза с планом вылова 70 000 ц. Комбинат имел три стационарных рыбозавода с чановым хозяйством ёмкостью

19 125 ц, семь сезонных приёмо-обрабатывающих участков, три икорных цеха, две жиротопки. Флот комбината составляли семь мелких самоходных единиц, три грузовых и два рыбных кунгаса. Имелось подсобное хозяйство с посевной площадью 27 га со 149 головами скота. У рабочих и служащих было 156 голов крупного рогатого скота, 61 свинья и 44 козы. В порядке госпоставок население в 1947 г. сдало 17,46 ц мяса и 133,03 ц молока [15, л. 219—225].

Вместе с тем в Петропавловском районе находились поселения, которые не были объединены в сельские и поселковые Советы. Они размещались от 6-го до 23-го километра дороги Петропавловск-Камчатский — село Елизово, называемой «Елизовское шоссе». Эти поселения стали возникать из-за суровой необходимости в 1930—1940-е гг., когда власти не могли обеспечить местными продуктами сельского хозяйства рабочих и служащих Петропавловска. В этих условиях крупные учреждения и предприятия начали создавать в окрестностях города подсобные хозяйства, где выращивали крупный рогатый скот, свиней, птицу, возделывали картофель и овощи. Подсобные хозяйства были составной частью предприятий и учреждений и числились на их балансе. Полученные продукты шли в производственные столовые и продавались сотрудникам.

В 1948 г. только вдоль Елизовского шоссе имелось 15 таких подсобных хозяйств. Они образовывали поселения, состоявшие из производственных помещений и домов работников с приусадебными участками. На 6-м километре находились подсобные хозяйства комхоза Главкамчатрыбпрома (жили 646 чел.) и Камчатторга (49 чел.); на 9-м километре — Морлова (46 чел.) и хлебокомбината (19 чел.); на 12-м километре — Моховского рыбкоопа (38 чел.), МВД (36 чел.) и погранотряда (187 чел.); на 14-м километре — треста «Камчатрыбстрой» (183 чел.) и порта Главкамчатрыбпрома (502 чел.); на 16—17-м километрах — типографии газеты «Камчатская правда» (19 чел.), Петропавловской жестянобаночной фабрики (51 чел.) и КЭЧ (17 чел.); на 20—23-м километрах — горрыбкооп (203 чел.), флота Главкамчатрыбпрома (140 чел.) и Камчатторга (71 чел.) [15, л. 219—225].

Эти поселения не имели официальных названий. В документах их именовали подсобными хозяйствами предприятий, а чаще — по километрам шоссе, соответствовавшим месту их расположения: 6-й километр, 9-й километр, 12-й километр, 14-й километр, 16-й километр и 20-й километр. Перечисленные «километры» долгое время были неофициальными названиями поселений подсобных хозяйств. В них имелись три начальные школы и восемь магазинов. Официальные названия поселения «на километрах» получили в 1952 и 1959 г., будучи в составе Елизовского района Камчатской области. Подсобные хозяйства предприятий и организаций Петропавловска в 1950—1960-е гг. стали базой для создания крупных овощеводческих, свиноводческих и звероводческих совхозов.

Не входили в состав ни поселковых, ни сельсоветов военные городки, расположенные на территории Петропавловского района. О них почти не упоминалось в официальных документах. В послевоенные годы эти безымянные поселения стали обретать названия. Так, на юго-восточной и восточной окраине Петропавловска-Камчатского появились посёлки Озёрный, Завойко, Тундровый, Долиновка, Чапаевка, Нагорный и Радыгина. На юго-западном побережье Авачинской губы возникли Богатырёвка, Ягодная, Станицкого, Казак, Артишек, Лахтактный, Сельдевая (сейчас на территории части из этих поселений расположен город Вилучинск). Многие военные городки так и не получили названий.

В связи с ростом города Петропавловска-Камчатского, усложнением управляемости района и повышением роли города как областного центра, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 ноября 1949 г. из Петропавловского района был образован Елизовский район с центром в селе Елизово [16, с. 99].

Камчатский облисполком решением № 397 от 24 декабря 1949 г. обязал Петропавловский горисполком передать Елизовскому райисполкому Елизовский, Халактырский, Николаевский, Паратунский, Авачинский, Начикинский, Малкинский и Жупановский сельсоветы, а также сельскохозяйственный, культпросветработы и дорожный отделы; сеть учреждений и делопроизводство отделов исполкома:

здравоохранения, народного образования, финансового, торгового, социального обеспечения, плановой комиссии, относящихся к территории Елизовского района; мебель, оборудование и инвентарь; также сотрудников горисполкома согласно списку [17, л. 5].

История Петропавловского района завершилась, началась история Елизовского...

ИСТОЧНИКИ

1. Петропавловск-Камчатский, 1740—1990: история города в документах и воспоминаниях. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 235, 250, 265.
2. Ильина В. А. Об изменениях в численности и национальном составе населения Камчатской области в 1926—1939 гг. // Веков связующая нить: материалы XXII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 64.
3. Витер И. Хроника строительства Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — С. 58.
4. Материалы по статистике Камчатской губернии: приложение к стат. сборнику № 14—15. — Хабаровск, 1925. — С. 4.
5. Энциклопедический словарь. Россия // Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Л., 1991. — С. 163, 213.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1. — М., 1978. — С. 234.
7. За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 1957.
8. ГАКК, ф. 80, оп. 1, д. 1, л. 55.
9. За власть Советов (из истории борьбы за установление советской власти в Камчатской области) 1920—1922 гг. Документы и материалы. — Владивосток, 1967.
10. Пирагис А. П. От нагана до компьютера. История камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005 — С. 46.
11. ГАКК, ф. 29, оп. 1, д. 6, л. 40.
12. Там же, ф. 19, оп. 1, д. 188, л. 6—9.
13. Барканова Л. А. Военные лётчики Камчатки во Второй мировой войне // Горькая правда огненных лет: материалы XVII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — С. 5.
14. Акшинский В. Курильский десант: документальная повесть. — Изд. 2-е, доп. — Петропавловск-Камчатский, 1995. — С. 8, 18, 39.
15. ГАКК, ф. 88, оп. 1, д. 109, л. 142—144, 219—225.
16. Камчатка XVII—XX вв.: историко-географический атлас. — М., 1997. — С. 99.
17. ГАКК, ф. 88, оп. 1, д. 169, л. 5.

А. Ф. ПАСЕЧНИК

ФОРМИРОВАНИЕ МИЛИЦИИ НА КАМЧАТКЕ В 1922—1930 гг.

С окончанием гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке существование самостоятельной Дальневосточной республики (ДВР) для Российской Советской Социалистической Федеративной Республики (РСФСР) перестало быть актуальным, так как это «буферное» государство полностью выполнило свои задачи (ославление интервенции против РСФСР, предотвращение конфликта с Японией и преодоление экономической блокады). Правительство ДВР 14 ноября 1922 г. сложило свои полномочия и передало власть Народному собранию ДВР, которое упразднило республику и обратилось к правительству РСФСР с просьбой включить Дальний Восток в её состав. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) 15 ноября 1922 г. включил Дальний Восток в состав РСФСР как административную единицу — Дальневосточную область (ДВО). В состав ДВО вошли: Прибайкальская, Забайкальская, Приамурская, Амурская, Приморская и Камчатская губернии, а также полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и Северный Сахалин.

Высшим органом власти в ДВО стал Дальневосточный революционный комитет (Дальревком). На территории ДВО была введена в действие Конституция РСФСР 1918 г. со всеми последующими изменениями и дополнениями к ней. Одним из важнейших изменений стало преобразование министерства внутренних дел бывшей ДВР

в отдел управления Дальревкома. В состав отдела управления вошли следующие подотделы: управления делами с канцелярией и финансово-хозяйственной частью; административный (с отделениями административным, иностранным и ЗАГС); рабоче-крестьянской инспекции, милиции и уголовного розыска; мест заключения; коммунального хозяйства; туземных племён [1, л. 89об.].

Управление милиции ДВР в декабре 1922 г. разработало «Положение о Рабоче-Крестьянской Милиции Дальнего Востока» [2, л. 328]. В соответствии с положением дальневосточная милиция состояла в ведении отдела управления Дальревкома. Руководил её деятельностью начальник Рабоче-Крестьянской Милиции ДВО, назначаемый Дальревкомом (по представлению отдела управления Дальревкома) и утверждаемый народным комиссаром внутренних дел РСФСР. Установление организационных форм, штатной численности и структурных звеньев, а также общее руководство милицией Дальнего Востока входило в компетенцию начальника милиции РСФСР.

В то время, когда на территории ДВО активно шла советизация, значительная часть территории Северо-Востока России продолжала оставаться под контролем белогвардейских отрядов. В результате процесс организации органов советской власти, в том числе и Рабоче-Крестьянской Милиции, на Камчатке значительно отставал от остальной территории Дальнего Востока. Например, в 1922 — начале 1923 г. в районе г. Охотска насчитывалось более сотни бочкаревых (офицерская сотня казачьего полковника В. И. Бочкарёва) и несколько десятков пепеляевцев под командованием капитана К. П. Грундульса, а также отряд в 150 человек сторонников А. И. Сентяпова и И. Яныгина (из местного зажиточного населения). На Северо-Востоке Якутии была сосредоточена основная часть отрядов генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева (отряды Шулепова, Канина, Деревянова и другие) [4, с. 594—595]. Отряды полковника В. И. Бочкарёва продолжали действовать в Гижиге и Наяхане, а также в районе бухты барона Корфа, в сёлах Оле, Среднеколымске и других [5, л. 34]. Кроме того, в районе Аяна сконцентрировались остатки отряда генерала Ракитина. На данных территориях белогвардейцы занимались грабежом местного населения и продолжали собирать ясак. В результате у них сосредоточились значительные средства (в основном пушнина и золото). Например, летом 1922 г. В. И. Бочкарёв с помощью крупного американского коммерсанта О. Свенсона переправил в США пушнины на 200 тыс. руб. [6, с. 148]. Осенью 1922 г. общая сумма имущества, находящегося в обозах Бочкарёва, составила 1,5 млн руб. золотом [6, с. 148].

В конце 1922 — начале 1923 г. В. И. Бочкарёв предпринял попытку выйти к побережью Берингова пролива и уйти в США с захваченными народными ценностями. Для того чтобы не допустить продвижения был создан Анадырский ревком, а также три заградительных отряда: Анадырский, Марковский и Дежневский [6, с. 150]. Камчатский губревком 5 января 1923 г. назначил уполномоченного по управлению Анадырским уездом и Чукотским полуостровом. Им стал Ф. И. Караев, принадлежавший к известной купеческой династии Караевых [4, с. 595—596]. Кроме того, Караев являлся конкурентом Свенсона и достаточно лояльно относился к советской власти. Уполномоченному вменялось в обязанность «под страхом смертной казни приступить к организации в Анадырском уезде и Чукотском полуострове надёжной охраны мирного населения и принять решительные меры к охране ценностей и задержанию белобандитов, бежавших с награбленной пушниной из Колымского края, которые намереваются пройти через Берингов пролив в Америку» [7, с. 141].

Свою деятельность Ф. И. Караев начал с формирования отряда милиции. Её ядро составили бывшие красноармейцы, а также опытные охотники из местного населения [6, с. 150]. Интересным фактом является то, что ввиду отсутствия советской печати уполномоченным использовалась гербовая печать бывшего Анадырского полицейского управления [8, л. 1].

В соответствии с приказами уполномоченного по управлению Анадырским и Чукотским уездом № 3 от 8 января 1923 г. и № 15 от 29 января 1923 г. на службу в милицию Ново-Мариинска были приняты первые сотрудники. Ими стали Петр Захаров, Шафик Сабинов, Афанасий Хагатов, Василий Дзабаев, Давид Абагаев, Алексей Табасеев, Георгий Халаев, Николай Киржацкий, Николай Фатвеев, Михаил Иванцов и Александр

Карпов-Татаринев [8, л. 1]. Старшим милиционером назначен Василий Дзабаев. Ему следовало: «вести наряды милиции по охране революционного порядка, жизни и имущества населения и общественного спокойствия на посту Ново-Мариинск»; проверять милицейские посты и налагать дисциплинарные наказания на недобросовестных сотрудников; проводить дознания «о нарушениях законов, порядка и общественного спокойствия» и предоставлять их на окончательное рассмотрение [8, л. 12—13].

С работниками милиции в обязательном порядке проводились занятия по делопроизводству. Для этой цели приказом уполномоченного устанавливались определённые присутственные дни. Характерно, что никто из сотрудников милиции не имел права уклониться от канцелярских занятий, а также требовать сверхурочной заработной платы за работу. Основанием для данного запрета служило то, что «служба проходила в особенных условиях отдалённости на Дальнем Севере, и что остатки белобандитов ещё не были ликвидированы в верховьях Камчатского материка» [8, л. 12—13].

Сотрудники новомариинской милиции обеспечивались общежитием, а также питанием «от народной казны в столовой при управлении». В соответствии с приказом уполномоченного по управлению Анадырским и Чукотским уездом № 20 от 10 февраля 1923 г. им устанавливался порядок приёма пищи. Так, завтрак (кофе и закуска) начинался в половине восьмого утра, обед — в двенадцать часов дня, вечерний чай — в четыре часа дня и горячий ужин — в семь часов вечера. К назначенному времени повара должны были приготовить «завтрак, обед, чай и ужин без малейших опозданий», а служащие управления и отряда милиции обязаны были «быть за столом без всяких опозданий».

В феврале 1923 г. в связи с активизацией групп белых в районе Охотска, Гижиге и на юге Чукотки Камчатская губерния была объявлена находящейся на военном положении, и милицейские отряды стали формироваться по принципу регулярных частей Красной Армии. В соответствии с приказом уполномоченного по управлению Анадырским и Чукотским уездом № 22 от 12 февраля 1923 г. отряд милиции переименовывался в отряд особого назначения Красной Армии, а сотрудники милиции — в красноармейцев [8, л. 12—13]. Они продолжили выполнение прежних милицейских обязанностей, но условия службы изменились. Никто из красноармейцев (милиционеров) не имел право по собственному желанию уволиться со службы, это считалось дезертирством. Общее руководство Анадырским отрядом особого назначения Красной Армии осуществлял уполномоченный Ф. И. Караев. Начальником отряда был назначен старший милиционер В. Дзабаев, которому «присваиваются права начальника охраны и административно-милицейской части поста Ново-Мариинск» [8, л. 11—12].

На основании приказа № 64 от марта 1923 г. уполномоченного Камчатского губернского по управлению Анадырским и Чукотским уездом штат сотрудников правопорядка распределён следующим образом: начальник охраны и милиции в посту Ново-Мариинске, пять милиционеров в селах Марково, Устье-Белом, Уэлене, в бухте Креста и на мысе Дежнёва [8, л. 13].

В марте-апреле 1923 г. в результате успешных действий марковского и дежнёвского отряда было сорвано наступление на Гижигу отряда В. И. Бочкарёва, а летом 1923 г. завершилась ликвидация белых формирований на Чукотке. В результате необходимость иметь специализированные милицейские подразделения отпала, и «караевская» милиция была расформирована [6, л. 151]. Таким образом, формирование милицейской структуры на Камчатке шло по мере освобождения территории губернии от белогвардейских отрядов, которое завершилось в середине 1923 г.

Освобождение территории Северо-Востока России совпало с открытием навигации, что дало возможность начать организацию милицейской структуры на местах. В Петропавловске-на-Камчатке формирование органов советской власти началось после занятия города партизанскими отрядами 10 ноября 1922 г. [9, с. 36] и образования комендантского управления из 36 чел., которое выполняло и милицейские функции. Комендантом Петропавловска был назначен бывший начальник народной охраны и активный участник партизанского движения на Камчатке Н. П. Фролов, его помощником — В. С. Ревенко, а делопроизводителем — А. В. Глухарёв [10, с. 41].

Необходимость создания комендантского управления диктовалась отсутствием каких-либо вооружённых соединений на Камчатке.

В первом приказе коменданта Петропавловск от 10 ноября 1922 г. извещалось, что «нарушители законов будут преследоваться по всем строгостям революционного времени» [11, с. 1]. Приказ категорически запрещал торговлю спиртными напитками, самогоном, корейской водкой «сули» и другими опьяняющими средствами, а также появление в нетрезвом виде в общественных местах. Населению в обязательном порядке было необходимо сдать огнестрельное оружие «за исключением дробовых ружей». Вместе с тем, особо подчеркивалось, что «никакие самочинные аресты и выемки проводиться не должны, на каждый арест и выемку требовать предъявления ордера, подписанного комендантом» [11, с. 1].

Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) на заседании 16 ноября 1922 г. рассмотрело вопрос об организации советской власти на Северо-Востоке России и решило направить на Камчатку экспедиционный отряд Красной Армии с целью окончательного освобождения территории от белых отрядов [4, с. 593]. Дальбюро утвердило состав Камчатского губревкома: председатель М. И. Савченко, члены М. П. Вольский, М. П. Щербаков, В. Д. Богомолов, В. М. Кручина, секретарь П. Ларичев [12, с. 128].

На основании решения Дальбюро ЦК главнокомандующий 5-й армии (бывшей Народно-Революционной Армии ДВР) И. Н. Уборевич 22 ноября 1922 г. издал приказ о формировании Камчатского экспедиционного отряда из трёхсот красноармейцев. Командиром экспедиции «войск Охотско-Камчатского края» назначили бывшего командующего партизанскими отрядами Приморья Михаила Петровича Вольского [4, с. 593]. В Петропавловск экспедиционный отряд прибыл 30 декабря 1922 г., и комендантское управление было расформировано [13, с. 121].

Началом формирования советской милиции на Северо-Востоке России стало постановление Камчатского губревкома от 1 января 1923 г. Начальником городской милиции Петропавловска назначался бывший начальник народной охраны Н. П. Фролов, которому и было поручено разработать первоначальные штаты сотрудников милиции для Петропавловского уезда.

Первым нормативным правовым актом, определившим основы организации советской милиции, стало «Временное положение о милиции», утверждённое губревкомом 14 февраля 1923 г. Так как пока под контролем советской власти реально находился лишь Петропавловский уезд, фактическое функционирование органов милиции сводилось к уездному масштабу. Это позволило объединить управления губернской и городской милиции, а также выделить «для милицейского обслуживания» Усть-Камчатский, Усть-Большереецкий, Тигильский и Петропавловский участки. Штат сотрудников камчатской губернской и городской милиции составлял 33 чел. [17, л. 44]. В это время в милиции продолжили служить бывшие участники партизанского движения на Камчатке: С. М. Докало, Г. Трухин, А. С. Пузырёв, К. А. Куксенко, А. Т. Коробко, П. И. Юшин, А. В. Глухарёв, С. Старцев, Н. А. Мандебуро, В. Кутьин и другие. В январе 1923 г. были назначены начальники большереецкой и устькамчатской участковых милиций Камчатской губернии. Так, 15 января 1923 г. большереецкую милицию возглавил Семён Михайлович Докало, а устькамчатскую — Борис Борисович Качуров [10, с. 42].

С целью поднятия авторитета милиции и укрепления её кадрового состава, ВЦИК РСФСР 22 ноября 1922 г. принял декрет «О пересмотре и доукомплектовании личного состава милиции» [14, с. 982]. На его основании Камчатский губисполком в июне 1923 г. решил доукомплектовать личный состав милиции. Для этого сформировали специальную комиссию в составе губернского прокурора В. Ц. Пересвет-Солтана, начальника губернского ГПУ М. В. Кунцевича и представителя профсоюза Аврелина [10, с. 44].

10 июня 1923 г. перед комиссией предстали девять действующих сотрудников Петропавловской милиции и десять вновь принимаемых. Списки кандидатов были опубликованы в местной газете, и населению предоставлялась возможность высказывать своё мнение о каждом кандидате (о степени его пролетарского самосознания, уровне милицейской подготовки, моральных качествах и прочем).

Штатное расписание сотрудников милиции Камчатской губернии было разработано губревкомом 13 июня 1923 г. До 1 октября 1923 г. должен был укомплектован следующий штат сотрудников [17, л. 107]:

Петропавловский уезд: управление Петропавловской городской милиции — 2, городская милиция — 10, Усть-Камчатская волостная милиция — 9; Усть-Большереецкая волостная милиция — 5, Тигильская волостная милиция — 3 чел.;

Гижигинский уезд: 4 чел.;

Охотский уезд: 9 чел.;

Анадырский уезд: 3 чел.;

Чукотский уезд: 3 чел.

Командорский уезд штата милиции не имел из-за «малочисленности населения и существовании на островах промыслового надзора». Выполнение милицейских функций здесь возлагалось на административный аппарат, то есть на уполномоченного и сельские комитеты.

С июля 1923 г. началась организация Рабоче-Крестьянской Милиции (РКМ) на Чукотке. РКМ стала первым исполнительным органом власти на самой отдалённой окраине Северо-Востока России. Надзиратель РКМ А. Т. Коробко докладывал начальнику губернской милиции в сентябре 1923 г.: «Прибыл в село Уэлен, где и приступил к исполнению милицейских обязанностей. Для сведения сообщаю, что нахождение по одному милицейскому пункту в бухте Провидения — один, и Уэлене, крайне мало... для регистрации пушнины и для борьбы с иностранными шхунами, незаконно занимающимися промыслом в водах Чукотки...» [15, л. 114]. Основными задачами милиции в данном районе стали: охрана общественного порядка, регистрация оружия и боеприпасов, таможенный контроль и запись актов гражданского состояния. В декабре 1923 г. численность сотрудников РКМ Чукотского уезда составляла четыре штатные единицы.

Таким образом, к 1 октября 1923 г. штат камчатских милиционеров насчитывал 48 сотрудников. Учитывая, что на каждого из них приходилось по 23 821 квадратных версты территории, Камчатский губревком решил увеличить штат на 12 единиц [16, л. 22].

Если в 1923 г. происходит объединение уездов в единую административно-территориальную структуру, то в 1924 г. формируется аппарат управления на территории Северо-Востока России. Высшим органом власти в Камчатской губернии является губревком, находящийся в непосредственном подчинении Дальревкома (ДРК) [17, л. 3]. Камчатский губревком образован постановлением ДРК от 18 ноября 1923 г. [5, л. 34об.]. Губерния разделена на пять административно-территориальных единиц (уездов), управляющих уездными ревкомом: Анадырский, Чукотский, Гижигинский, Петропавловский, Охотский. Ранее существовавший Командорский уезд как административная единица был упразднён, а надзор за островами передан Дальрыбохоте. Во второй половине 1923 г. в Камчатской губернии было проведено волостное деление, в результате которого Петропавловский уезд разделён на восемь волостей, в состав которых вошли 87 селений, имеющих 76 сельревкомов. Охотский уезд разделён на две волости, остальные уезды волостного деления не имели. Петропавловский уезд управлялся непосредственно губотуправлением.

Таким образом, административное управление осуществлялось по системе революционных комитетов: *губернский — губотуправление — уездный — уполгубревкома — волостной (14) — сельский* [17, л. 106об.—107].

В 1924 г. на Камчатке прошла реорганизация волостного аппарата милиции. Районные милиции ликвидировались, что позволило значительно сократить штаты вспомогательного состава и сэкономить денежные средства. Согласно приказу отдела управления ДРК от 20 марта 1924 г. упразднены участковые милиции Петропавловского уезда. С марта 1924 г. Усть-Большереецкое, Тигильское, Усть-Камчатское и Карагинское районные управления милиции были расформированы. Вместо них стали действовать 16 волостных управлений.

В итоге в 1924 г. была сформирована следующая структура милицейских органов на Северо-Востоке России: *волостные — участковые — уездные — губернского-городская*.

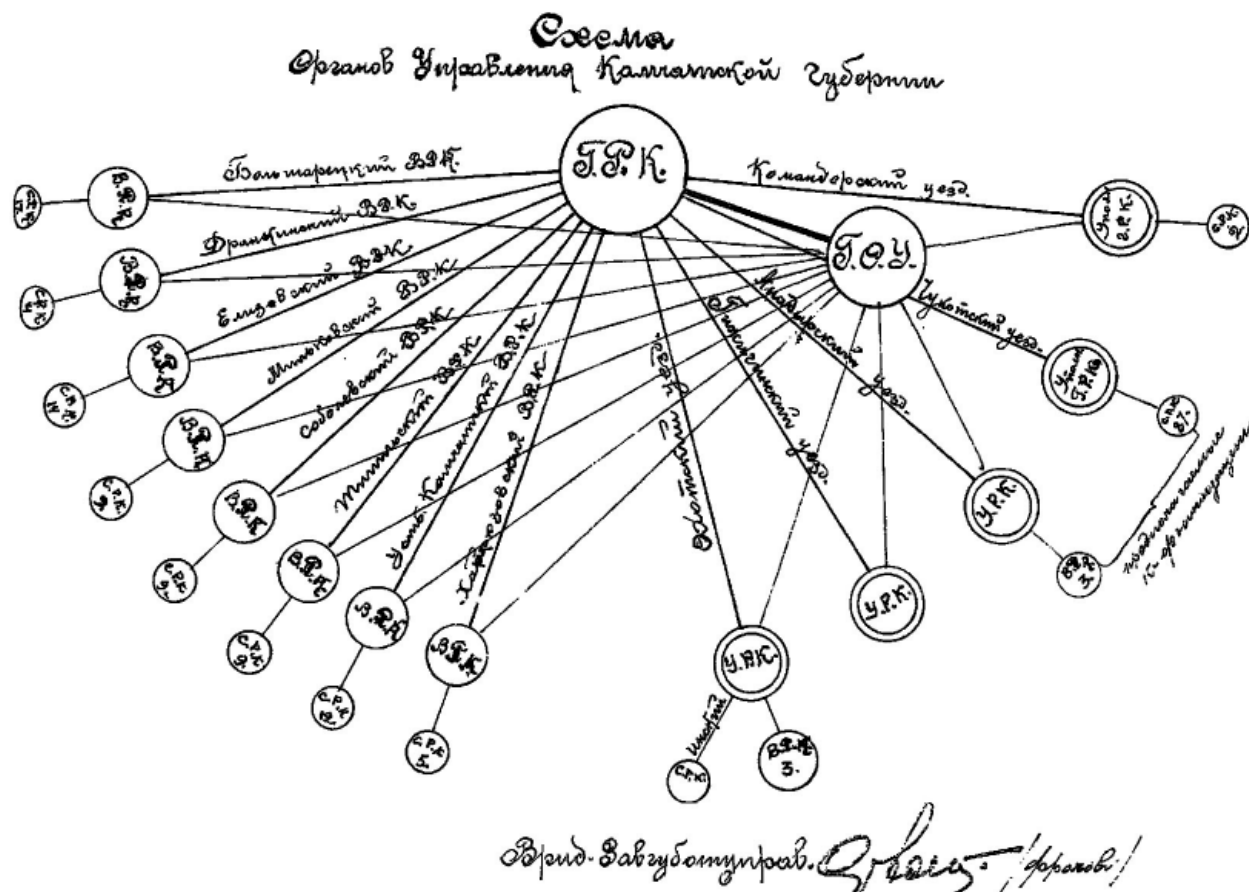

Схема органов управления Камчатской губернии, подписанная Н. П. Фроловым
(ГАКК, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 61)

В первой половине 1924 г. на службу в милицию принято двадцать пять сотрудников. Кроме того, в Охотской уездной милиции, сверх штатного расписания, один милиционер состоял на службе за счёт средств горного управления [17, л. 95].

Динамика приёма на службу новых сотрудников по данным [ГАРФ, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 92—94] отражена ниже:

Петропавловская губернского-городская милиция. М. С. Бождай принят 15 февраля 1924 г., младший милиционер; И. Шишкин принят 1 апреля 1924 г., младший милиционер (с возложением обязанностей елизовского волостного милиционера); Е. П. Мильский принят 16 мая 1924 г., младший милиционер; М. Копылов принят 23 мая 1924 г., младший милиционер; В. А. Рудометов принят 1 июня 1924 г., младший милиционер.

Тигильская милиция. И. Т. Сычёв принят 1 мая 1924 г., младший милиционер.

Дранкинская милиция. Н. И. Миронов принят 15 июня 1924 г., начальник участка; Ф. П. Алаев принят 15 февраля 1924 г., младший милиционер; П. А. Березин принят 15 июня 1924 г., младший милиционер; Федотов принят 15 июня 1924 г., младший милиционер.

Усть-Камчатская милиция. Тимофеев принят 5 мая 1924 г., начальник участка, командирован Приморским управлением губгормилиции; Ф. В. Шелудченков принят 4 июня 1924 г., младший милиционер; Соломатин принят 4 июня 1924 г., младший милиционер; И. З. Лисиенок принят 4 июня 1924 г., младший милиционер.

Гижигинская уездная милиция. М. П. Алейников, младший милиционер; П. П. Алексеев, младший милиционер; И. Г. Пенкин, младший милиционер; И. Н. Шулимов, младший милиционер.

Охотская уездная милиция. Ф. В. Иголкин, младший милиционер.

Не менее динамичным был и процесс увольнения. По данным отчёта о деятельности Камчатской РКМ с 1 января по 30 июня 1924 г., из органов милиции по разным основаниям были уволены 13 сотрудников. Из Петропавловской городской милиции: старший милиционер А. И. Дьячков (с 1 марта 1924 г.) — за несоответствие

занимаемой должности и халатное отношение к несению наружной службы; младшие милиционеры Мишарин, Петров и Малинин (с 15 апреля 1924 г.) — по собственному желанию, младший милиционер И. Шишкин (с 1 июня 1924 г.) — в связи с переходом на службу в Елизовский волревком. По собственному желанию уволились начальник Усть-Камчатской участковой милиции Я. М. Созутов (с 1 апреля 1924 г.), младший милиционер Дранкинской участковой милиции И. Н. Дроздов (с 15 апреля 1924 г.) и старший милиционер Командорской милиции Г. П. Амосов (с 1 июня 1924 г.).

По сокращению штатов из Усть-Камчатской участковой милиции с 1 февраля 1924 г. ушли старший милиционер И. П. Купцов, младший милиционер И. З. Лисиенок и делопроизводитель П. Т. Степанов. Из списка сотрудников Петропавловской городской милиции с 24 января 1924 года исключён случайно застрелившийся из револьвера младший милиционер Сенченко.

В начале 1924 г. семь сотрудников Анадырской и Чукотской уездных милиций направили в Камчатское губернское управление милиции телеграммы с просьбой о переводе либо увольнении со службы. Таким образом, возникла проблема срочной замены в Анадырской милиции начальника, одного старшего и двух младших милиционеров, а в Чукотской милиции — одного старшего и двух младших милиционеров.

В июне 1924 г. начальник Камчатской губернской милиции сообщил в губотдел управления и губбюро РКП(б) о том, что административно милицейский аппарат в Камчатской губернии сформирован «за исключением Гижигинской уездной, Дранкинской волостной и Командорской милиции». Для окончательной организации милицейских органов требовалось направление в вышеуказанные районы сотрудников в следующем количестве: в Гижигинскую уездную милицию — начальника, одного старшего и двух младших милиционеров; в Дранкинскую участковую милицию — начальника милицейского участка и двух младших милиционеров; в Командорскую милицию — одного старшего милиционера.

При формировании участковых милиций серьёзной проблемой являлось отсутствие сухопутного сообщения между волостями и губернским центром, а также короткий период навигации. В июне 1924 г. в Петропавловске была сформирована Дранкинская участковая милиция в составе начальника участка и двух младших милиционеров. Но на посыльном судне «Красный вымпел», на котором предполагалось их доставить, отсутствовали свободные места. В результате личный состав Дранкинской милиции до следующей навигации был прикомандирован к Петропавловской городской милиции [17, л. 93—94].

В 1924 г. был увеличен штат Охотской уездной милиции. Это дало возможность распределить сотрудников по уезду следующим образом: г. Охотск — начальник милиции, делопроизводитель, два старших и два младших милиционера; в сёлах Оле, Ямске, Аяне и Устье Белое — по одному младшему милиционеру. Два милиционера несли службу на охотских золотых приисках [17, л. 104об.]. Однако в июне 1924 г. начальнику Охотской милиции Лихоносу было предъявлено обвинение по ст. 90 УК РСФСР 1922 г. (заведомо ложное сообщение в письменном заявлении государственному учреждению или должностному лицу о деятельности государственных учреждений или должностных лиц). По распоряжению народного следователя его отстранили от должности и арестовали. Исполнение обязанностей начальника Охотской милиции было возложено на делопроизводителя Пурий, не обладавшего качествами руководителя. В отчёте о деятельности губернской милиции за 1924 г. сложившаяся ситуация комментируется следующим образом: «За отсутствием соответствующего сотрудника, способного заменить арестованного начальника уездной милиции, аппарат милиции был разрушен, а работоспособность его резко пала» [16, л. 57]. Когда суд прекратил дело в отношении Лихоноса, и тот приступил к исполнению своих обязанностей, то работу по восстановлении милицейского аппарата в Охотском уезде пришлось начинать практически заново.

В результате проведённых организационных мероприятий в штате сотрудников милиции Камчатской губернии в 1923—1924 гг. произошли следующие изменения (табл. 1, [ГАРФ, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 44об.]):

Таблица 1

Должности	Штат на 01.10.1923	Наличие на 01.10.1923	Прибыло	Убыло	Наличие на 01.10.1924	Штат на 01.10.1924
Начгубгормилиции	1	1	—	—	1	1
Помначгубгормилиции	—	—	1	—	1	1
Начуездмилиции	4	3	3	3	3	3
Начучмилиции	4	3	5	4	4	4
Секретарь	—	—	2	—	2	2
Делопроизводитель	5	4	2	4	2	3
Старший милиционер	9	9	7	10	6	9
Младший милиционер	25	25	35	23	37	39
Итого:	48	45	55	44	56	62

Таким образом, на территории Камчатской губернии в 1924 г. была окончательно образована милицейская структура, а также увеличен (по сравнению с 1923 г.) её численный состав. На основании циркуляра заведующего губернским административным отделом от 23 декабря 1924 г. местные органы власти должны были ежеквартально (к 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября) предоставлять в губернский административный отдел полные сведения о составе работников милиции [18, л. 23].

В соответствии с установленной формой отчёта они разделялись на категории ответственных работников и технических служащих. К категории ответственных относились начальники и помощники начальников губернских и уездных милиций, начальники отделений милиции и заведующие ЗАГС. Категорию технических работников составляли старшие и младшие милиционеры, машинисты-делопроизводители и секретари [18, л. 25]. Несмотря на увеличение штата сотрудников, камчатская милиция оставалась самой малочисленной на Дальнем Востоке.

В начале 1925 г. структура камчатского административного отдела была окончательно сформирована. Губернский административный отдел, организованный 8 января 1925 г., состоял из трёх подотделов: общего (с канцелярией, финансово-материальной частью, бюро ЗАГС и отделением по регистрации иностранцев); милиции, уголовного розыска и мест заключения; счетно-бухгалтерского [19, л. 36].

В обязанности губернского административного отдела входили: руководство милицией, организация и контроль оперативно-розыскной деятельности, кадровая работа, издание приказов и служебных распоряжений, составление смет и предоставление отчётов, материальное и вещевое обеспечение сотрудников и прочее.

Начальник губернского административного отдела, который одновременно являлся и начальником губернской милиции, назначался губисполкомом и входил в состав коллегии губернского отдела управления. Об отстранении начальника милиции немедленно ставился в известность НКВД. Особенностью органов охраны правопорядка Камчатки в данный период времени являлось то, что уголовный розыск не был выделен в отдельную структуру.

С целью усиления борьбы с преступностью НКВД РСФСР 5 октября 1918 г. издаёт «Положение об организации отдела уголовного розыска» [20, с. 8—9]. Подразделения уголовного розыска создавались в городах с населением не менее 40—50 тыс. чел. «для охраны революционного порядка путём негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». Органы уголовного розыска рассматривались в «Положении» как часть единого аппарата советской милиции. При губернских и городских управлениях милиции создавались отделения уголовного розыска.

На Северо-Востоке России подразделений уголовного розыска образовано не было. В 1924—1930 гг. оперативно-розыскная деятельность в Петропавловске осуществлялась городской милицией. В Петропавловском уезде расследование преступлений и розыск преступников возлагалось: в сёлах Мильково, Елизово, Тигиле, Хайрюзово, Соболево — на волостную; в Усть-Большерецке и Усть-Камчатске — на участковую милиции. В Охотском, Анадырском, Гижигинском и Чукотском уездах оперативно-розыскные мероприятия выполняли уездные милиции [21, л. 23].

В ответе Камчатского окружного комитета административному отделу ДРК от 6 декабря 1926 г. сообщается, что размер и характер уголовной преступности не требует

введения личного состава особой квалификации и «аппарат уголовного розыска окружному административному отделу не нужен» [22, л. 6].

Начальник подотдела милиции Г. Н. Могилевский 27 августа 1926 г. докладывал в Далькрайисполком, что сильного развития преступности на территории округа не было, а обязанности по раскрытию преступлений выполняли наиболее подготовленные сотрудники, для которых «данная работа не являлась особо тяжёлым бременем» [22, л. 8].

В соответствии с приказом начальника Камчатского окружного административного отдела (ОАО) № 7/СС от 10 ноября 1926 г. выполнение оперативно-розыскных функций полностью возлагалось на старших милиционеров, которые должны были «по прямой своей обязанности вести работу по оперативной деятельности». Отсутствие уголовно-розыскных органов серьёзно отражалось на проведении учёта и регистрации преступников, которые оставались совершенно не учтёнными. В донесении также указывается, что в губернии «дактилоскопии не ведётся, специальных работников этого дела нет, нет также и приборов для дактилоскопии» [21, л. 18]. Краевой административный отдел предлагает организовать при ОАО регистрационное бюро «в составе одного человека для производства учёта, дактилоскопирования и механического розыска преступников» [22, л. 6].

С целью учёта и регистрации криминального элемента на территории Камчатского округа Дальневосточный краевой административный отдел предписанием № 15/1 от 15 января 1926 г. предложил ОАО организовать подотдел уголовного розыска со штатом в шесть человек [22, л. 8], но данное предписание не было выполнено. Камчатский ОАО не имел для этого достаточных денежных средств. В смету был включён лишь один сотрудник, который «должен поставить дело по учёту преступников, организовав во всех районных милициях столы привода, а также инструктирования их по вопросам обнаружения преступлений» [22, л. 8об.].

Важной функцией милиции в это время являлось наблюдение за подсудимыми и заключёнными под стражу. В 1924—1926 гг. на территории Северо-Востока России имелось два дома предварительного заключения в городах Петропавловске и Охотске. Однако постоянный штат (в количестве трёх сотрудников) был предусмотрен только для Петропавловского исправительно-трудового дома (ИТД). Личный состав ИТД формально числился в Командорской милиции на должностях младших милиционеров, но был прикомандирован к городской милиции для несения службы в доме предварительного заключения (смотритель и два надзирателя). Дом предварительного заключения в Охотске, а также арестные помещения в Анадыре, Усть-Камчатске и Ключах не имели специального штата и «обслуживались» сотрудниками милиции [19, л. 41].

Движение арестованных в Петропавловске и Охотске с 1 января по 1 октября 1924 г. представлено в табл. 2 [ГАРФ, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 51—51об.].

Таблица 2

	Количество на 01.01.1924	Прибыло	Убыло	Количество на 01.01.1924	Израсходовано, руб.
Петропавловск	—	57	51	6	1 476,98
Охотск	5	24	21	8	1 200

Интересно, что особое внимание уделялось культурно-просветительной работе с подсудимыми. Так, в 1924 г. губернский административный отдел достиг соглашения с губернской библиотекой о предоставлении арестованным книг для чтения. Кроме того, специально для дома предварительного заключения выписывался один экземпляр местной газеты «Полярная звезда» [19, л. 41].

В 1926 г., после проведённой административно-территориальной реорганизации Северо-Востока, в Камчатском округе существовал один дом предварительного заключения, находившийся в восьми километрах от Петропавловска в бухте Раковой. Охраняли осуждённых три милиционера, прикрепённые для несения службы к ИТД. Петропавловский ИТД не соответствовал даже самым минимальным требованиям: «полная необорудованность, отсутствие специального штата для обслуживания, отсутствие мастерских и прочих учреждений обучения и воспитательной работы среди

осуждённых, отсутствие необходимых средств на заготовку обмундирования, вооружения инвентаря, а также невозможность приурочить внутренний распорядок и режим к исправительно-трудовому кодексу» [22, л. 8об.].

Для приведения ИТД в соответствии с требованиями исправительно-трудового кодекса ОАО 27 августа 1927 г. обратился в крайисполком с обоснованием необходимости ввести специальный штат по обслуживанию ИТД в составе начальника (он же заведующий бюро принудительных работ), счетовода-делопроизводителя, старшего и четырёх младших надзирателей [22, л. 9]. Кроме вышеуказанных должностей предлагалось ввести в штат ИТД заведующего профессиональным обучением либо, «не создавая этой должности, пригласить для руководства ремесленными мастерскими опытного человека» [22, л. 9]. В 1929 г. штат сотрудников Петропавловского ИТД включал начальника, старшего и пять младших надзирателей [22, л. 147]. В 1929—1930 гг. начальником ИТД был Сергей Степанович Мальков, старшим надзирателем — Михаил Васильевич Кравченко, младшими надзирателями — Дионисий Иванович Демченко, Яков Иванович Горопачёв, Семён Алексеевич Пибилов, Эдуард Карлович Эрдман, Петр Трофимович Заварзин [24, л. 1].

В 1930 г. было построено новое здание ИТД, рассчитанное на сорок заключённых, а также увеличена численность сотрудников. Кроме того, ИТД был переведён на самоокупаемость, которая должна была повлиять на укрепление хозяйства, состоявшего из трёх лошадей, трёх собачьих нарт, катера, кунгаса, шаланды и трёх шлюпок [23, л. 183].

В районах Камчатского округа арестные помещения либо отсутствовали, либо «находились в неудовлетворительном состоянии, хотя необходимость... очень большая» [25, л. 148].

Со второй половины 1920-х гг. на Камчатке начинается формирование ведомственной милиции. Основным нормативным актом по её организации явилось постановление Совнаркома от 6 февраля 1924 г. «О ведомственной милиции» [26, с. 58—59]. На его основе НКВД РСФСР 19 января 1925 г. принял «Положение о ведомственной милиции», а в феврале 1925 г. утвердил «Инструкцию о порядке организации ведомственной милиции и её деятельности», определявшие принципы комплектования и основные задачи ведомственной милиции. Циркуляром НКВД РСФСР от 7 сентября 1925 г. на ведомственную милицию была возложена обязанность по охране имущества общественных и частных предприятий в случае, если они приобретали государственное значение. Данная структура входила в состав общегосударственной милиции, подчинялась всем действующим в её отношении законам, приказам, инструкциям, распоряжениям и пользовались всеми правами и преимуществами. Личный состав подвергался дисциплинарной и судебной ответственности на тех же основаниях, что и в общегосударственной милиции. Вместе с тем, в отличие от общегосударственной милиции, «ведмилиция» характеризовалась существенными особенностями: полностью содержалась на средства обслуживаемых ею ведомств и предприятий на договорных началах и разделялась на горно-приисковую, промысловую, ярмарочную, портовую, курортную, речную и другие.

Главными функциями ведомственной милиции являлись обеспечение безопасности людей и сохранность имущества обслуживаемых предприятий. При наличии на предприятиях от 5 до 10 милиционеров утверждалась должность старшего милиционера, от 25 до 30 — одного надзирателя и по старшему милиционеру на каждые десять сотрудников.

На территории Камчатского округа организация ведомственной милиции началась в 1928 г., когда Акционерное Камчатское общество (АКО) установило монополию на торговлю и эксплуатацию природных богатств Охотско-Камчатского края. Рыболовные участки, угольные копи, склады АКО и стали основными объектами деятельности ведомственной милиции Камчатки. На основании постановления Петропавловского горсовета № 1 от 10 февраля 1928 г. ведомственная милиция выделена из состава Петропавловской городской милиции с подчинением её начальнику городской милиции с общим административным и хозяйственным обслуживанием [27, л. 9об.].

Для охраны базисной фактории АКО в Петропавловске 30 июня 1928 г. был сформирован отряд ведомственной милиции в количестве 6 чел., на содержание которых в течение июля-сентября выделены 3 229 руб. 40 коп. [28, л. 406]. В декабре 1928 г. Петропавловское агентство Госбанка заключило договор с Камчатским окружным административным отделом на содержание ведомственной милиции в количестве четырёх сотрудников [28, л. 391об.—392]. Сотрудниками ведомственной милиции Госбанка в 1928—1929 гг. являлись Павел Фуражков, Григорий Слепченко, Сергей Кропочев и Афанасий Бенин [24, л. 1].

В 1929 г. ведомственная милиция была создана на Корфских (старший и два младших милиционера) и Большерецких (старший и четыре младших милиционера) рыбных промыслах АКО и Озерновском рыбоконсервном заводе (старший милиционер) [23, л. 164]. В начале 1930 г. на территории Камчатского округа штат ведомственных милиционеров состоял из 43 чел. [29, л. 75].

Проблемы ведомственной милиции Камчатки отмечались в отчёте административного отдела окрисполкому за 1928—1930 гг. Здесь указывалось, что «комплектование ведомственной милиции осуществляется за счёт сезонников, благодаря чему не исключена возможность проникновения в ряды милиции чуждого элемента. Подготовка ведомственной милиции крайне слабая. Начальник районного административного отделения (один в районе) не в состоянии справиться с подготовкой и с борьбой с преступностью. Плохо обстоит дело со снабжением обмундированием (как ведомственной, так и государственной милиции). Заказы, посылаемые в заготхоз НКВД, не выполняются в течение года» [23, л. 184].

Для содержания ведомственной милиции административный отдел заключал договора с охраняемыми предприятиями и организациями. Оплата труда ведомственных милиционеров не должна была превышать ставки начальника волостной милиции, срок действия договора — до года. Средства предприятия переводили на счета административных отделов. Выдача денежного содержания ведомственным милиционерам учреждениями и предприятиями не допускалась [29, л. 75]. Заработная плата ведомственных милиционеров исчислялась в соответствии с заработной платой работников общегосударственной милиции. В условиях Камчатки это составляло: зарплата младшего милиционера 85, старшего — 95 руб. в месяц, отчисления на соцстрах — 10 % от зарплаты, надбавки на жилстроительство — 0,75 % от зарплаты, отчисления — 1 % от зарплаты [30, л. 330—331].

Снабжение ведомственных милиционеров всеми видами вещевого довольствия и снаряжения осуществлялось по установленным для общегосударственной милиции нормам. Создание ведомственной милиции имело положительное значение для охраны общественного порядка, особенно в удалённых от райцентров районах.

Дальнейшее изменение структуры камчатской милиции связано с изменением административно-территориального деления ДВО. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 4 января 1926 г. ДВО была преобразована в Дальневосточный край (ДВК) в составе девяти округов и 75 районов [9, с. 217—218]. В состав ДВК вошли следующие округа: Владивостокский (14 районов), Хабаровский (5 районов), Николаевский (7 районов), Амурский (11 районов), Зейско-Алданский (4 района), Сректинский, Читинский (14 районов), Сахалинский (4 района), Камчатский (8 районов). Новое районирование способствовало изменениям в системе управления и руководства правоохранительными органами Дальнего Востока. Руководить работой милиции, уголовного розыска, ЗАГС и инспекцией мест заключения стал краевой административный отдел, образованный 6 марта 1926 г.

Одним из итогов районирования стало и новое административно-территориальное деление бывшей Камчатской губернии. В соответствии с постановлением Далькрайисполкома от 1 апреля 1926 г. Камчатская губерния реорганизовывалась в округ, вошедший в состав ДВК. С целью «упрощения и удешевления административного аппарата, более чёткого деления территории на основе тяготения населения к определённым распределительным базам с учётом численности и национального состава населения» Петропавловский, Гижигинский, Анадырский и Чукотский уезды реорганизованы в районы, а бывший Охотский уезд включён в состав Николаевского округа [31, л. 25].

Вновь образованный Камчатский округ разделён на восемь административных районов: Петропавловский, Анадырский, Чукотский, Карагинский, Усть-Камчатский, Большерецкий, Пенжинский и Тигильский. Теперь управление Камчатским округом стало осуществляться по следующей схеме: *окрревком — райревком — сельсовет*. По сравнению с губернской системой управления реорганизация привела к «уменьшению административного аппарата на одну ступень», сокращению его штата и уменьшению расходов на его содержание. В апреле 1926 г. был ликвидирован губернский административный отдел и образован административный отдел Камчатского окружка, который координировал, направлял и контролировал районные административные отделения. Структура административного отдела включала: общий подотдел, подотдел милиции, уголовного розыска и мест заключения, счётно-бухгалтерский отдел и ЗАГС.

В связи с новым административно-территориальным делением Северо-Востока России претерпела изменения и структура РКМ Камчатского округа. Так, Петропавловская, Большерецкая, Тигильская, Усть-Камчатская, Дранкинская волостные, а также Анадырская, Гижигинская и Чукотская уездные милиции реорганизованы в районные. Елизовская, Мильковская, Соболевская, Хайрюзовская, Марковская, Бельская и Аянская волостные милиции упразднены.

На основании постановления Камчатского окружного административного отдела «О слиянии городской и районной милиции РКМ Камчатского округа» № 156 от 5 октября 1926 г. произошло объединение аппаратов Петропавловской городской и районной милиций. Таким образом, вместо ликвидированных уездных и волостных милиций было образовано восемь районных административных отделений (РАО) Камчатского округа, на которые была перенесена вся тяжесть милицейской работы. Состав РАО был представлен начальником, его помощником — старшим милиционером, и одним-двумя младшими милиционерами. С октября 1926 г. в РАО вводится должность делопроизводителя-заведующего ЗАГС. С учётом нового административно-территориального деления окружной административный отдел утверждает следующие штаты сотрудников РАО Камчатского округа на 1927 г. [ГАХК, ф. П-2, оп. 2, д. 41, л. 529—530; Там же, ф. 179, оп. 1, д. 1, л. 32—33; Там же, ф. П-45, оп. 1, д. 161, л. 25—31]:

Петропавловский РАО: начальник, два старших и три младших милиционера. Территория 58 502 кв. км. Административный центр — г. Петропавловск-Камчатский, 24 населённых пункта.

Карагинский РАО: начальник, два старших милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 95 282 кв. км. Административный центр — пос. Тилички, 15 населённых пунктов.

Чукотский РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 195 609 кв. км. Административный центр — с. Уэлен, 82 населённых пункта.

Анадырский РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 288 396 кв. км. Административный центр — пос. Ново-Маринск, 18 населённых пунктов.

Большерецкий РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 48 970 кв. км. Административный центр — пос. Усть-Большерецк, 22 населённых пункта.

Усть-Камчатский РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 67 354 кв. км. Административный центр — пос. Усть-Камчатск, 24 населённых пункта.

Тигильский РАО: начальник, старший милиционер, заведующий столом ЗАГС. Территория 60 293 кв. км. Административный центр — пос. Тигиль, 38 населённых пунктов.

Пенжинский РАО: начальник, старший милиционер, заведующий столом ЗАГС. Территория 153 002 кв. км. Административный центр — с. Каменское, 37 населённых пунктов.

Таким образом, в Камчатском округе планировалось сформировать штат из 36 сотрудников милиции. Тенденция к сокращению штатов РАО сохранялась и в дальнейшем, она была обусловлена проведением государственной политики по сокращению

аппарата и уменьшению расходов на его содержание. В частности, в 1928—1929 гг. были сокращены должности младшего милиционера в Чукотском, Анадырском, Карагинском, Усть-Камчатском и Большерецком РАО; две должности милиционеров в Петропавловском РАО, старшего милиционера в Пенжинском, Тигильском и Большерецком РАО. В Пенжинском районе с 5 ноября 1926 г. был ликвидирован милицкий пост в с. Каменском [32, л. 117]. В 1929—1930 гг. в штате милиции Пенжинского и Чукотского районов состояли только одни начальники [23, л. 148]. В Анадырском РАО (Анадырский район занимал территорию, равную площади Германии) в 1929—1930 гг. на службе состояли только начальник милиции и старший милиционер, которые постоянно находились в Анадыре [23, л. 148].

Начальник Анадырской милиции выполнял работу председателя райисполкома, а старший милиционер «полностью вёл делопроизводство, так как должность технического работника в Анадырском РАО отсутствовала» [23, л. 134]. Таким образом, территория Анадырского района находилась «вне милицейского обслуживания», и работа милиции оценивалась как неудовлетворительная [23, л. 134]. В отчёте о состоянии и деятельности района за январь-июнь 1930 г. указывается, что необходимо «включить в штат ещё двух старших милиционеров в сёлах Марково и Майно-Пальгино» [23, л. 134].

Весьма интересен отчёт о состоянии Петропавловского РАО за 1928—1930 гг. В нём указано, что два старших милиционера обслуживали г. Петропавловск-Камчатский, Камчатский совхоз, тресколовную базу и «строительство за Култучным озером» [23, л. 72, 86, 134].

В областном центре с 1 апреля 1926 г., одновременно с сокращением штата сотрудников, на работников городской милиции возложены функции районной и обязанности охраны ИТД. Штат сотрудников Петропавловской городской милиции составил 11 чел. В результате в 1929—1930 гг. окружной центр в ночное время «милицией не обслуживался, арестные помещения не охранялись за недостаточностью милицейского штата. Сотрудники занимались только производством расследований и оперативной работой». В 1926 г. Камчатский административный отдел предоставил в Дальневосточный крайисполком для утверждения на 1927 г. «самые минимальные штаты сотрудников милиции». Однако их не утвердили, более того, сократили должности одного милиционера на Чукотке, одного в Анадыре, двух в Петропавловске, а также не приняли резерв милиции в количестве 5 чел. При таком сокращении стало невозможно даже «укарауливать» осуждённых [33, л. 147].

В отчёте Большерецкой милиции за второе полугодие 1929 г. особо акцентируется внимание на то, что для устранения недостатков в её деятельности необходимо ввести в штат одного делопроизводителя, срочно укомплектовать должность старшего милиционера, а также увеличить штат на одного младшего милиционера, которому «предоставить резиденцию в селе Соболево» [23, л. 19]. Однако штат увеличен не был. В отчёте о состоянии и деятельности милиции за первое полугодие 1930 г. особо отмечается, что распоряжения административного отдела милицией частично не выполняются из-за неполного штата. Кроме того, райисполком не выполнял делопроизводство районной милиции, а её начальник находился в постоянных командировках по району [23, л. 88].

В Охотском районе на территории от Охотска до Туманова остался один милиционер, находившийся в с. Оле (до реорганизации в уезде было три милиционера в сёлах Оле, Ине и Ямске). В Чукотском районе стало невозможно «обслуживать район одной единицей». Для эффективной работы требовалось дополнительно учредить минимум два милицейских пункта (в с. Рыркарния и Чаплино).

В июне 1930 г. начальник Пенжинского РАО Т. В. Эпов сообщал, что для нормальной работы, особенно среди туземного населения, следует увеличить штат на одного старшего милиционера либо «ввести вместо него технического работника» [23, л. 73].

Таким образом, к 1930 гг. штат РАО составлял 26 сотрудников, что значительно снизило эффективность и качество работы милиции. Кроме того, негативную роль играло отсутствие народных судов в районах Камчатского округа (кроме Петропавловска), которые «могли бы немедленно реагировать на преступление» [23, л. 88, 150—151].

Как отмечается в отчётном докладе начальника административного отдела Камчатского округа П. М. Кислюка за 1929—1930 гг. «при штате сотрудников в 26 единиц работники районных милиции не могут быстро и своевременно реагировать на то или иное совершенное преступление, в особенности в отдалённых от райцентра на 300—500 верст селениях. Поэтому значительная часть совершенных преступлений остаётся даже не рассмотренными органами милиции» [10, с. 55—56].

В отчете о состоянии и деятельности административного отдела Камчатского окрисполкома за январь-июнь 1930 г. была дана следующая характеристика работы милиции в связи с её сокращением: «Тем составом и штатами, которые имеются в настоящее время, вести борьбу с преступностью в полной мере милиция не в состоянии. Много преступности остается не тронутой. Кроме того, влияет отсутствие в районах народных судов, которые могли бы немедленно и окончательно реагировать на преступление». К тому же резкое сокращение численности сотрудников приводило к многократному увеличению нагрузки на оставшихся. Это способствовало чрезвычайно высокой текучести кадров. В отдельных районах она достигала «трёхкратной» смены личного состава в течение года.

В итоге политика районирования, проводимая в Камчатском округе в 1926—1930 гг., привела к резкому сокращению личного состава ОАО, а также к снижению качества деятельности милиции. Данное обстоятельство обусловило необходимость пересмотра проводимой политики уже в начале 1930 г.

ИСТОЧНИКИ И ПОЯСНЕНИЯ

1. ГАХК, ф. 58, оп. 1, д. 44.
2. РГИА ДВ, ф. Р-2628, оп. 1, д. 7.
3. В 1921—1926 гг. Камчатская область занимала территорию всего Северо-Востока России и включала Петропавловский, Анадырский, Охотский, Чукотский, Гижигинский и Командорский уезды. В соответствии с постановлением Дальневосточного краевого исполнительного комитета от 1 апреля 1926 г. Камчатская губерния реорганизовывалась в округ, вошедший в состав Дальневосточного края. С 1926 г. камчатские уезды были реорганизованы в районы, а бывший Охотский уезд включён в состав Николаевского округа.
4. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны // История Дальнего Востока России. — Т. 3. — Кн. 1. — Владивосток: Дальнаука, 2003. — 632 с.
5. ГАХК, ф. П-44, оп. 1, д. 414.
6. *Ходасевич А. П.* Милиция таежного края. — Хабаровск. 1969.
7. Борьба за власть Советов на Чукотке (1919—1923): Сб. документов и материалов. — Магадан, 1967.
8. ГАМО, ф. Р-37, оп. 1, д. 1.
9. Дальревком. Первый этап мирного строительства на Дальнем Востоке в 1922—1926 гг. — Хабаровск, 1957.
10. *Пирагис А. П.* От нагана до компьютера: История камчатской полиции и милиции (XVIII — XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
11. Камчатский листок. — 1922. — 10 нояб. — № 78.
12. *Смышляев А. А., Витер И. В.* Город над Авачинской бухтой. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 207 с.
13. *Бакалейников П. С.* Становление камчатской милиции (1918—1922 гг.) / История социалистического строительства на Камчатке. — Владивосток, 1979. — С. 119—123.
14. Статистическое Управление РСФСР. — 1922. — № 78.
15. *Левина О. А., Скляр А. Б.* Таможенная служба на Чукотке: от Анадырского острога до поста Провидения // Таможенная политика на Дальнем Востоке. — 2004. — № 4. — С. 109—114.
16. ГАРФ, ф. 393, оп. 46, д. 110.
17. Там же, оп. 49, д. 127.
18. ГАКК, ф. 314, оп. 1, д. 2А.
19. РГИА ДВ, ф. Р-2422, оп. 1, д. 570.
20. Вестник комиссариата внутренних дел. — 1918. — № 24.
21. ГАКК, ф. 179, оп. 1, д. 1.
22. ГАХК, ф. 353, оп. 3, д. 16.
23. РГИА ДВ, ф. Р-4315, оп. 1, д. 55.
24. ГАКО, ф. 179, оп. 1, д. 5.

25. ГАХК, ф. П-2, оп. 2—3, д. 71.
26. МВД России. Энциклопедия. — М., 2002. — 623 с.
27. ГАКК, ф. 81, оп. 1, д. 8.
28. Там же, д. 7.
29. Там же, ф. 305, оп. 1, д. 1.
30. Там же, ф. 81, оп. 1, д. 1.
31. ГАКК, ф. П-45, оп. 1, д. 161.
32. Там же, д. 108.
33. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Штатная численность сотрудников Камчатского окружного и районных административных отделов в 1929—1930 гг.

1. Камчатский окружной административный отдел: начальник, заведующий секретной частью, делопроизводитель.
  2. Камчатский дом заключения: начальник, старший и пять младших надзирателей.
  3. Петропавловский районный административный отдел: начальник.
  4. Петропавловская городская милиция: начальник, два старших милиционера, делопроизводитель.
  5. Большерецкий районный административный отдел: начальник, старший милиционер.
  6. Усть-Камчатский районный административный отдел: начальник, два старших милиционера.
  7. Тигильский районный административный отдел: начальник.
  8. Пенжинский районный административный отдел: начальник.
  9. Карагинский районный административный отдел: начальник.
  10. Чукотский районный административный отдел: начальник.
  11. Анадырский районный административный отдел: начальник, старший милиционер.
- Итого 26 сотрудников.
РГИА ДВ, ф. Р-4315, оп. 1, д. 55, л. 147—148.

В. П. ПУСТОВИТ

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ УЧЁНЫЙ

25 февраля 1932 г. в дом № 2 по ул. Никольской в г. Петропавловске-Камчатском явились чекисты. Они произвели обыск у известного в научных кругах СССР и за рубежом учёного-натуралиста П. Т. Новограбленова, который шестой год работал заведующим Камчатским музеем. Постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по ст. 58-10 УК РСФСР было изготовлено 26 февраля: «...рассмотрев следственный материал по делу № 11 и принимая во внимание, что гр. Новограбленов Прокопий Трифионович достаточно изобличается в том, что проводил агитацию, направленную к подрыву Советской власти... мерой пресечения... избрать содержание под стражей в арестном помещении окротдела ОГПУ».

Упомянутый следственный материал на момент ареста Новограбленова... отсутствовал. На первом же допросе 26 февраля 1932 г. арестованный — овдовевший отец троих (пяти, девяти и одиннадцати лет) детей — заявил: «...антисоветской агитации с 1923 г. не вёл, осознав свою вину до указанного периода, находясь в заключении в течение шести месяцев, где я переродился в связи с приходом на Камчатку Советской власти, так как до указанного периода таковой не существовало».

Доказательства вины учёного добывались последующие полтора месяца. Бывший партизан А. И. Кобцев не забыл упомянуть о требовании Новограбленова на одном из заседаний Петропавловской городской Думы «с корнем вырвать красный бандитизм». Кобцев заявил: в 1923 г. отрядники возмущались, что ревтрибунал наказал Новограбленова условно, тогда как красными партизанами он был объявлен вне закона.

Десятилетней давности грехи П. Т. Новограбленова перед советской властью хорошо помнили не только чекисты. Но они — в первую очередь. В документе «Харак-

теристики и компрометирующий материал на совслужащих Камчатского округа» за 1929 г. обстоятельно рассматривалась «политическая физиономия» учёного. «...Носится с идеей “Камчатка — для камчадал”... Будучи в своё время верным слугой Бирича (в 1921—1922 гг. руководитель Камчатской области с правами губернатора. — В. П.):

1. Был гласным Петропавловской Думы по должности инспектора народных училищ на Камчатке. Активно проявил себя как ярый противник Советской власти. Предлагал прекратить ни к чему не ведущие переговоры и находил, что рассуждать о банде разбойников, это теряет авторитет Думы, которой нужно лишь обсуждать об интересах города, а не о шайке большевиков. Настаивал обратиться к власти временного правительства, установившей известный порядок и наладившей государственный аппарат, для ликвидации выступающей с угрозами шайки большевиков...

2. Будучи главой народного просвещения на Камчатке, утилизировал школы в контрреволюционных целях и в циркуляре, разосланном по области, призывал население к признанию и поддержке Меркуловской власти (Временного Приамурского правительства. — В. П.) и против власти трудящихся...

3. Будучи товарищем председателя городской Думы, поощрял все контрреволюционные начинания, настаивая на принятии репрессивных мер против власти трудящихся, разжигал собрание, изливая непристойные оскорбления по адресу власти советов. Участвовал в редакции всех думских контрреволюционных прокламаций, сотрудничал в меркуловском печатно-агитационном органе “Камчатский листок”, помещая передовые статьи клеветнического содержания, подрывающие авторитет Советов...»

О том же самом, лишь в общих чертах, говорил 2 марта 1932 г. на допросе в ОГПУ бухгалтер, руководитель драмкружка Д. Б. Бадах: «Вся деятельность Новограбленова в период реакции протекала в антисоветских выпадах, и платформа его убеждений была антисоветская». Касаясь советского периода, Бадах отмечал осторожность и сдержанность учёного, являвшегося сторонником «чистой науки» вне советской общественности и жизни.

Показания экономиста В. Ф. Комарова указывали на аполитичность П. Т. Новограбленова, в качестве примера приводилось краеведческое общество, где он вёл работу «узко научную как ботаник и вулкановец». Нечто похожее чекисты услышали от преподавателя совпартшколы и педтехникума В. Н. Дубровина, по словам которого, Новограбленов «всё время держался обособленно. Партийные открытые собрания не посещал, на профсоюзных был не более одного-двух раз. На заседаниях в окроно выступал только по вопросам музея... Вообще совершенно не выявлял себя... избегая вопросов на политические темы». «Но, — делал вывод Дубровин, — Новограбленов, хоть и вёл себя замкнуто, мне кажется, что он является вредным элементом, потому что он, прежде всего, местный житель и, кроме того, затаил, безусловно, месть за своё, хотя и условное, осуждение».

Данное мнение совпадало с уже цитируемой характеристикой П. Т. Новограбленова: «В настоящее время не может ужиться с мыслью о советизации Камчатки и вместе с тем примириться с фактом ограничения прав привилегированного сословия. Свои линии ведёт тонко и осторожно, знакомство поддерживает преимущественно с контрреволюционным элементом: лицами, административно высланными из Центра в силу политических чисток (Физик), или лицами, уже достаточно зарекомендованными на этом поприще (Гарсов и др.). Стремится заручиться благосклонным вниманием некоторых ответработников, ища в них зацепку для покрова своей контрреволюционной деятельности».

Семьи Дубровиных и Новограбленовых жили в одном доме. И супруге Владимира Николаевича, тоже учительнице, ранее приходилось сталкиваться с покойной женой учёного «во дворе в спорах из-за верёвки для развешивания белья», и та ей часто кричала: «Погодите, на нашей улице будет праздник». В этих мелочных угрозах, считала Е. А. Дубровина, «складывалось настроение не только жены, но и самого Новограбленова».

Подчеркнув «старорежимность» П. Т. Новограбленова как преподавателя английского языка и естествознания школы второй ступени, педагог М. Ф. Курищенко

критически отзывалась о его длительных поездках по Камчатке с целью изучения растительного мира: дескать, вряд ли он тратил всё своё время на сбор ботанического материала. Активность Новограбленова в период «господства белых банд» (что было известно Курищенко понаслышке, так как она в Петропавловске жила лишь с 1923 г.) не оставляла у нее сомнений, что ездил он не за одними «осоками» и «мхами» тем более с фотоаппаратом, и неизвестно ещё, все ли снимки передавались им в музей.

К близким знакомым П. Т. Новограбленова Курищенко не принадлежала, общалась только в служебной обстановке, но «вся сумма мелких наблюдений» за учёным почему-то убедила её в том, «что это человек хитрый, затаившийся до поры до времени, переживающий со скрежетом зубным свалившуюся напасть» (советскую власть? — В. П.).

Более подробно своё отношение к научной деятельности Новограбленова изложил в ОГПУ И. К. Зырянов (русский, из мещан, образование низшее, специальность — «конторско-финансовый труд»). Но, прежде чем перейти к его показаниям, оговоримся: всё, приводимое ниже, в том числе иностранные имена и фамилии, даются в орфографии дознавателя.

Зырянов отмечал, предпринимаемые Новограбленовым исследования естественных богатств Камчатки обусловлены его «достаточной подготовленностью». Он, «уделяя наибольшее внимание этой работе, сумел в... Краеведческом Обществе завоевать симпатию и затем стать во главе руководства направления деятельности такового, используя ценные материалы, как присылаемые в общество, так и музея, находящиеся при нём, для своих научных трудов и коллекций... Материалов поступало очень много со всех концов Камчатки от членов общества. Руководя работой краеведческого общества, приобрёл связь с нужными организациями и учреждениями в Москве и на средства, получаемые от таковых, так и общества, каждое лето ездил на исследования особенностей Камчатки и собирания материалов и всё самое лучшее использовал для своих трудов».

По Зырянову, отрицательная сторона научной деятельности П. Т. Новограбленова перевешивала положительную: «Будучи местным уроженцем, имел большой круг родственников и через них и путём своих поездок имел хорошую связь с местным населением, в особенности с зажиточным и кулацким элементом, пользуясь среди них, как учёный, большим авторитетом, как то с Машихиными, Коршуновыми, Плотниковыми (Мильково, Елизово) и др. Свои труды о Камчатке Новограбленов готовил не для советской науки, а тем или иным путём сплавлял за границу, где этот материал издавался в иллюстрированных журналах. Журналы и брошюры Новограбленов получал, как раньше, так и теперь. Примерно в конце февраля (1932 г. — В. П.) показывал один журнал и даже похвалялся, как ценят там его труды и как мало внесено исправлений в его оригинал, желая этим сказать: “Не то, что, мол, у нас”. Говорил, что журнал этот издаётся на Шантарских островах американским научно-исследовательским обществом, членом которого он состоит».

Особо выделил свидетель контакты П. Т. Новограбленова с иностранными учёными. «Несколько лет на Камчатке (1924—1930 гг.) проживал шведский учёный профессор Малэс. Совместно с женой они излазили всю Камчатку, изучая её. Что искали, не знаю. Один год их было трое — какой-то шведский инженер. Имели свой собственный питомник, собирали гербарий, букашек, производили снимки, изучали природу и прочее. С ними Новограбленов имел большую дружбу и связи. Были общие научные труды, которые направлялись за границу. Туда выезжали и жена Малэс, и он сам (два раза), и только последние два года Малэс работал один (1929—1930 гг.). Издания Малэс получал из Швеции, в которых показывал общие труды о Камчатке.

В 1930 г. Малэс, будучи сокращён властями в своей бесконтрольной деятельности и, кроме того, судим за вредительство в соболином питомнике Елизовского РИКа, отбыв наказание, постарался смыться из СССР в Швецию, вывез много собранных материалов о Камчатке. Со слов Новограбленова, эти материалы ушли нелегально при посредстве шведского посольства в Москве. Выезду Малэса из Петропавловска способствовал и содействовал Новограбленов, который, в силу слабого владения рус-

ским языком Малэсом и незнания порядка, давал советы и составлял ходатайства и в Москве, способствовал бывший заврокоро Жедаевский, который в бытность на Камчатке также принимал участие в научном труде Новограбленова с Малэсом. Жедаевский, как член партии и заврокоро, во многом содействовал возможности разъездов по Камчатке учёному Малэсу для изучения и собирания материалов. Впоследствии Жедаевский, уже будучи в Москве при каком-то научно-исследовательском учреждении, был разоблачён в контрреволюционной деятельности, оказавшись офицером белой армии. В бытность Жедаевского в Москве, Новограбленов, как говорил сам, имел с ним переписку, а также говорил, что у Малэса и Жедаевского также была связь.

Тяготение и связь с границей у Новограбленова было большое. Видно это из того, что большинство посетивших Петропавловск иностранцев были рекомендованы к Новограбленову, который и знакомил их с особенностями Камчатки через Краеведческое Общество. Владея английским языком, он являлся путеводителем по учреждениям».

При переорганизации Краеведческого общества учёный, по словам Зырянова, был крайне недоволен внедрением в состав правления партийной прослойки. Что же касается близких Новограбленову людей — тех, кого он принимал у себя дома, то этот ограниченный круг свидетель охотно перечислил: «бывшие спекулянты Подпругины, Добровольский, офицер», Гарсов, в прошлом присяжный поверенный, и служащий фирмы «Гудзон-бей» профессор Огородников.

Отказал в политической благонадежности П. Т. Новограбленову и работник народного образования Н. С. Павленко. Потому как учёный тот «пробавлялся» в местной газете невинным описанием вершин камчатских сопок, горячих ключей, «но ни разу не осветил ни одного хозяйственного вопроса о Камчатке, в которой он достаточно разбирается и что могло бы быть полезно для социалистического строительства».

2 апреля 1932 г. П. Т. Новограбленова допросили снова. Он показал: «С 1925 г. я состоял в кружке изучения Камчатки, который был реорганизован приблизительно в 1926 г. в Камчатское краеведческое общество, которое было реорганизовано в 1931 г. в Камчатское бюро краеведения; в указанных я был заместителем председателя и один год в Краеведческом обществе секретарём. Я никогда не высказывал, что наука должна быть вне политики. По научным работам я имел связь с вулканической обсерваторией на Гавайских островах, с обществом вулканологов острова Ява и ботаником Хултен и Малес... Переписка с ними была чисто научного характера и переживаемых впечатлений по путешествиям — по последним я имел переписку только с американскими натуралистами Аиордом и Колтас. За границей я был только в Японии в 1908 и 1909 г., когда плавал на пароходе «Котик», готовясь для поступления в морское училище.

Окончив свое обучение в 1916 г. (учительский институт в Томске. — В. П.), я учительствовал на Сахалине, откуда переехал на Камчатку в 1918 г. осенью, с тех нахожусь безвыездно на Камчатке, за исключением научной командировки в 1931 г. до г. Читы, в каковой пробыл полтора месяца. С Японией я никаких связей не имел и научными работами там не делился. Из моих статей за границей печатались только две: о Горелом вулкане и извержении Авачинской сопки, эти же статьи мной посылались академику Комарову. По своим статьям я ни с кем не делился и не говорил, что за границей труд учёного ценят лучше. Живя на Камчатке, я, начиная с 1920 г., каждое лето делал экскурсии за свой счёт, за исключением полученных от окрисполкома 300 руб.

Иностранную литературу я получал от шведского ботаника Хултэна — по ботанике, по вопросам вулканологии с острова Явы и Гавайских островов, из Америки от Смитсоньевского института доктора Штейнегер, от Айордам — американского коммуниста. Летом 1930 г., вернувшись из экспедиции, я узнал от брата Павла Новограбленова, что в полученном бюллетене Вулканического общества с острова Явы была вложена листовка монархического характера, которую он передал в ГПУ, после чего я был вызван в ГПУ и давал показания. Бюллетень высылался открытой бандеролью. Происхождения этой листовки я совершенно не знаю. Статей в иностранных журналах антисоветского характера я не встречал».

ПОДПСКА

Я, нижеподписавшийся гр. Новограбленов Прокопий Трифонович

проживающий в г. Петропавловске Камчатском

Никольская, 2

даю настоящую подписку Камчатскому ОО ОГПУ, в том, что впредь до окончания следствия и суда по делу по обвинению меня в прес. пред. 58 п. 10

ст.ст. Уг. Код., обязуюсь без особого на то разрешения судебно-следственных властей из

г. Петропавловска

не отлучаться и являться по первому требованию их.

В случае перемены указанного адреса, обязуюсь, по прибытии на новое место-жительство, немедленно извещать.

149 ст. УПК мне объявлена и разъяснена.

(Подпись)

11 апреля 1932 г.

Подписку отобрал:

Уполн. СМО Чернав

Подписка о невыезде, взятая с П. Т. Новограбленова 11 апреля 1932 г.
(ГАКК, ф. П-199, оп. 1, д. 178, л. 24)

"УТВЕРЖДАЮ" - НАЧ КАМЧ ОО ОГПУ: -

(КИС ЕЛЕВ)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1932 г. М а я "9" дня; гор. Петропавловск на Камчатке.

Я, Уполномоченный СПО Камчатского Округа ОГПУ - ЧЕРНАВИ рассмотрев сего числа следдело № П-... 1932 г. на гр. НОВОГРАБЛЕНОВА Прокопия Трифоновича по обвинению его в совершении преступления предусмотренного 58 п. 10 ст. УК и принимая во внимание, что произведенным следствием нет достаточно добытых данных для привлечения его к ответственности, а поэтому, руководствуясь ст. 4 п. 5 УПК, -

ПОСТАНОВИЛ:

следственное дело дальнейшим производством ПРЕКРАТИТЬ, сдать на хранение в архив УСО Камч. ОО ОГПУ и принятую меру пресечения в отношении НОВОГРАБЛЕНОВА П.Т. подписку о невыезде из гор. Петропавловска - ОТМЕНИТЬ.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СПО: - Чернав (ЧЕРНАВИН)

"СОГЛАСЕН" - НАЧ

СПО: -

(НИКОЛАЕВ)

Постановление мне об"явлено: .....

СПРАВКА: копия постановления направлена: а) УСО КОООГПУ
б) Камч. Окрпрокурору.

Постановление о прекращении уголовного дела в отношении П. Т. Новограбленова от 9 мая 1932 г. (ГАКК, ф. П-1199, оп. 1, д. 178, л. 25)

П. Т. Новограбленов заявил, что никаких разговоров о возможной оккупации Камчатки Японией в связи с заходом в 1931 г. в Авачинскую бухту японской подводной лодки (на её борт не были допущены даже гэпэушники) ни с кем не вёл, а с прибывшими на Камчатку американскими летчиками Линдбергами общался как официальный переводчик, и только, и ничего компрометирующего советскую власть им не передавал...

4 апреля 1932 г. давала показания коллега П. Т. Новограбленова по краеведческому обществу М. Э. Кромберг. Она стала последней, кого вызывали в ОГПУ по этому делу. Её допрос, как и все предыдущие, вёл следователь С. Д. Чернавин (впоследствии уволен из органов госбезопасности). Новых фактов против учёного он от Кромберг не получил. Неделью спустя П. Т. Новограбленова выпустили под подписку о невыезде, а 9 мая 1932 г. прекратили дело по ст. 4 п. 5 уголовно-процессуального кодекса за отсутствием «достаточно добытых данных для привлечения его к ответственности».

В фондах Государственного архива Камчатского края, где содержатся используемые в статье сведения, есть также данные о третьем, последнем, аресте учёного, последовавшем 5 апреля 1933 г. На сей раз чекисты постарались сделать из П. Т. Новограбленова не скрытого антисоветчика-одиночку, а руководителя крупной контрреволюционной организации «Автономная Камчатка». Эта идея зародилась в недрах Полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края. Там же, в Хабаровске, учёный был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян 4 января 1934 г. на сорок втором году жизни.

Но и после этого на П. Т. Новограбленова не прекратился сбор компромата. Правда, не всегда удачный. 3 января 1935 г. на допросе в НКВД коренной житель Камчатки Касьян Никифорович Тюменцев показал относительно экспедиции Новограбленова 1930 г.: «Он прибыл к нам в село Коряки как ботаник по сбору растений, ехал дальше по Западному побережью, для его переброски до села Кинкиль меня сельсовет направил старшим каюром на лошадях, всех каюров было три человека: я, Тюменцев, Никифоров Михаил и Утуров Николай (последний две кочевки, сейчас — член колхоза).

В пути с Новограбленовым мы были около двенадцати дней. После приезда в село Кинкиль я за свою работу получил с Новограбленова 90 руб. За время совместного пути с Новограбленовым с ним никаких разговоров, направленных против советской власти, у меня не было. Также я не заметил, чтоб он вёл такие разговоры с другими лицами».

...27 апреля 1957 г. Военный трибунал Дальневосточного военного округа реабилитировал всех проходивших по делу «Автономная Камчатка». Выяснилось, что на территории нашей области никаких контрреволюционных организаций никогда не существовало...

А. Г. ЩУКИН

ЭТО НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ...

На одной широте... Работая над этой публикацией, я просмотрел самые разные издания — книги, газеты, статистические сборники. Увы, если исключить сборник документов и материалов «Камчатская область в годы Великой Отечественной войны», то сведений о Корякском национальном округе первой половины 1940-х гг. очень и очень немного. И тем более о Карагинском районе.

Даже в книге бывшего председателя плановой комиссии Камчатского облисполкома Б. П. Кашинцева «Камчатка — край перспективный» (1973 г.) весь военный период (1941—1945 гг.) уместился на четырёх страницах из двухсот семнадцати. И всего несколько строк об округе: «Дополнительно образуются промкомбинаты в Олюторском, Карагинском, Быстринском районах; артели промысловой кооперации в Милькове, Палане, Тигиле — новые производства. Неплохо было налажено плетение корзин, материалом для которых служила особая тундровая трава. Карагинцы, например, изготавливали мешки и маты — коврики из морской травы. Среди местного населения заметное место занимало надомничество: обрабатывалось и выделялось

оленье сырьё, шили кухлянки, рукавицы, чижи, малахаи, торбаса, туфли, шапки. Вместо ниток применялись олени жилы, которые придавали шву высокую прочность и никогда не подвергались гниению. Изделия многих мастериц с лаконичным национальным орнаментом пользовались большим спросом».

Читая эти строки, можно подумать, что ничто, даже 22 июня 1941 г. — день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз — не нарушило привычного ритма и уклада жизни на Севере Камчатки. Как пасли оленей, так и пасли, рыбачили, что-то мастерили...

Нет, всё было далеко не так. Коряки, ительмены, русские, чукчи — весь многонациональный дальневосточный Север жили едиными мыслями, помыслами и делами со всей страной: «Всё для фронта, всё для Победы!»

«...Мы все встанем грудью на защиту своей Родины. Фашизм будет уничтожен! Победа будет за нами!» — говорил на митинге в селе Седанке Тигильского района 24 июня 1941 г. рядовой колхозник колхоза имени 1 Мая Е. Федотов. Так думали все.

Назову всего несколько цифр, которые лучше всяких слов, говорят о единстве фронта и тыла, небывалом патриотическом подъёме. В годы войны 28 % коммунистов и более половины комсомольцев области ушли в Красную Армию, только в 1941—1943 гг. на Камчатке по всеобучу было подготовлено боевого резерва для неё 18 772 чел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1943 г. 156 работников рыбной промышленности и колхозников Камчатки за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Красной Армии были награждены орденами и медалями.

Среди тех камчадалов, которые уходили на фронт, числились в резерве, самоотверженно трудились в тылу, за что получали награды, было немало и жителей севера Камчатки.

...Недостаток наших знаний, сведений о жизни сёл и посёлков Корякского национального округа в годы войны, героических подвигах и просто фронтовых буднях на переднем крае и в тылу в какой-то мере объяснить можно. Но оправдать... Ведь это наша Память, наши корни.

Позволю себе напомнить один факт, который хотя и имеет к теме далёкое отношение, но тем не менее многое проясняет. В Оссоре одна из центральных улиц — Лукашевского. В Петропавловске-Камчатском улица и больница имени Лукашевского. Но кто сейчас скажет, где нашёл свой последний приют этот человек, сделавший очень много для Корякии, становления здравоохранения в области, округе и Карагинском районе? Кто ухаживает за его могилой, на которой когда-то благодарные карагинцы поставили памятник, соорудили красивую ограду? А ведь ещё живы даже родственники Андрея Савельевича Лукашевского. И над могилой ещё лет двадцать назад шефствовали пионеры и комсомольцы из Караги, которые сейчас, разумеется, взрослые люди, но в расцвете сил.

На вопрос «кто ухаживает?» ответчу: никто. Забыли дорогу к последнему приюту своего известного земляка, просто хорошего, доброго человека, который годами в пургу и стужу спешил на помощь больным, нёс избавление от страданий и болезней. Такова наша «память».

Так и с историей округа и Карагинского района в годы Великой Отечественной войны... Да, архивы того периода в том же Карагинском районе не сохранились — погибли при пожаре. Но есть ещё и окружной, краевой, центральный архивы. Есть библиотеки, где хранятся все периодические издания. Созданы музеи, которым сам Бог, как и школам, велел заниматься поисковой краеведческой работой. Живы ещё, наконец, свидетели и участники событий фронтовой поры. Пока ещё живы.

Мне приходилось слышать такое утверждение: коряки, мол, в армии не служили, на фронте не были. Неправда, были. И сражались героически, и возвращались на родину, в ту же Карагу, инвалидами, а кто-то не вернулся домой совсем...

В своё время с Владимиром Ковалихиным (бывшим тогда директором районного Дома культуры) мы написали песню «На одной широте». Посвящалась она памяти одного из первых корякских писателей, автора «Сказок об Эмэмкуте» Ивана Баранникова и студентки Ленинградского института народов Севера Фаины Наяновой:

*Время в памяти лица стирает
И ровняет могилы с землёй.
Имена ваши мало кто знает,
Что убиты проклятой войной.
На одной широте с Ленинградом,
На одной широте со страной
Бились ваши сердца, были рядом...
И убиты одною войной.
Далеко на Востоке России,
Где безбрежный гудит океан,
Снег и небо по-прежнему синие,
И такой же, как прежде, туман.
Тундру золотом осень окрасит,
А с ручьями проснётся весна,
Только нет и не будет вас с нами
Никогда... Никогда... Никогда!
Может быть, вы любили друг друга,
Но жестокая жизни судьба
Развела. И одела шинели:
Он танкист, а она медсестра.
В осаждённом врагом Ленинграде
Жизнь России она отдала.
В танке, пламенем смерти объятom,
Он сгорел... но Победа пришла!
Далеко на Востоке России,
Где безбрежный гудит океан,
Снег и небо по-прежнему синие,
И такой же, как прежде, туман.
Тундру золотом осень окрасит,
А с ручьями проснётся весна.
Были вы и останетесь с нами,
Навсегда... Навсегда... Навсегда!..*

Ленинградская, Курская области, Сталинград, Украина, Курилы — всюду, где шли бои, остались могилы наших земляков-фронтовиков. Среди погибших в боях за Родину красноармейцы Алексей Петрович Апушлин, Василий Михайлович Немтаров, Николай Алексеевич Пышкин, Алексей Владимирович Сновидов, Алексей Дмитриевич Лебедев...

За тебя, Родина! Когда началась война, для всех, кто учился тогда в городе на Неве — юношей и девушек с очень далекой Камчатки, вернуться домой через всю страну стало неразрешимой проблемой. О доме, родных, конечно, помнили и скучали. Но чтобы возвращаться, когда всё ближе зарево сражений, когда сводки с фронта одна тревожнее другой... Нет, об этом карагинцы и тигильцы, ставшие на годы учёбы ленинградцами, и не помышляли. Отечество в опасности, значит, главная должность — солдат и место каждого — в бою.

Из газеты «Камчатская правда» от 25 июля 1943 г.: «Двадцатитрёхлетний коренастый, с прямодушным лицом, пытливыми живыми глазами краснофлотец-камчадал Василий Попов. В руках у него листок бумаги, покрытый ровными строчками. Это письмо на родину. Это голос сына Камчатки, воина Ленинграда, обращённый к своим близким, друзьям, родным, всем, кто теперь с ним вместе стойко сражается против врага. Он достаёт комсомольский билет: Тигильский район Камчатской области. Этот билет Попов пронёс через тысячи километров, отделяющих его родной край от Ленинграда; с этим билетом, прижатом к сердцу, бился он за рубежи любимого города революции.

Минометный батальон В. Попова стоял под Пушкиным. Синими, белыми огнями отсвечивали окна Екатерининского дворца. Листва казалась вырезанной из металла. Бомба фашистского пикировщика упала в озеро. Огромный столб воды и глины...

Раскололись старинные стёкла. У входа во дворец, между тёмных бронзовых статуй, стояла девушка-экскурсовод. По её лицу текла кровь. Камчадал Попов не успел побывать во дворцах. Только дорожную табличку на стене лицея увидел он да памятник великому русскому поэту, заботливо укрытый мешками с песком. Здесь, под Пушкиным, воевал Попов против фашистов.

...Раны Попова зажили. Вот стоит он, смуглый крепыш в бескозырке.

— Я прошу вас, передайте в газету моё письмо, — говорит он. — Нас много воюет. Беккеров Василий из села Воямполки, камчадал Юшин Николай, Зина Толстихина, Шмагина, так чудесно танцевавшая, стали медсестрами. Да и что говорить, каждый из моих сокурсников — боец, каждая сокурсница — медсестра. Есть и погибшие: Корнил Наянов — художник, поэт, тяжело ранен, нет его среди нас.

Пусть слушают меня тигильцы, пусть слушают меня народы Севера. Почему мы так любим нашу Родину, почему мы с таким горячим желанием пошли за неё воевать? Я говорю за себя, я говорю за всех нас. До революции нас не считали людьми. Были среди наших отцов в кочующих племенах и такие, которые не узнали в царское время даже вкуса хлеба. Вместо стёкол в окнах их домов были рыбы-пузыри. И мы гордимся теперь, что защищаем город, в котором жил и работал Ленин, город, названный его дорогим именем.

Слушайте меня, отцы, матери, младшие братья и сёстры! Древние горы Урала, дремучая сибирская тайга, снежные вершины дальневосточных хребтов и холодные волны бурного Охотского моря отделяют город Ленина, город фронта от мирных сёл, разбросанных по берегам шумных горных рек, от юрт и яранг, утопающих в зелени лесов далёкой Камчатки. Но вы очень близко от нас. У нас одно желание, одно стремление — уничтожить фашизм, принеший нам столько горя.

У стен Ленинграда я, балтиец, борюсь за тебя Камчатка, за вас, Украина, Белоруссия, за благодатную землю, за синее небо, за тебя, Родина!»

В этой публикации много фамилий. Некоторые незнакомы, но большинство — ваших соседей, знакомых, друзей, земляков. Это и ваши фамилии, дорогие читатели. Значит, в роду тех, кто сейчас живёт в городах, сёлах и посёлках Камчатского края, были и ветераны трудового фронта, и участники жестоких сражений с врагом.

В архивных материалах об этом порою всего несколько строк. Зачастую сухих, протокольных строк, но за каждым словом труд и подвиг, искренняя забота, конкретные дела.

«Комсомольцы и молодёжь района (Пенжинского. — А. Ш.) считают своим долгом оказывать всемерную помощь детям-сиротам, детям, родители которых сражаются против немецко-фашистских захватчиков.

По инициативе комсомольцев и молодёжи райцентра в сентябре 1944 г. при райкоме ВЛКСМ был создан фонд помощи детям. От первичных комсомольских организаций поступило 15 тысяч рублей, около 100 детских вещей, сдано 8 оленей, 300 кг ягод и несколько центнеров рыбы.

...По решению бюро райкома ВЛКСМ из этого фонда выдано на приобретение одежды детям 3 750 руб., сыну фронтовика А. Каминскому выдано 400 рублей, дочери фронтовика Лешко З. также выдано 400 руб.

«Всего по району (Олюторскому, декабрь 1944 г. — А. Ш.) учтено семей военнослужащих — 321... По району учтено пять инвалидов Отечественной войны. Все они обеспечены хорошими жилищно-бытовыми условиями, окружены постоянным вниманием и заботой».

«Только колхозы (Тигильский район, октябрь 1944 г. — А. Ш.) “Красный партизан” (председатель т. Осипов) и им. Сталина (с. Кинкиль, председатель т. Наянов) из урожая 1944 г. выделили: капусты — 192 кг, картофеля — 1 490 кг, рыбы — 340 кг и молока 50 литров. От воскресников и взносов личных сбережений на текущий счёт исполкома в фонд помощи семьям военнослужащих поступило более 20 000 руб.

В селе (Тигиль. — А. Ш.) много женщин-общественниц, активно помогающих фронту. Это тт. Трапезникова, Толстихина, Карпова, Гридякова, Жигальская, Симонова, Григорьева, Самойлова, Сторчак, Барыко, мать двух фронтовиков Логинова, многодетные матери Петрова и Бабенкова».

Приведённые выше выдержки из архивных документов подобраны мной не случайно. Это свидетельства того, что в Красной Армии, на фронтах Великой Отечественной войны было немало воинов с далекой Камчатки, из Корякского округа.

Напомню, что до 1956 г. Камчатка, как и Чукотка, административно входили в состав Хабаровского края. И в годы войны обком ВКП(б) обо всех делах отчитывался перед Хабаровским крайкомом. 29 апреля 1942 г. в постановлении бюро Камчатского обкома о помощи семьям военнослужащих сообщалось, что «с 1 августа 1941 г. по 1 апреля 1942 г. отделами социального обеспечения семьям военнослужащих, рядового и младшего начальствующего состава выдано пособий 1 156 053 руб. Кроме того, выплачено единовременного пособия 42 250 руб. и профсоюзными организациями, предприятиями и колхозами — 61 190 руб. Устроено на работу 1 094 чел. членов семей военнослужащих...»

В аналогичном документе (докладной записке заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Шевцова) заведующему военным отделом Хабаровского крайкома Ефимову сообщалось, в частности, что с 1 августа 1941 г. по 1 апреля 1943 г. устроено на работу жён военнослужащих 3 477 чел., устроено детей в детские учреждения 1 956 чел. «...На 1 мая 1943 г. по учёту числится семей военнослужащих 3 963».

А накануне Великой Отечественной войны все население области составляло около 110 тыс. чел. Таким образом, к лету 1943 г. по меньшей мере каждый десятый житель полуострова (из взрослого населения) служил в армии, воевал на фронте. В 1943 г. родину защищали, сражались с врагом в общей сложности более трёх полков воинов-камчадалов.

Всего же за годы Великой Отечественной войны и войны против японских милитаристов в армию были призваны 23 292 жителя Камчатской области, тысячи из них, особенно в самое трагическое время — июнь, июль 1941 г. — надели гимнастерки, взяли в руки оружие, шли в бой добровольцами.

В труде, как в бою. Уже к концу 1942 г. СССР превзошёл гитлеровскую Германию по выпуску танков в 3,9 раза, орудий калибров всех видов в 3,1 раза, самолетов — в 1,9. По сравнению с довоенным годом посевные площади возросли на пять миллионов гектаров. (Это при том, что враг захватил территорию, на которой до войны размещалась почти половина посевных площадей страны; для фронта были переданы 40 % тракторов, 80 % автомобилей, большинство лошадей, а в деревнях и сёлах почти не осталось трудоспособных мужчин.)

«Тыл, — как говорил писатель Анатолий Иванов, — тоже был огненным и в прямом, и в переносном смысле». Трудно даже представить, что всего лишь за июль-декабрь 1941 г. на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и среднюю Азию эвакуировали 2 593 промышленных предприятий, из них 1 523 крупных фабрик и заводов. Демонтаж, погрузка в вагоны, железнодорожные платформы шли нередко под бомбёжкой, артиллерийским огнём, враг атаковал с земли и воздуха эшелоны в пути».

Продукция оборонных предприятий требовалась фронту немедленно, поэтому, не дожидаясь, когда вырастут стены заводских цехов, под дождём, снегом, в мороз и вьюгу люди выпускали патроны и снаряды, автоматы, пушки, танки. Работали на пределе человеческих возможностей — по пятнадцать-восемнадцать и более часов в сутки, для тружеников тыла не существовало ни выходных, ни отпусков, ни праздников.

Да, на Камчатке не было оборонных предприятий, выпускающих боевую технику для фронта, самолеты, мины или орудия. Но и здесь, даже в самых далеких стойбищах, в деревнях и посёлках не было священной слов, подчинивших себе все помыслы и стремления от мала до велика: «Всё для фронта, всё для Победы!»

Как сводки с фронта звучат сообщения тех лет:

«В Пареньском оленесовхозе было отведено два помещения, то есть помещение бывшей конторы и одна утеплённая юрта, в которых 20 женщин, не уходя с производства, работали в течение десяти дней. Рабочий день продолжался от 18 до 19 часов. Обед и короткий отдых были организованы в этих же мастерских».

«Учитель Рекинниковской школы т. Пономарев, комсомолец (Пенжинский район. — А. Щ.), с получением по ТАСС сообщения о войне отправился в стойбища и рассказывал корякам о наглом нападении на Советский Союз. Прodelал он это, не считаясь

с трудностями дороги, пройдя пешком свыше 400 км, он также провёл работу по мобилизации средств в фонд обороны».

«В колхозах созданы женские рыболовецкие бригады, перевыполняющие производственные задания. На областную Доску почёта занесены резчица Е. Егорова и бригадир мойщиц М. Фролова из Олюторского рыбокомбината».

«Ловцы во главе с бригадиром т. Стафьевым (колхоз им. Горького, Олюторский район. — А. Ш.) выловили сверх плана 75 ц рыбы, полученные деньги внесли на строительство боевых самолетов».

«Колхозник колхоза “Тумгутум” т. Емелли обязался всю пушнину, добытую за вторую половину декабря, сдать на постройку боевых машин».

«Трудящиеся округа сдали в фонд обороны Родины наличными деньгами свыше 5 млн руб., облигациями займов — на 6 млн руб., оленей — 1 100 голов, собрано и отправлено на фронт свыше 40 тыс. тёплых вещей».

На 12 января 1943 г. на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак» собрали 1 млн 498 тыс. руб., 22 оленя, 80 лисиц, 95 соболей.

Особенно большую долю в этом благородном движении приняли на себя трудящиеся Карагинского района, давшие 916 тыс. руб. Из них колхоз “Турвинэ” — 250 тыс. рублей, колхоз “Новая жизнь” — 325 тыс. рублей».

«Предприятия и колхозы Олюторского района отчисляют в особый продовольственный фонд Верховного Главнокомандования 318 пудов картофеля, более 400 оленей и крупного рогатого скота, свыше 105 000 пудов рыбы, 5 000 баночных консервов, свыше 120 пудов икры, много орехов, грибов, ягод, засеяли сверх плана 2,25 га картошки».

«В ответ на патриотический почин Сталинградской и Запорожской областей колхозники колхоза “Пролетарий” Тигильского района решили начать сбор средств на техническое вооружение Красной Армии. За один только час 35 колхозников внесли деньгами 17 850 руб., 20 200 руб. облигациями, 28 голов оленей».

«План путины 1942 г. по Карагинскому району выполнен на 178 %, страна, фронт получили 171 680 ц рыбы, а колхозники свой годовой план выполнили на 215 %, выловили 115 720 ц».

«На промысле сельди в Карагинском районе, соревнуясь между собой, люди работали день и ночь, не жалея ни сил, ни здоровья, преодолевая трудности, как на фронте, стремясь взять рыбы как можно больше. Особенно хорошо работали рыбаки-колхозники. Своими руками они выловили 65 тысяч тонн сельди, выполнив план на 183 %».

«Колхоз “Турвинэ” выполнил годовой план рыбной путины на 356 %, выловив 20 700 центнеров, и получил первую Всесоюзную премию. Здесь особо отличились агитаторы бухгалтер колхоза т. Тарабарка, председатель колхоза т. Гуторов, колхозник т. Морозкин и молодой член партии т. Суздалов. Со своей бригадой он выполнил план лососёвой путины на 875 %».

«Получили Всесоюзные премии: вторую — колхоз “Новая жизнь” и третью — колхоз “Рыбак” Карагинского района, где лучшие — председатель колхоза т. Назаренко, заместитель председателя колхоза т. Пак, председатель колхоза т. Комплектов, секретарь комсомольской организации т. Гуторов, колхозница Ощепкова».

«На всех заводах и во многих колхозах Корякского округа созданы фронтовые бригады и звенья. Они показывают высокую производительность и являются образцом честного, героического труда».

«В успехах колхозов “Турвинэ”, “Новая жизнь”, “Рассвет Севера”, Кичигинского рыбокомбината и Корфской моторно-рыболовной станции, завоевавших премии наркомата, большое значение сыграло движение фронтовых бригад».

«Пример помощи фронту показывают колхозники колхоза “Турвинэ” (в 1942 г. их конкретный вклад составил 556 500 руб. — А. Ш.). Руководитель агитколлектива бухгалтер колхоза Тарабарка Г. Д. сам внёс около 15 000 руб., а на танковые колонны “Колхозная молодежь” и “Камчатский рыбак” — 7 000 руб.»

...В последующем мы ещё не раз будем возвращаться к трудовым фронтовым будням. А завершить этот очерк мне хотелось бы письмом учительницы Еланцевой из Паланы в редакцию газеты «Камчатская правда», опубликованном 7 ноября 1941 г.

«Я выросла на Камчатке уже при Советской власти и не видела того гнёта, который переносили мои родители. Народы Крайнего Севера всячески унижались, их нещадно эксплуатировали русские и иноземные купцы. Большевицкая партия возродила мой народ. Я получила образование. Этим я обязана партии и Советской власти. Работаю в Паланской школе, преподаю английский язык. Люблю свою работу. Стараюсь дать ребятам больше знаний.

Теперь, когда фашистские бандиты напали на нашу страну, я работаю ещё лучше, хочется своим трудом помочь фронту. Вечерами я посещаю курсы радистов. Я комсомолка. По первому зову партии готова пойти на фронт защищать свою страну от коричневой гадины. Буду всемерно помогать фронту своей работой и своими средствами. Я отчисляю ежемесячно двухдневный заработок в фонд обороны. Послала посылку бойцам, сдала валенки.

Счастливую и радостную жизнь народов Севера никому не отнять! Мы, познавшие радость свободы, готовы защищать её до последней капли крови».

Согласитесь, что письмо это очень искреннее, от чистого юного сердца. По всей видимости, учительнице Еланцевой к началу Великой Отечественной войны исполнилось немногим более двадцати. Но за плечами девушки, чья родина корякская тундра, значилось уже солидное образование, знание далеко не модного тогда языка — английского... Не совсем обычная судьба, биография? На мой взгляд — да. Вот бы паланским школьникам, студентам и учащимся педагогического и профессионально-технического училищ проследить жизненный путь своей землячки, рассказать о ней другим. Уверен, это была бы достойная страница в истории народа и малой родины.

Камчатка — Сталину. Сталин — Камчатке. На Камчатке Иосиф Виссарионович Сталин никогда не был. Но, как и всюду, «от Москвы до самых до окраин», были в Корякском национальном округе колхозы и предприятия, носящие имя вождя, руководителя, а точнее всевластного хозяина партии и огромного государства (колхозы «Сталинец», имени Сталина, газета «Знамя Сталина»).

Докатались и до Камчатки жестокие сталинские репрессии... Не буду комментировать страшное, назову лишь некоторые фамилии тех, кого расстреляли или кто безвозвратно сгинул в сталинских лагерях (*Смышляев А.* Камчатка: от Адамовича до Бирюкова. — Петропавловск-Камчатский, 1996.): Л. А. Петрович, начальник Камчатского отдела ОГПУ НКВД, начальник погранотряда, В. И. Рябов, начальник строительства Петропавловской судоремонтной верфи, начальник Камчатстроя, Г. Д. Торопов, заместитель начальника АКО; М. П. Мельников, председатель Камчатского облизполкома; Л. Ф. Никольский, редактор газеты «Камчатская правда», П. М. Лифанов, начальник АКОторга, Б. И. Голдьерберг, начальник Олюторского рыбокомбината, заместитель начальника рыбного управления АКО, И. А. Бакланов, крестьянин из села Тальники Усть-Болшереевского района; П. Т. Рымбалович, плотник Пымтинского рыбокомбината, А. В. Могильный, рыбак и охотник, Н. Ф. Зорин, старшина катера, А. П. Югай, рыбак колхоза «Пионер Запада», И. Ф. Манаев, бывший священник, Н. И. Чеботагин, рыбак, В. Ф. Цвикке, единоличник; В. А. Епифанцев, бухгалтер...

Но было ещё и живое слово Сталина, которое уже само по себе, поднятое на божницу непререкаемой истины в последней инстанции большими и малыми идеологами партии, становилось знаменем и путеводной звездой. Одобрительное, положительное слово, произнесённое или написанное рукой товарища Сталина, было самой высокой похвалой.

Культ развенчан, памятники снесены или отправлены на переплавку, названия изменились, но история всё же сохранила, как ни странно, слова И. В. Сталина, обращённые к Камчатской области, её населению и даже конкретным людям. Один из таких документов широко известен. Это телеграмма Верховного Главнокомандующего трудящимся Камчатской области (1943 г.):

«Прошу передать трудящимся Камчатской области, собравшим, кроме ранее внесённых 32 млн руб. и облигациями госзаймов 33 млн руб. в фонд обороны Союза ССР, дополнительно 14 млн руб. на строительство танковой колонны “Камчатский рыбак”, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Было и за что благодарить, есть и чем гордиться. Например, в 1941 г. вклад Олюторского района в фонд обороны составил 530 тыс. руб., в 1942 г. — 857 тыс.

Карагинцы только в 1943 г. передали в фонд обороны 1 894 489 руб. деньгами и 2 077 980 — облигациями. А на строительство танковой колонны «Рыбак Камчатки» с 21 декабря 1942 г. по 26 января 1943 г., всего за месяц с небольшим, жители далеко не густо населённого Корякского округа внесли 1 541 000 руб.

А ведь были ещё взносы в фонды Главного командования; на строительство боевых самолётов; на постройку танков; на восстановление разрушенных городов; в помощь населению оккупированных территорий и детям-сиротам...

Люди трудились и отдавали, нисколько не жалея, всё, что имели. В связи с этим не могу не назвать ещё несколько цифр и фамилий. На 5 января 1943 г. на танковую колонну «Рыбак Камчатки» в Карагинском районе было собрано более 900 тыс. руб., 300 из них — вклад колхозников «Турвинэ» (село Тымлат). Больше всех внесли лучшие люди хозяйства Н. Г. Тарабарка, И. Д. Тарабарка, М. Т. Тарабарка, Я. А. Черемянин с женой, председатель колхоза И. Ф. Гуторов, секретарь парторганизации В. Н. Суздалов, колхозники Ф. М. Кокунов, Н. И. Ковалев, Н. Д. Шаталов, Петр Юрьев, Г. П. Бабкин, М. Г. Чечулина. Вклад колхозников «Новой жизни» из села Кичиги (председатель П. И. Назаренко) на постройку танковой колонны составил 325 тыс. руб. Всего за один день в счёт строительства танковой колонны «Рыбак Камчатки» (12 января 1943 г.) жители округа сдали 22 оленя, 80 лисиц, 95 соболей.

Все годы войны фронт и тыл были едины. И в этом одна из важнейших составляющих Победы. Понимал ли это Верховный Главнокомандующий? Безусловно. А понимая, поддерживал словом тех, кто этого действительно заслужил. Более 200 тыс. руб. было собрано коллективом областного драматического театра на строительство боевых самолётов «Хабаровский артист» и «Камчатский артист», за что театр получил две телеграммы с благодарностями И. В. Сталина.

А вот тексты телеграмм Верховного Главнокомандующего парторгу колхоза имени Кирова Коваленко и заместителю председателя колхоза Малякину: «Передайте колхозникам и колхозницам рыболовецкого колхоза имени Кирова, собравшим 111 000 руб. на строительство самолёта “Сергей Миронович Киров” мой братский привет и благодарность Красной Армии».

«Передайте колхозникам и колхозницам колхоза имени Кирова, собравшим 200 000 руб. на строительство танковой колонны “Камчатский рыбак”, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Телеграммы они и есть телеграммы — лаконичные, чёткие, конкретные, но сталинский стиль решений и распоряжений в них очевиден. Были телеграммы и несколько иного характера. Скорее, это даже не телеграфные сообщения одностороннего направления из Москвы, Кремля на Камчатку, а взаимная переписка.

Секретарь одного из райкомов ВКП(б) Калашников подписал в декабре 1943 г. постановление районного партийного собрания, в котором, в частности, сообщались и такие факты: «Патриот Родины Гилканов Иннокентий Игнатьевич, до этого внёсший в фонд обороны Родины 17 тыс. руб. наличными, больше 10 тыс. облигациями, 56 тёплых вещей, внёс на танковую колонну “Камчатский рыбак” 30 тыс. руб. Товарищ Гилканов обратился с телеграммой к товарищу Сталину. В ней он писал: “Я, колхозник-эвент Быстринского района на Камчатке Гилканов Иннокентий Игнатьевич, воодушевлённый победами Красной Армии на фронте, горячо поддерживаю от всей души инициативу колхозников, строящих на свои сбережения танковые колонны и эскадрильи боевых самолётов. Вношу из своих сбережений, которые я накопил за годы мирного строительства, 30 тыс. руб. на постройку танковой колонны “Камчатский рыбак”. Пусть эти танки, построенные на трудовые средства колхозников, смешают с землей ненавистного врага”».

В ответной телеграмме Сталин писал: «Спасибо Вам, Иннокентий Игнатьевич, за вашу заботу о Красной Армии, примите мой привет». «Привет товарища Сталина вызвал новый патриотический подъём среди населения. Товарищ Гилканов И. И. в следующей подписке на заём подписался на 10 тыс. руб., и всю сумму внёс сразу наличными».

Читая, а потом цитируя этот исторический документ переписки первого лица государства и рядового колхозника с очень далёкой Камчатки, я невольно подумал:

а почему бы нынешним российским олигархам, миллионерам и миллиардерам, сколотившим гигантские состояния за считанные годы, возглавившим буквально финансовые империи — государства в государстве, не последовать примеру того же колхозника Гилканова?

Время сейчас не то, не военное лихолетье? Это, как сказать, если люди по двадцать-тридцать и более лет стояли в очереди на получение обещанного жилья, улучшение своих жилищных условий, состарились ко второму «пришествию» капитализма на российскую землю, но жилья так и не дождались... Или так называемые «детские пособия» по три доллара или 100 руб. в месяц на ребенка — явное унижение людей, насмешка и издевательство над согражданами. А бесконечная болтовня о благе замены декларируемых льгот денежными компенсациями? Или нищенские пенсии северян?

Но не находятся что-то меценаты в родном Отечестве. Не обращаются доморощенные миллионеры и миллиардеры к президенту с такими, например, письмами-телеграммами: «Примите 100 миллионов долларов на увеличение в несколько раз пенсий ветеранам трудового фронта, которым уже за восемьдесят лет...» Или: «Понимаю, что нефть, газ, электроэнергия, на которых я жирую, результат труда миллионов — всех, кто осваивал Север, жил и трудился здесь. Вот мой миллиард долларов, отдайте его на жилье, солидную прибавку к пенсии тем, кто это действительно заслужил».

Нет таких предложений, телеграмм, писем президенту. Значит, очень невысоко ценится в среде богатеев теперь благодарность даже первых лиц государства. Своя рубашка ближе к телу — это просто и понятно, значит, лучше вбухать сотни миллионов, миллиарды в «Челси», дворцы и виллы, яхты и самолёты, драгоценности, продажных политиков, разврат культуры... Вот вам и социализм, простите, теперь — капитализм с человеческим лицом, которое всего лишь маска, скрывающая звериный оскал...

Но вернёмся в 1940-е, фронтовые. В августе 1944 г. газета «Корякский большевик» сообщала о том, что «работник Корякской базы потребсоюза в Пенжинском районе т. Ретивых из своих личных сбережений внёс в фонд строительства боевых машин 15 тыс. руб. Одновременно т. Ретивых обратился с письмом к т. Сталину с просьбой построить на эти средства танк, а его самого зачислить в ряды Красной Армии».

Подобных писем, просьб-обращений к Верховному Главнокомандующему были тысячи. Судьба этого из Корякского округа вполне конкретна. По поручению И. В. Сталина Наркомат обороны предложил облвоенкомату призвать т. Ретивых в действующую армию, направить на учёбу в танковое училище, по окончании которого ему будет вручён танк, построенный на его деньги.

Ещё один интересный факт. Было такое село Седанка кочевая — колхоз им. Кирова. Национальное село, а женщинам-корячкам, как известно, умения, трудолюбия и мастерства не занимать. Вот и решили две оленеводческие бригады сшить в подарок Сталину кухлянки. Отобрали лучших мастериц, собрали лучшие меха. Как вспоминали очевидцы, «вскоре работа была выполнена, с большим мастерством, с хорошо выполненными отделками, с художественным вкусом. Кухлянки эти были выставлены для всеобщего обозрения и одобрения на районной выставке».

...Я уже рассказывал об учительнице Паланской школы Еланцевой. Не знаю, кем ей доводился Фаддей Егорович Еланцев. Может быть, отцом, братом, возможно, просто однофамилец. Но это был наш земляк, а такими земляками нельзя не гордиться. За героизм и мужество в боях Фаддей Егорович был награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, двумя медалями «За отвагу», орденами Славы второй и третьей степеней. А солдатская слава, как и самоотверженный труд в тылу, как любая страница истории Подвига — бессмертна.

Не ради званий и наград. В документах — отчётах о состоянии дел в промышленности и сельском хозяйстве Камчатской области за годы Великой Отечественной войны немало цифр статистики. Даже сами по себе эти цифры свидетельствуют о поистине героическом труде жителей полуострова — всех от мала до велика. Вот лишь некоторые из них.

За годы войны рыбная промышленность Камчатки дала стране 7 890,5 тыс. ц рыбы. Это почти столько, сколько рыбная промышленность добыла за предшествующие войне две пятилетки. Рыбообрабатывающие заводы дали стране, фронту 2 499,4 тыс. ящиков консервов, что на 574 тыс. больше, чем в предвоенную пятилетку. Объём мелкого судостроения (кунгасы, кавасаки, баржи) по сравнению с 1940 г. возрос в пять раз.

Колхозами, совхозами и подсобными хозяйствами за четыре года было освоено дополнительно к имеющимся посевным площадям 2 000 га. Урожайность картофеля возросла с 35 ц в 1940 г. до 73 в 1945 г. Средняя выработка на один трактор составляла к концу войны 209 против 51 га в 1940 г. Ценнейшего пушно-мехового сырья было заготовлено на 25 261 тыс. руб. Эти цифры и факты приводятся в одном из отчётов председателя областной плановой комиссии. В этом же отчёте в числе лучших неоднократно отмечался Карагинский район.

«Увеличилось количество орудий лова, появляются новые, десятки колхозов выходят на активный лов в море, а колхозы Петропавловского, Усть-Камчатского и Карагинского районов выходят на лов лосося ставными морскими неводами».

«В период войны были созданы предприятия местной промышленности в областном центре и в районах Усть-Большерецком, Мильковском, Карагинском».

Жители Корякии и трудились ударно, и не жалели ничего для фронта, для Красной Армии. Только к 1 июля 1943 г. для фронтовиков-бойцов, сражающихся с гитлеровскими захватчиками, было собрано по округу 334 полушубка, 1 407 ватных брюк, 1 108 шапок-ушанок, 2 263 пар портянок тёплых, 240 шерстяных одеял, 1 354 пары шерстяных носков, 680 пар торбасов, 2 230 — чижей, 893 — валенок и многое, многое другое.

Есть и ещё одна малоизвестная страница, строки которой свидетельствуют, что у Корякии, Камчатки есть города и области побратимы. И не только в России, но теперь уже и за её пределами — в ближнем зарубежье. Это Воронеж, Киев и Харьков, Тульская область, Сталинград. Судите сами, скупые строки архивной хроники говорят убедительней самой изысканной лирики и прозы.

«Женсоветом села Тигиль отправлено много вещей в Тулу, обком МОПР (Международной организации помощи рабочим), для помощи детям-сиротам... В честь женского праздника отправлены две посылки для сталинградцев, в которые вложили мужское пальто, много белья, детские вещи, суконные отрезы и др.».

«Женщины с Палана активно участвуют в создании неиссякаемого фонда обороны. Всего с начала войны женсовет села внёс 120 000 руб., в том числе на подарки детям освобождённых советских районов — 8 200 руб.».

«В Карагинском районе с большим патриотическим подъёмом проходит сбор средств и вещей на восстановление героического Сталинграда и помощь жителям, пострадавшим от немецко-фашистских мерзавцев. Только за один день колхозники артели “Новая жизнь” села Кичиги собрали 25 000 руб., в том числе внесли: Макаров — 800 руб., Комарова, Влазнева, Шишкина — по 600 рублей. В артели “Турвинэ” (с. Тымлат) внесли 15 000 руб., тт. Суздалов, Черемянин и Лазарев сдали по 1 500 руб. каждый, Чечулина внесла 1 000 руб., тт. Лелюхин, Калинин и Исаев — по 600 руб. Сбор средств продолжается».

«Коллектив промысла Тигильского района, воодушевлённый наступлением Красной Армии, на состоявшемся недавно митинге (сентябрь 1943 г. — А. III.) взял на себя конкретные обязательства в работе и решил провести сбор средств на восстановление г. Харькова, чтобы быстрее залечить раны, нанесённые ему гитлеровскими псами. На 21 сентября рабочие и служащие промысла внесли 16 500 руб. Кочегар Коляда внёс на восстановление второй столицы Украины 250 руб., тт. Денисюк, Халин — по 250 руб. От рабочих не отстают и домохозяйки. Так, т. Пятак М. внесла 50 руб., тт. Моторкина и Быкова — по 30 руб. Сбор средств продолжается».

«Около 200 000 руб. собрали МОПРОВские организации для одного из детских домов Тульской области, в котором воспитываются дети, потерявшие родителей, замученных гитлеровскими палачами. Наиболее успешно прошёл сбор средств в Пымтинском и Митогинском рыбокомбинатах».

«Члены колхоза “Красный Октябрь” (село Ковран) продолжают оказывать помощь Родине и фронту... 8 ноября (1943 г. — А. Ш.) здесь прошёл с большим подъёмом митинг, посвящённый освобождению нашими войсками города Киева. На восстановление столицы Советской Украины здесь же, на митинге, колхозники внесли 1 720 руб. наличными и 5 800 руб. облигациями. В ответ на успешное наступление советских войск охотники этого колхоза взяли на себя новое обязательство: выполнить годовое задание по добыче пушнины к 26-й годовщине РККА».

«Во всенародный фонд обороны трудящиеся Карагинского района в 1943 г. внесли 1 894 489 руб. и на 2 077 980 руб. облигациями государственных займов. В том числе внесено наличными на восстановление г. Харькова 189 794 руб., г. Сталинграда — 67 672 руб.».

«С декабря 1944 г. в первичных организациях Осоавиахима Олюторского района с участием всех трудящихся начался сбор средств на восстановление Воронежской областной организации Осоавиахима».

«В 1943 г. организации МОПР Камчатки собрали 1 350 000 руб. деньгами, отправили детдомам Тарасовки, Тулы, Калинина, Сталинграда десятки посылок с одеждой, бельём, обувью и другими вещами. За первую половину 1944 г. мопровцы собрали 792 560 руб. Хороших результатов добились организации МОПР Корякского национального округа (председатель т. Красильникова). Первичные организации создали актив из домохозяек, широко развернули агитационно-массовую работу, проводят антифашистские вечера, беседы, устраивают концерты, сбор от которых перечисляют в фонд помощи детям-сиротам. МОПРовцы Корякского округа собрали только за полугодие 228 702 руб. За большую организационно-массовую работу тт. Красильникова, Рынийская, Ложников награждены грамотами крайкома».

Были, конечно, и грамоты, были и слова благодарности Верховного Главнокомандующего, за ратный труд в тылу — ордена и медали.

Но не ради наград люди не доедали, отдавали последнее, сбивали в кровь ладони на промысле и обработке рыбы, замерзали на охотничьих тропах. Все были едины в стремлении приблизить Победу, восстановить разрушенное, помочь пострадавшим. И для этого не жалели ничего. Назову ещё несколько цифр и фактов, свидетельствующих о патриотизме и трудовом подвиге северян.

В 1940 г. в Карагинском районе было добыто 73 503 ц рыбы, а улов 1946 г. составил уже 225 850 ц. В 1943 г. колхоз «Турвинэ» отправил в фонд Верховного Главнокомандования 50 тыс. пудов рыбы, добытой и обработанной сверх плана. Более чем втрое возросло за годы войны поголовье оленей на просторах Корякской тундры. Только оленеводы совхоза «Пареньский» дали стране и фронту сверх плана 100 ц оленьего мяса. Почти вдвое за годы войны увеличили добычу «мягкого золота» охотники округа.

Да, не ради званий и наград трудились все — от мала до велика. Но награды Родины находили достойных. Ордена «Знак Почёта» был удостоен председатель Корякского окружного исполкома М. М. Обухов. Председатель колхоза В. Е. Жиллов был отмечен медалью «За доблестный труд», бригадир рыболовецкой бригады Г. П. Степанова — медалью «За трудовую доблесть», директор базы Хайлюля И. А. Макаров — орденом Трудового Красного Знамени, охотник М. И. Зуев — орденом Ленина, связист П. Н. Кукишев — орденом «Знак Почёта».

Орденами и медалями были награждены также председатель колхоза «Турвинэ» Г. Д. Тарабарка, бригадир рыболовецкой бригады П. Н. Чернов, радисты Н. М. Бабенко, И. И. Коршунов, А. П. Хабарова, Ваччако Лектувьевич, П. П. Дьячков, А. М. Притчин, И. И. Калика. Сотни тружеников тыла Родина отметила медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...

Так было, есть... и будет? В поэтическом сборнике «Птицы-зарницы» Владимира Науменкова (Дальневосточное книжное издательство, 1985), замечательного поэта и человека, нашего земляка, явно безвременно ушедшего из жизни, немало прекрасных строк, посвящённых Родине. В них — кровная связь между прошлым и настоящим, поколениями и поколениями.

*Моя деревня — избы да дворы,
дорога по распаханному полю,
Солдаты-ветлы, сад для детворы
И выгон с подгоревшей муравою.
Но как убрать из памяти очей
Перед лицом таких простых понятий —
У речки ряд обугленных печей
И труб над ними каменных распятий?!
Соберутся вдовушки
Погрустят и выпьют:
Песенки — соловушки
Боль из сердца выльют...*

*...Вдовьими косынками
Нивы полыхали:
Матери косили,
Матери пахали.*

*Ты вынес всё, солдат-герой.
Три Славы — звание Героя,
А в памяти — сплошной огонь —
Погорячей любого боя.
И это не окопный бред
И не атака после бреда,
А нескончаемый рассвет,
Идущий и слепящий следом.*

*...Шатаются богатыри
Их лица вновь огонь хлестает...
За это, нет, уже не три —
За это памятники ставят.*

Но долговечнее и прочнее любых памятников память людская. Она или есть, или её нет. Она лишь дань чему-то или сущность бытия...

К сожалению, в истории Корякского национального округа страницы Великой Отечественной войны если не на задворках, то занимают очень скромное место. Даже в изданиях, приуроченных к очень знаменательным датам, например, к 60-летию округа, о 1941—1945 гг. всего несколько строк: «Мужественно преодолевая лишения военного времени, трудились в те годы рыбаки и рыбаки, оленеводы, охотники, работники колхозов и промышленных предприятий Корякии. Многие были награждены за трудовую доблесть орденами и медалями. Среди них И. Ф. Гуторов, Я. П. Голиков, В. В. Ахайми, И. Н. Русин, А. К. Воронин и многие другие».

Трудно, конечно, назвать всех тех, кто и в глубоком тылу в годы Великой Отечественной ковал Победу. Тех, о ком как о правофланговых труда сообщалось в газетах, рапортах и отчётах, докладах руководителей. О тех, кто отдавал последнее в фонд обороны, жертвовал всем, что имел, на строительство танков и самолётов, помощь освобождённым от врага районам, подарки командирам и бойцам Красной Армии — деньгами, облигациями, тёплыми вещами.

И все-таки давайте вспомним имена, фамилии хотя бы некоторых ветеранов трудового фронта Олюторского, Карагинского, Тигильского, Пенжинского районов. Возможно, кто-то в этих достойных глубокого уважения и признания списках, увидит себя, родные узнают близких, товарищи — друзей, знакомых по сороковым-фронтовым; дети — родителей, внуки, правнуки — дедушек и бабушек:

Егорова Е., резчица
Лилькова В.
Цибульник, бригадир рыбозавода
Попов, бригадир
Ильинский, бригадир
Кравченко

Нуталгин, бригадир
Солдатов, плотник
Марышев, бригадир
Куркина Т., рыбообработчица
Москвич, мастер
Фролова М., бригадир

Зверев, бригадир
 Виноградов, бригадир
 Бескровный, бригадир
 Вяльдин, рыбак
 Корнив, бригадир
 Альват, бригадир
 Ахайми, бригадир
 Вандакуров, плотник
 Алексеев Т., инженер
 Агинтокрав, председатель колхоза
 Лалулап, председатель сельсовета
 Силенко, директор рыбокомбината
 Жуков, бригадир
 Литвиненко, бригадир
 Чурзин, рыбак
 Курганова
 Марышев, председатель колхоза
 Нинвинаут, колхозник
 Емели, охотник
 Анапу, рыбак
 Тарасов, бригадир
 Калашников, бригадир
 Черепанов, директор рыбокомбината
 Ключников, рыбак
 Волков, зоотехник
 Наянов, оленевод
 Чечулин, оленевод
 Баранова, колхозница
 Горский
 Шклавцова, заведующая библиотекой
 Барановская, домохозяйка
 Докторова, рыбообработчица
 Кузнецов, рыбак
 Антонченко, директор рыбозавода
 Вихорев, директор рыбозавода
 Степанова Г. П., бригадир рыболовецкой
 бригады Карагинского рыбокомбината
 Чумаченко, рыбак
 Казаков, директор рыбозавода
 Горелов, рыбак
 Ребров, бригадир
 Мжельская, рыбообработчица
 Румянцева, рыбообработчица
 Барабанов
 Баринов
 Емельянов, шкипер
 Ендышева
 Чечулин Г. И., колхозник
 Уваров Н. М., рыбак
 Манаков, бригадир
 Запольский, бригадир
 Тюменцева, колхозница
 Тарабарка М. Т., колхозница
 Черемянин Я. А., колхозник
 Такьянин
 Волков, бригадир
 Беляев, бригадир
 Елисеев, рыбак
 Сахно
 Ткачёва
 Эгитко, колхозник
 Эвнаут, колхозница

Колмаков, директор моторно-рыболовной
 станции
 Эгерелтын, бригадир
 Цветков, плотник
 Чумадив, бригадир
 Кущенко, директор рыбозавода
 Чумаченко, директор рыбозавода
 Уваров Н., зам. председателя колхоза
 Никифоров, оленевод
 Семёнов, председатель сельсовета
 Парадный
 Бисеров
 Фисенко, машинистка
 Привалов, председатель колхоза
 Мартынова, рыбообработчица
 Матицин
 Ильин, бригадир
 Фролов, бригадир
 Левченко, рыбак
 Березин
 Кочесов, рыбак
 Власов, рыбак
 Рогачёва, рыбообработчица
 Селянская, рыбообработчица
 Дмитриева
 Игнатъев
 Татаринов
 Агафонов, бригадир
 Волкова
 Кузнецов Н. И., звеньевой
 Чечулин Н. П., рабочий
 Барыбин, бригадир
 Барыбин, колхозник
 Тарабарка И. Д., колхозник
 Тарабарка Н. Г., колхозник
 Шаталов Н. Д., колхозник
 Калинин
 Лелюхин
 Сидельников
 Филимоненко, бригадир
 Ветюгов, нормировщик
 Косыгин Ф.
 Шевцов
 Тарабарка, бухгалтер
 Шинкаренко
 Кияв Лиммикович, бригадир
 Запороцкая, бригадир
 Ложников, бригадир
 Айгит, бригадир
 Попов
 Черных К. Я.
 Морозов, колхозник
 Назаренко, председатель колхоза
 Гуторов, секретарь комсомольской организации
 Пак, заместитель председатель колхоза
 Ощепкова, колхозница
 Гуторова А., колхозница
 Правоверов П., колхозник
 Лагун, колхозник
 Селивёрстов
 Аникин
 Веренин

Дубинец
Беккерова
Волков, председатель артели
Миронов Н. Н., заведующий заготпунктом
Седова
Трапезникова
Симонова
Барыко
Кавав, колхозница
Федотов, бригадир
Соболев
Зими́на
Сочи́лина
Кауртаева
Гроровская, домохозяйка
Обухов М. М., председатель Корякского
окружного исполнительного комитета
Копылов
Наянов
Исаев
Лазарев
Бугоренко, бригадир
Левченкова
Гуторов
Лепёшкин
Лепёхин
Гуторов, председатель колхоза
Итек Ливкевич, бригадир
Моторина
Шмагин А. И., бригадир
Слободчикова Б. Г., бригадир
Никитина, фельдшер
Самоничев, учитель
Дубинец

Логвинова
Суздалов, бригадир
Горский, колхозник
Комплектов М. В., председатель колхоза
Шилов
Гуторов В., колхозник
Афанасьев, колхозник
Киченко, колхозник
Гольский
Полозня
Бекерев
Пономарёв, учитель
Пономарёва
Дунаева
Парфёнова
Морокова
Толстихина
Карпова
Самойлова
Вавупель, колхозник
Шмагин
Голодное
Еланцева, учительница
Гриднева
Кочин
Савва, охотник
Явнунин
Петров
Медведицина
Логинова
Сазыкин, охотник
Денисов
Ермачков, охотник
Магонин, охотник

В Палане, Тигиле, Оссоре, Тиличихах, Каменском, Тымлате, Хайрюзове, Сопочном, Морошечном, Анапке, Ивашке, Рекинниках, Седанке-оседлой и Седанке-кочевой, Караге — во всех сёлах и посёлках округа жили и трудились мужественные люди, патриоты малой родины и страны. Пожилые и молодёжь, русские и коряки, ительмены, чукчи, украинцы, белорусы, эвены, евреи, татары, корейцы — это была единая семья рыбаков, рыбообработчиков, оленеводов, охотников, врачей и учителей, строителей, моряков...

А в единстве, общих делах, помыслах и стремлениях — главная сила. Так было, есть. И будет?

Координаты параллелей и меридианов... В конце 1980-х гг. с бывшим в то время директором детской художественной школы в Оссоре В. А. Лазаревым добрались мы до Первой Кошки — места традиционных родовых рыбалок коряков из села Караги. Навсегда остались в памяти те дни и вечера: гостеприимство нымылан, их рассказы о былом, Зелёная сопка, рыбалка, костёр на берегу в ночи, уютная, тёплая землянка А. И. Чечулиной и А. С. Колегова.

С Акулиной Ивановной и Андреем Степановичем подружились особо, помогали им по хозяйству чем могли — сушняка навозили, нарубили для печки и костра побольше, поделились продуктами и банками из магазина, что брали с собой. Старики щедро угощали нас ухой и чаем, юколой, начинающей поспевать морошкой. Признали своими и относились как к родным. Когда уезжали, Акулина Ивановна, как я не отказывался, не сопротивлялся, заставила меня взять подарок — две трёхлитровые банки икры. Приготовленная в походных условиях икра оказалась высшего качества, без всяких добавок и консервантов хранилась дома с год, до самого отпуска.

Давно уже нет этих добрых стариков, замечательных людей. Но запомнились, остались их рассказы в долгие уютные вечера у костра. Когда-нибудь я обязательно подробно вернусь к ним, поведаю другим о том, что узнал, услышал.

Акулина Ивановна, в девичестве Лазукова, прожила большую, трудную и очень нужную людям жизнь. Пошла в школу в Воямполке в одиннадцать лет, ничего не понимая по-русски. На первых порах просто запоминала всё, что говорила учительница, страницами — тексты из книжек. Потом была школа в Тигиле, педагогическое училище в Петропавловске-Камчатском, потом работала учителем в Уке, Старой Караге. В 1935 г. вместе с мужем Наумом Григорьевичем Чечулиным перебралась на Карагинский остров в колхоз «12 лет Октября». Там прошли двадцать четыре года жизни.

В то время — предвоенное, военное, послевоенное, школьный учитель был, как говорится, и спец, и жнец, и на дуде игрец. Акулина Ивановна успевала всё: детей растила и учила, дома по хозяйству управлялась, сельсоветом руководила, приходилось работать и скотницей, в женской бригаде — на ловле трески, обработке лосося на рыбозаводе, на сельдевой путине в Анапке... Кстати, как работали тогда можно судить хотя бы по одной цифре: в 1943 г. только за один день на сельдевой путине в Анапке было добыто и обработано 12 000 ц рыбы. Медаль «За доблестный труд» — память и награда тех лет.

Вот с такой замечательной женщиной, каждая страница жизни которой — история народа, довелось мне познакомиться на Первой Кошке.

Я вспомнил о тех уже далёких днях ещё и потому, что узнал о добром начинании Алексея Жиркова. Как он сам представил себя: «ительмен по крови, врач-стоматолог по специальности, художник и поэт сорока лет от роду, вечный бродяга Великого Севера». «Вечный бродяга» возглавлял общественную организацию «Союз молодых аборигенов Камчатки». Вместе с коряком Михаилом Укипа, охотником, мастером по дереву, стропалем и их добровольными помощниками они начали очень важное и нужное дело — организовали работу детского этнографического лагеря «Корякское стойбище». А базой для лагеря выбрали именно Первую Кошку близ села Караги.

Здесь всё рядом — море, река, тундра, сопки и лес. Где, как не здесь, учиться тому, что знали и умели предки: бережно относиться к природе и пользоваться её дарами, выслеживать зверя, метко стрелять, рыбачить, поддерживать огонь в жилище, готовить еду, рукодельничать, выживать в одиночку в тундре, ходить на лодке по быстрой реке.

Сложна и далеко не всем по силам жизненная наука Севера, моря и тундры. Но в её основе — любовь к своей родине, упрочение корней, питающих силы каждого из нас, осознанная гордость за свою землю, свой народ, его историю и традиции.

Вот и подумалось — а почему бы жителям «Корякского стойбища» (мальчишкам, девчонкам с помощью их взрослых наставников) не подняться вверх по реке Караге на восемнадцать километров, не побывать на месте когда-то одного из самых населённых и богатых стойбищ Корякии — в селе Старой Караге, бывшей «столице» района. Именно здесь в зимнюю пору шумели многолюдные ярмарки, на которые съезжались олени и собачьи упряжки и с юга Камчатки, и с реки Пенжины, из сёл, стойбищ побережья Охотского моря, даже с Чукотки добирались гости в верховья Караги.

Особенно славились карагинцы своими батами — надёжными, лёгкими лодками-долблёнками, которые с помощью топора, огня, камней и горячей воды мастера делали, казалось бы, из совсем неподходящего для этого материала — стволов тополей. Но это было в позапрошлом веке, навыки мастеров-предков с уходом из жизни последнего аборигена Старой Караги Гаврилы Ивановича Никифорова почти утрачены. О прошлом напоминает лишь старый бат, переданный в Карагинский районный краеведческий музей стараниями В. А. Лазарева и автора этих строк.

А побывать в Старой Караге тем, кто действительно гордится историей родины, нужно. Ведь именно здесь покоится прах Андрея Савельевича Лукашевского, которого по праву считают организатором здравоохранения на Камчатке. Разыскать могилу с пятиконечной звездой на надгробье в зарослях ольхи и кедрового стланика ещё можно. Пока можно.

На карте и в жизни есть параллели, есть и меридианы. Пересекаясь, они определяют координаты, помогая тем самым не заблудиться и не потеряться в этом мире, сохранить для себя и потомков самое главное, а по большому счёту — святое. Эти параллели

и меридианы проходят и на географических картах, и в истории через наши сердца и души. Ведь у каждого из нас есть, должна быть родина малая — точка на карте, и Родина большая — Россия.

Неприметная в масштабах огромной страны Первая Кошка близ села Караги вполне имеет право на свои координаты — памятник тем, кто в очень уж далёком 1904 г. остановил здесь захватчиков-японцев, мечтавших о порабощении Камчатки.

Известно, что ещё до русско-японской войны начала прошлого века на Камчатке, а именно в Петропавловске, насчитывающим тогда всего 360 душ населения, оказался солидный арсенал оружия — четыре тысячи однозарядных винтовок системы Бердана и более миллиона патронов к ним. После начала войны оружие раздали всем, кто был готов и мог его носить.

В одном сводном отряде на юге Камчатки было 88 бойцов, и среди них только 17 — русские. «Остальные — камчадалы, тунгусы, коряки и орочоны, — рассказывал в замечательном историческом романе «Богатство» Валентин Пикуль. — История не сохранила нам их обликов. Можно лишь догадываться, как они выглядели»...

Охотники и рыбаки, каюры и зверобой — эти люди с малых лет возлюбили риск единоборства, их не пугали опасности. Кажется, что это о них, о питомцах русского Севера, ещё в древности писал велеречивый Петрарка: «Там, где дни облачны и кратки, там родится племя воинов, которому не больно умирать».

И еще раз обратимся к страницам исторического романа, рассказывающим о героической борьбе народного ополчения против захватчиков. «От самого устья Тигиля до мыса Лопатка всё лето (1904 г. — А. Щ.) подряд Камчатку трясло от частой пальбы — патронов не жалели. Ополченцы прибрежных деревень и стойбищ отражали каждую попытку японцев закрепиться на побережье. В Большерецке произошло уже настоящее сражение — там дружинники перебили всех налетчиков, факелом сгорела большая японская шхуна.

Выискивая слабейшие места в обороне, японцы решили высадиться на самом севере Камчатки, в безлюдном и суровом Карагинском краю, где жили безграмотные коряки и камчадалы — прямые потомки первых русских землепроходцев, осевших здесь со времён Дежнёва и Атласова. Камчатские патриоты наголову разгромили японский десант, и лишь пять захватчиков с трудом добрались до шхуны вплавь, остальных добили меткие выстрелы. В Токио никак не ожидали, что пустынная Камчатка ответит пулями из-за каждого камушка, ответит залпами из гущи диких шеломайников. Японская военщина замыслила операцию по захвату Командорских островов — совсем уже беззащитных, благо там проживали лишь три сотни алеутских семей (а здешние богатства котиковых пастбищ и последние каланы давно уже привлекали самураев).

Рано утречком, когда жители ещё спали, японцы высадились на архипелаг. Японский офицер, потрясая саблей, поведал алеутам, что отныне Командоры — земля священного микадо, в честь чего над островами был поднят японский флаг. Алеуты — люди спокойные: они дождались ветра с дождиком, а потом нанесли захватчикам удар такой убийственной силы, что самураи вверх тормашками закувыркались с островов в море...»

Бой на севере Камчатки в нынешнем Карагинском районе, о котором поведал Валентин Пикуль, проходил в устье реки Караги, именно на Первой Кошке корякские ополченцы встретили вражеский десант огнём, ни один из захватчиков не ступил на землю аборигенов. Японцам не удалось подняться вверх по реке, разграбить село, о богатстве которого они, конечно, были наслышаны немало.

Да, Первая Кошка — точка на карте вполне достойная того, чтобы здесь был памятник, пусть не из гранита и мрамора, а из обычных камней, набрать окрест которых, свезти в одно место по силам даже «Корякскому стойбищу». Пусть каждый школьник Караги положит здесь хотя бы с десяток камней в память о героических предках, о том, что если «Кто к нам с мечом придёт...»

Я надеюсь и верю, что не только в юбилейные годовщины Победы в Великой Отечественной войне в каждом селе, посёлке края, в школах, домах культуры, в семьях северян — всюду пересекутся исторические параллели и меридианы.

Память о павших, сражавшихся в боях с фашизмом и тех, кто ковал Победу в тылу, обо всём, чем мы вправе гордиться, это координаты нашей причастности к большой и малой истории, неразрывной в своём единстве. Истории малой родины и единой Родины для нас — России.

С. В. ГАВРИЛОВ

ПОЛИТДЕЛА ПОЛИТОТДЕЛА

(Быт, нравы и политико-моральное состояние моряков транспортного флота по материалам политотдела Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства, 1950—1956 гг.)

Политотделы на морском транспортном флоте появились в середине 1930-х гг. на основании решений ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 15 марта и 5 мая 1934 г. «О перестройке работы флота, планировании перевозок и улучшении работы на водном транспорте». 19 апреля 1934 г. ЦК ВКП(б) своим постановлением ввёл в действие «Положение о политотделах водного транспорта».

По утверждению изданного в 1953 г. «Советского энциклопедического словаря», политотделы создавались «в целях усиления руководства и политической работы... на отдельных участках социалистического строительства, приобретающих особо важное значение для народного хозяйства СССР». Они действовали на основе особых инструкций, утверждавшихся ЦК партии, по мере выполнения своих задач могли ликвидироваться или превращаться в обычные партийные органы. При их создании и в работе учитывался опыт войсковых политотделов времён гражданской войны 1918—1922 гг.

Осенью 1940 г. флотские политотделы были упразднены. Они вновь появились во время Великой Отечественной войны, когда советские моряки всё чаще и чаще стали ходить за границу, доставляя оттуда грузы союзнической военной помощи. В 1943 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило воссоздать политическое управление Наркомморфлота СССР для «улучшения руководства политическими отделами пароходств, усиления политической и культурно-воспитательной работы среди моряков и особенно экипажей заграничного плавания...» Главными задачами политуправления, а также политотделов пароходств и судовых помполитов должны были стать: «а) воспитание работников морского флота в духе советского патриотизма, беззаветной преданности социалистической родине и строжайшего соблюдения государственной и трудовой дисциплины; б) всемерное улучшение дела подбора кадров на флот, особенно на суда заграничного плавания, повышение политической бдительности в партийных организациях и среди руководящих работников флота... г) овладение техникой и хозяйством морского дела».

Политотделы систематически собирали и обобщали сведения о настроениях тружеников и их окружения, их отношении к действиям властей. На основании полученных данных принимались решения, с одной стороны, учитывающие господствовавшие в обществе настроения, а с другой — следовавшие в нужном для властей направлении. Так обеспечивалась известная связь власти и общества. Знание настроений людей помогало избегать открытого проявления недовольства и управлять их политическим сознанием, вводя его в выгодное властям русло. На политотделы возлагались и немалые воспитательные функции — ещё бы, ведь шло активное формирование «новой исторической общности — советского народа» и было объявлено о предстоящем построении коммунистического общества. Движению же по этому пути препятствовали «пережитки прошлого», такие, например, как пьянство, стяжательство, «мещанство» и прочие, с которыми следовало неуклонно бороться.

Основной формой связи судовых помполитов с политотделом являлись так называемые «политдонесения», составлявшиеся по особой форме. Политдонесения включали следующие пункты: 1. Задачи судна и их выполнение. 2. Организационно-партийная работа. 3. Пропагандистская работа. 4. Агитационная работа. 5. Культурно-массовая работа. 6. Руководство комсомольской организацией. 7. Руководство

профсоюзной организацией. 8. Состояние дисциплины. 9. Замечания. В последний пункт вносились записи вроде: «В целом экипаж судна здоровый, способный выполнять любые задания. Однако есть члены экипажа, которые проявляют элементы малодушия, неверия в свои собственные силы, что приводит к созданию вокруг судна нездоровой репутации...» и им подобные. Сам политотдел периодически отчитывался перед политуправлением Министерства морского флота (ММФ) СССР.

При начальнике политотдела в присутствии ведущих специалистов управления пароходств и старшего командного состава судов регулярно проходили совещания, обычно на тему «О состоянии политико-воспитательной работы на таком-то судне» или ей подобную. Протоколы и стенограммы этих совещаний являются интересными источниками сведений о реальной, а не декларируемой, например, газетными статьями и лозунгами, жизни судовых экипажей.

Официально деятельность политотделов пароходств была направлена на создание и укрепление первичных судовых парторганизаций, подбор и расстановку командных кадров, руководство комсомольской молодёжью, контроль производственной деятельности. Штаты политотделов включали начальника, его заместителя, помощника по комсомолу, инструкторов, секретаря, библиотекаря, заведующего парткабинетом, сотрудников редакции бассейновой газеты. В состав политотделов также входили первые помощники капитанов (помощники капитанов по политической работе, или помполиты), имевшиеся на самых крупных пароходах, в том числе пассажирских, и обязательно на судах, выполнявших заграничные плавания.

По состоянию на 10 декабря 1953 г. помполитами на судах Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства (КЧГМП) состояли: Г. И. Воробьёв (пароход «Красноярск»), К. К. Норенко (пароход «Александр Пушкин»), В. Ф. Копытов (пароход «Хабаровск»), Е. Л. Орлов (пароход «Якутск»), П. Н. Ковригин (пароход «Шексна») [1, л. 12].

Политотдел КЧГМП до 1957 г. действовал под руководством политуправления ММФ СССР, обладавшего немалыми правами отдела ЦК КПСС. В 1957 г. решением ЦК все ведомственные политотделы, кроме воинских, были упразднены.

Ниже приведены эпизоды, характеризующие деятельность как самого политотдела КЧГМП, так и подведомственных ему «первичек», то есть судовых партийных и комсомольских организаций. Здесь показаны разные стороны жизни экипажей, в том числе и далеко не парадные, которые обычно не находили отражения в документах, характеризовавших производственную деятельность судов. Из них читатель сам можно составить представление о том, в каких бытовых и общественно-политических условиях пребывали моряки, осваивавшие суровые прикамчатские воды в начале и середине 1950-х гг.

1950

20 февраля приказом начальника политуправления ММФ СССР В. И. Румянцева начальником политотдела (начПО) КЧГМП назначен М. А. Кошелев [2, л. 134].

Май. В конце месяца, спустя год с начала работы пароходства, началось формирование личного состава его политотдела. 25 мая М. А. Кошелев подписал свой первый приказ [3, л. 1].

Июль. Укомплектован основной состав политотдела. Тогда же начал складываться коллектив его печатного органа — бассейновой газеты «Камчатский моряк».

7 августа заместителем начальника политотдела назначен М. И. Николаев [3, л. 8—15].

10 августа вышел первый номер «Камчатского моряка». Всего же до конца года свет увидели 49 номеров, печатавшихся дважды в неделю [4, л. 1]. Первый состав редакции проработал недолго. Уже 5 и 6 октября лектор политотдела подал начПО рапорты на двух своих коллег, которые, по его словам, пьянствовали, прогуливали и поставили под угрозу выпуск газеты, «один из них занимался недостойным поведением». Обоих уволили [3, л. 24—26].

Вскоре за ними последовал ещё один сотрудник редакции. В отчёте политотдела в высшие инстанции по этому поводу сообщалось: «За время, прошедшее с начала выхода в свет первого номера газеты, политотдел был вынужден отказаться от услуг трёх работников... Все трое пьяницы, недостойные работать в партийном органе.

В настоящее время газета выпускается двумя работниками: лектором политотдела Кострицыным и молодой журналисткой Капитоновой. Несмотря на все усилия, до сих пор на месте не удаётся подыскать хотя бы минимально грамотных газетчиков.

Газета не имеет своей типографской базы. В той типографии, где газета печатается ныне, к выпуску «Камчатского моряка» относятся безответственно. Плохо набирают материалы, плохо вычитывают, плохо печатают, часто газета выходит исключительно по вине типографии с опозданием, часть тиража, как правило, бывает с бракованными оттисками. Более половины времени у сотрудников редакции уходит на возню с типографией. Часто для того, чтобы выпустить очередной номер, тратятся вечера и ночи.

Работники типографии не только не заинтересованы в выпуске нашей газеты, но считают это за обузу, от которой всеми мерами стараются отделаться, несмотря на то, что за выпуск каждого номера пароходство оплачивает 500 руб...» [4, л. 20—21].

Декабрь. Подготовлен первый отчёт политотдела. Значительная его часть посвящена отрицательной оценке деловых качеств действующего начальника пароходства. «Косность к внедрению новых методов труда в эксплуатации флота и беспечное отношение... к порученному делу создали в пароходстве обстановку благодушия и угодничества. В течение истекшей навигации... не ставил перед областными организациями вопрос об устранении недостатков, мешающих в работе пароходства. Он ни разу не выступил на пленумах и активах обкома и горкома ВКП(б) с критикой недостатков в работе клиентуры... Вместо устранения своих недостатков... в результате высокомерия стал противопоставляться партийным органам, а затем скатился на путь систематических пьянок с подчинёнными на квартире, а затем выпивки на судах с капитанами».

Политотдел самокритично признавал свою вину, состоявшую, по его мнению, в том, что он «медленно вникал в глубину всех вопросов жизни пароходства, и на этой основе своевременно не вскрыл отрицательное лицо... как руководителя» [4, л. 4]. Возможно, что такая нелестная характеристика, данная первому начальнику КЧГМП, и стала одной из причин снятия его с должности, последовавшего 14 сентября 1951 г.

А вот ещё один штрих из политотдельской переписки, показывающий бытовые условия, в которых пребывали рядовые работники пароходства. Они размещались в общежитиях на двухъярусных койках, словно солдаты в казармах. Три с половиной десятка портовых грузчиков жили в летних брезентовых палатках, в том числе шесть семей с детьми [5, л. 17].

1951

16 января старший механик парохода «Якутск» обратился к капитану с рапортом о том, что второй механик «явился на судно в десять часов утра в нетрезвом состоянии, таким образом, совершил прогул в течение двух часов». Стармех требовал у капитана «принять соответствующие меры дисциплинарного взыскания» к механику «за совершённый прогул и появление на судне в нетрезвом состоянии» [6, л. 15].

В объяснительной записке второй механик указал, что 15 января после работы с разрешения стармеха и вместе с ним ушёл с судна, стоявшего на рейде, на берег по льду. По его словам, он договорился со стармехом о том, что придёт к восьми часам утра следующего дня. Третьего механика попросил, чтобы тот, если он из-за ледовой обстановки не сможет вовремя добраться до судна, поставил на работу кочегаров и машинистов.

Рано утром 16 января механик вышел из дома. Подойдя к берегу, увидел, что лед вокруг «Якутска» сломан прошедшим недавно буксиром, попасть на судно нельзя. Дождавшись, когда пароход встанет к причалу судоремонтного завода, он направился к проходной. На завод его не пустили, «так как в проходной не было судовой роли». Пришлось отправиться в агентство КЧГМП за отношением. До судна добрался к десяти часам утра. «Придя на судно, я, хотя и был немного с похмелья, но работал до конца рабочего дня. Машинная команда занималась мойкой и уборкой в машинном отделении и уборкой угля с палубы в бункер» [6, л. 14].

Экипаж «Якутска» насчитывал 44 моряка. Согласно «Справке о состоянии политико-воспитательной и культурно-массовой работы среди экипажа парохода «Якутск», составленной 13 февраля 1951 г., на судне имелись два коммуниста: второй помощник

капитана и уже известный нам второй механик. Комсомольская организация насчитывала 11 членов. Её возглавлял комсорг, судовой токарь.

Механика осудили за прогул. В соответствии с действовавшим Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», принятым ещё 26 июня 1940 г., лица, самовольно покинувшие место работы или совершившие прогул, отдавались под суд. По его приговору их могли направить на исправительно-трудовые работы по месту основной занятости на срок до шести месяцев с удержанием до четверти заработка или даже подвергнуть тюремному заключению. Суды того времени долго не рассусоливали, рассматривали дела о наказаниях в двухнедельный срок и немедленно приводили приговоры по ним в исполнение.

Судебные дела по подобным случаям открывались с подачи руководителей организаций и предприятий, в том числе и капитанов. Некоторым из них даже предъявлялись обвинения в том, что они «укрывают» от суда нарушителей дисциплины. То есть во многом решение судьбы конкретного труженика зависело, например, от расположения или настроения его прямого начальника. Отдельные капитаны, скажем так, иногда злоупотребляли своими полномочиями, в том числе сводя личные счёты.

Наказаниям из-за подобных «прогулов» подверглось немало моряков. Так что в документах, касающихся многих впоследствии заслуженных людей, можно найти сведения о привлечении их к суду за «нарушение труддисциплины». Указ от 26 июня 1940 г. перестал применяться по факту с 1954 г., официально же был отменён в 1956 г.

«Не удалось выяснить истинной причины, которая послужила тому, что капитан... отдал под суд, якобы за прогул, бывшего парторга судна, одного из двух коммунистов, пользовавшегося авторитетом и уважением у членов экипажа». После осуждения второй механик «самоустранился от помощи комсомольской организации, от руководства политико-воспитательной и общественно-массовой работой в коллективе».

Второй механик, 1906 г. р., член ВКП(б) с 1938 г., работал на «Якутске» с июля 1949 г. В апреле 1950 г. был избран секретарём судовой парторганизации. «В партийной и общественной жизни принимал активное участие. Организовал на судне самодеятельность, в которой лично принимал активное участие». В быту оказался по характеристике, подписанной начПО, «неустойчив, допустил ряд оморальных проступков». За эти «оморальные поступки» партсобранием он был вначале снят с должности парторга «с объявлением строго выговора без занесения в учётную карточку», затем исключён из партии, привлечён к уголовной ответственности и осуждён. «На все случаи недостойного поведения... политотдел своевременно реагировал и предупреждал его об ответственности перед партией и государством. Однако из этих предупреждений... не сделал для себя соответствующих выводов» [6, л. 71].

Между прочим, упомянутая выше «Справка...» сообщает нам: «На судне нездоровая обстановка. Причиной этому служит, в первую очередь, капитан... Он груб с подчинёнными, часто действует окриком с употреблением площадной ругани. Капитан не осуществляет своей авангардной роли, согласно уставу (службы на судах морского флота. — С. Г.), в деле руководства политико-воспитательной работой, социалистическим соревнованием и технической учёбой моряков...» [6, л. 1].

20 февраля заседали коммунисты парохода «Бухара». Они размышляли, как улучшить показатели работы судна. Этого можно было добиться, например, изучением и внедрением опыта собственных стахановцев и моряков, заслуживших звания лучших по профессии. Следовало разобраться, «каким путём они добились качества в работе и выполнения и перевыполнения своих индивидуальных сообразительств». Решили: заслушать «отдельных товарищей», как они добились «своего выполнения, и способ их работы на вахте у руля или котла». Из их выступлений другие члены экипажа смогли бы «почерпнуть и учесть, в чём были их упущения в невыполнении сообразительств» [7, л. 27].

Трудовой энтузиазм моряков сдерживался невыплатой с начала года зарплаты их семьям, попавшим в тяжёлое положение. 21 февраля 1951 г. пребывавший на «Бухаре» в служебной командировке помощник начПО по комсомолу Ю. А. Милёхин радиро-

вал в политотдел: «Стыдно смотреть в глаза команде... Находимся в районе Пымты. Крепко зажаты льдом, вместе с которым дрейфует. Работа машины безрезультатна. Всё зависит от погоды. Мороз свыше двадцати» [7, л. 9].

Экипаж «Бухары» оценивался как дружный, организованный, способный решать сложные задачи и преодолевать любые трудности. Командный состав был отлично подготовлен. Хорошим специалистом и «растущим работником» считался старший помощник капитана Б. И. Тупица. «Дед» Ц. С. Флейшман «хорошо знает своё дело, пользуется авторитетом среди личного состава и командного состава судна», но «своими знаниями бравирует, недружно живёт с капитаном». Кстати, о капитане. Судном командовал С. П. Беляев. В «Справке о состоянии политического воспитания на пароходе “Бухара” с 8 по 28 февраля 1951 г.» он охарактеризован так: «Имеет большой опыт работы, передаёт этот опыт своим подчинённым. Экипаж уважает его за возраст, полному авторитету мешает его боязнь риска на море, что отрицательно сказывается на выполнении плана грузоперевозок» [7, л. 23].

Насчет «боязни риска». Тут проверяющий, похоже, что-то недопонял. Капитан Беляев был известен всему советскому морскому флоту как мужественный человек. 4 ноября 1942 г. возглавляемый им пароход «Декабрист», входивший в состав конвоя, перевозившего грузы военной помощи, в Баренцевом море был атакован немецкой авиацией. Судно погибло, уцелевшие моряки в течение десяти суток на продуваемых ветрами и заливаемых ледяной водой шлюпках дрейфовали в открытом море, пока не пристали к небольшому необитаемому каменистому острову Надежды. На нём они в невероятно тяжёлых условиях прожили почти год, пока не были взяты нацистами в плен и препровождены в концлагерь в Норвегию. В лагере моряки терпели нужду, трудились на каторжных работах и подвергались издевательствам до конца войны. Они показали настоящий пример мужества. Так что умудренный жизнью пятидесятишестилетний моряк с более чем тридцатилетним опытом плавания не боялся рисковать. Он просто не делал этого без крайней необходимости. (Именем капитана Беляева, скончавшегося в 1952 г., названы улица в г. Петропавловске-Камчатском и пассажирский паром.)

4 июля в политотделе состоялось совещание, посвящённое работе «Камчатского моряка». Подобные «разборы полётов» проходили регулярно, и это не случайно: печатное слово в то время было большой силой. От него во многом зависели итоги идеологического воздействия на тружеников и население. Совещание отметило большие недостатки: «Некоторые факты освещаются неправильно, искажаются фамилии, приписывают морякам то, что они не делают... Нужно, чтобы работники редакции систематически совершенствовали свои знания о морском флоте, знали морскую терминологию. Плавсостав участвует в работе слабо, сообщений с судов печатается мало».

С самокритикой выступила молодой литсотрудник Т. Н. Капитонова: «Работаю я в редакции с первого номера газеты и только недавно узнала о том, что вкрадывались в мои материалы неточности и искажения. Мы можем работать лучше».

Заведующий редакцией отметил, что его сотрудники недостаточно «отделяют» материалы, поэтому-то они получаются стандартными, похожими один на другой. «Побывав на судне или в порту 30—40 минут, литсотрудник несёт и сразу сдаёт три-четыре заметки. Материал был бы куда интересней, если бы сотрудник побыл на судне день-два, как следует поработал над материалом и тогда сдавал его секретарю. Необходима своя типография. Это обеспечило бы нам регулярный выпуск газеты».

ЗамначПО рекомендовал литсотрудникам теснее взаимодействовать с редколлегиями судовых стенгазет: «Чтобы писать о людях, нужно знать хорошо их работу, изучать её, иметь с людьми связь, нужно оживлять работу корреспондентских постов на каждом судне...» [8, л. 50—51].

9 августа на закрытом собрании ячейки ВКП(б) парохода «Якутск» присутствовали пять партийцев. Они тоже собрались, чтобы принять своего товарища в кандидаты партии. С таким заявлением обратился помощник капитана комсомолец Анатолий Чернеев. Вначале собрание ознакомилось с его анкетными данными. Здесь всё было в порядке. Затем прозвучал вопрос: «Кто рекомендует?» Таковыми оказались судовой помполит И. А. Митрошин, помощник начальника политотдела по комсомолу

Ю. А. Милёхин и Петропавловский городской комитет ВЛКСМ. Что же, это была авторитетная поддержка.

Начали высказываться. Отзывы о кандидате были только положительные: «Работаю с тов. Чернеевым с декабря 1950 г. и знаю его только с хорошей стороны». «Знаю тов. Чернеева с февраля месяца. За время совместной работы с тов. Чернеевым, он проявил себя как дисциплинированный товарищ, проявивший себя как активно участвовавший в общественной жизни судна. Рекомендую принять тов. Чернеева в кандидаты ВКП(б)». «Знаю Чернеева мало, но за время работы он проявил себя как активный комсомолец, растущий товарищ. Я рекомендую принять тов. Чернеева в кандидаты ВКП(б)».

На этом и остановились. За постановление принять молодого штурмана кандидатом в члены ВКП(б) единогласно высказались все пятеро присутствовавших [6, л. 73]. Теперь нужно было дожидаться утверждения этого решения Петропавловским горкомом ВКП(б)... Остаётся лишь добавить, что молодому штурману Анатолию Чернееву, будущему Герою Социалистического Труда, ещё только предстояло вписать много славных страниц в историю камчатского морского транспортного флота.

22 августа завершился очередной рейс грузопассажирского парохода «Хабаровск». Его помполит докладывал: «...в отношении выпивки в этом рейсе вообще нужно признать, что дело обстояло неблагополучно. В рейс до Паланы было взято 750 пассажиров, в обратный рейс — более 500 чел. В связи с неблагоприятной погодой эта погрузка отразилась на экипаже, потому что почти в каждой каюте, не исключая и комсостава, оказывались пассажиры, которые в виде “благодарности” угощали отдельных товарищей, а со стороны администрации мер никаких принято не было.

Вторая причина зависела от директора ресторана, который занял совершенно неправильную линию. Несмотря на приказ капитана о запрещении продажи спиртных напитков, таковым продавались беспрепятственно, а на моё категорическое предупреждение о недопустимости продажи спиртных напитков экипажу, он заявил: “Спаивал и буду спаивать команду, а ваше дело её воспитывать”. Я прошу поставить политотдел вопрос о замене этого директора...» [9, л. 120].

31 октября очередное донесение подписал помполит «Шексны» В. Г. Гатальский. На судне только что прошло собрание, проверявшее ход выполнения партийных поручений. Оно, по словам помполита, свелось «к стычкам и репликам» между старшим механиком и парторгом. Выяснилось, что стармех не сдал механизмы на «социалистическую сохранность» и не прочитал своим подчинённым запланированную лекцию на тему «Передовые методы труда на морском флоте», ссылаясь на «необъективные причины». К тому же он допускал «выпады на судовых собраниях против отдельных моментов выступлений» парторга, чем подрывал его авторитет, да делал замечания председателю судового комитета, который и так-то не мог, как следует, проводить собрания, а после выпадов стармеха совсем терялся. Мало того, стармех во время бесед в кают-компании подрывал авторитет самого политотдела, заявляя, например, «что не было при пароходстве политотдела, так работа шла хорошо, а появился политотдел, так работать стало нельзя...» [10, л. 15].

1952

20 января заседала партиячейка парохода «Якутск». Её секретарь доложил собравшимся о том, что коммунист С. во время стоянки судна во Владивостоке в декабре ушёл на берег на двое суток и не явился к отходу, так как был пьян. Товарищ решили послушать С. и узнать причину «его отставания».

Провинившийся рассказал: «В течение всего летнего периода я не был на берегу. Когда пришли во Владивосток, первых три дня я никуда не ходил. По служебной необходимости (за лампочками) мне нужно было сходить на берег 17 декабря, куда я и ушёл в 14 часов дня после окончания выгрузки и до начала погрузки. В Главке я не застал нужных мне людей, просидел там. К этому времени стало темно, и я решил остаться в городе, чтобы с утра заняться делами. На другой день я также не нашёл нужных мне товарищей и вечером отправился на судно, но опоздал на переправу и попал на причал только утром 19 декабря, когда судно уже ушло. За тридцать лет плавания это у меня первый случай отставания, и в дальнейшем этого у меня не будет».

Первым слово взял парторг: «За время работы С. на судне нарушения партийной дисциплины у него имелись неоднократные. Много с вами беседовали, вы обещали исправиться, бросить пить, выполнять свои партийные поручения. И что же мы видим? В Петропавловске вас пьяного раздевают, во Владивостоке в пьяном виде вы отстаёте от судна. Зная о том, что судно находится в стахановском рейсе, когда весь экипаж охвачен единым желанием: выполнить задание, вместо того, чтобы, как коммунист, помочь ещё лучше организовать работу, вы совершили тяжёлый поступок. О вашей работе, как ответредактора (судовой стенгазеты. — С. Г.), можно прямо сказать, что ничего не делаете, хотя на партсобрании вам это уже указывалось, и вы продолжаете не выполнять партийные поручения. Над повышением своего идейно-политического уровня не работаете, даже конспекта на занятиях не ведёте. В своём выступлении говорите неискренне, не как член партии, не желаете признать своих ошибок. Вернувшись в Петропавловск, вместо того, чтобы прийти на судно, объяснить своё отставание, вы опять напились. Вам, старому коммунисту, не к лицу такое поведение».

Парторг предложил за неоднократное появление на судне в нетрезвом виде и невыполнение партийных поручений объявить С. строгий выговор с занесением в личное дело.

Один коммунист возмутился неискренностью товарища: «Своим поведением С. поставил судно под угрозу срыва рейса и сейчас, на собрании, ошибки своей не признаёт. Я поддерживаю предложение». «С. в своём выступлении высказался неискренне. Если напился, то так и скажите, что напились, а то причины отставания так и не сказали. Но, учитывая, что С. признаёт свою ошибку, я предлагаю объявить ему выговор без занесения в личное дело».

Напоследок С. заявил, что «это произошёл со мной печальный случай, в дальнейшем со мной этого не повторится, и я исправлю свои ошибки» и добавил, что ранее никаких партвызысканий не получал.

Собрание постановило: «Тов. С., члену ВКП(б), за неискренность на собрании, появление на судне в нетрезвом состоянии и невыполнение партпоручений — объявить выговор с занесением в личное дело и просить бюро Петропавловского горкома ВКП(б) утвердить данное решение» [6, л. 86—87].

7 февраля завершила работу выбранная общим комсомольским собранием теплохода «Сергей Тюленин» комиссия по «выявлению бытовых условий молодых моряков». Вот что она доложила товарищам: «Организация коллективного питания не совсем удовлетворительная в смысле нехватки в ассортименте продуктов свежих овощей, свежего мяса. На судно поступают продукты одного сорта. Так, в январе и феврале одних каш насчитывается до десяти сортов из трех-четырех культур.

Помещение столовой команды, кают-компания, камбуз находятся в удовлетворительном санитарном состоянии.

Работа комиссии общественного контроля проводится не систематически, меню очень редко составляется в присутствии представителя комиссии общественного контроля, не проводится проверка выдаваемых продуктов и их закладка в котёл, не производится проверка качества изготовления пищи экипажу. Комиссией не производится также осмотр санитарного состояния мест общественного питания.

Камбуз, камбузное имущество поддерживается в удовлетворительном санитарном состоянии. Не чувствуется недостатка имущества на камбузе.

В столовой команды и кают-компании нет совершенно супниц, а вместо них применяются эмалированные кастрюли, не хватает ложек в столовой, вилок в кают-компании. Так, в столовой команды второе блюдо подается в посуде из-под первого блюда. На двадцать человек команды имеется только семь мисок, пять столовых ложек, три чайных, две хлебницы, семь кружек, один чайник. Совершенно отсутствуют солонки, сахарницы, столовые ножи, вилки. Сахар, масло, соль подаются в мисках. В кают-компании не хватает столовых и чайных ложек, стаканов.

Постельного белья хватает на три смены. Наряду с этим недостаёт семи подушек, нет совершенно чехлов на матрацы, на диваны, нет постельных штор, не хватает иллюминаторных штор, нет ни скатерти на столы, нет салфеток.

Спецодеждой команда снабжена не полностью. Так, имеется всего два тулупа, не хватает резиновых сапог, валенок, нет совершенно рабочих рукавиц, ботинок кожаных, комбинезонов.

Культурно-физкультурного инвентаря имеется: сменная библиотека, две партии шахмат, одна партия шашек, 80 граммофонных пластинок. Музыкальных инструментов нет.

Форменным обмундированием снабжены только два человека. Зарплата выплачивается регулярно в первой половине месяца...

Нужно особо отметить, что молодёжь не уделяет достаточно внимания своему быту. Так, в каютах мотористов зачастую можно встретить грязную одежду, брошенную посреди каюты, грязь на переборках, на палубе. Некоторые мотористы носят своё рабочее платье грязным, никогда не мытым. Однако все молодые моряки в свободное от работы время одеваются опрятно, чисто. В несколько лучшем состоянии находятся помещения матросов. Стоит указать, что всем молодым морякам надлежит лучше смотреть за чистотой в своих каютах, коридорах.

Красный уголок является излюбленным местом сбора молодых моряков на ходу судна.

В расходовании личного бюджета (зарплаты) не замечается ненормальностей, исключая редкие случаи употребления спиртных напитков».

27 февраля к исполнению служебных обязанностей приступил новый начПО капитан морского флота 2-го ранга Н. Т. Екимцов, назначенный приказом политуправления ММФ СССР № 12 от 25 января 1952 г. [11, л. 96].

19 марта ночью исчез боцман теплохода «Углегорск». По словам капитана, он, нетрезвый, «до 24.00 находился в трансляционном узле, проигрывая судовые пластинки». Обнаружив исчезновение, обыскали судно, моряка не нашли и решили, что тот сошёл на берег. Теплоход простоял около суток, но тот так и не пришёл. Теперь решили, что он упал за борт. О произошедшем сообщили портовым властям Невельска, где стоял теплоход, передали милиции его паспорт и военный билет. Наступил апрель, но никаких сведений о боцмане пароходство так и не имело... [12, л. 40].

10 мая Н. Т. Екимцов подписал отчёт политотдела за 1951 г. Он был направлен в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, то есть тогдашнего второго человека в стране и партии после самого И. В. Сталина. С учётом высоты положения адресата можно предположить, что сведения, приведённые в документе, точно отражают действительное положение дел в пароходстве.

«...Состояние дисциплины на флоте неудовлетворительное. За 1951 г. учтено 184 случая нарушения трудовой и государственной дисциплины, в том числе среди начальствующего состава 70 случаев. 46 чел. привлечены к уголовной ответственности и осуждены народным судом по разным причинам, из них 16 чел. — к тюремному заключению.

Имели место чрезвычайные происшествия. На пароходе “Шексна” повесился старший помощник капитана Ш., по неизвестным причинам на пароходе “Бухара” утонул старший механик, умер от отравления спиртом матрос П. 19 марта 1952 г. боцман теплохода “Углегорск” К., член ВКП(б), секретарь парторганизации, во время погрузки судна в порту Невельск в ночное время пропал бесследно. Причины исчезновения пока не установлены...

Аппарат управления пароходства засорён бездельниками, рвачами, склочниками и малоспособными людьми, мешающими плодотворной деятельности флота. Так, в течение двух лет состоит на должности главного диспетчера Л., который не разбирается ни в руководстве, ни в эксплуатации судов, ни в учёте работы морского флота, невыносимый бюрократ, парализует нормальную работу пароходства, создаёт недовольство плавсостава. По этим мотивам ранее неоднократно освобождался от должности в г. Владивостоке, на Сахалине и Камчатке. Из Ленинградского морского училища был изгнан за ростовщичество...

...Начальник финансового отдела пароходства П. сочетает в себе качества бездельника, подхалима, бюрократа и путаника в финансовых делах. Его деятельность тормозит работу флота, финансовый учёт им настолько запущен, что трудно в нём разобраться...»

Информируя высшую партийную инстанцию — ЦК ВКП(б) — о недостатках работы управления пароходства, начПО воздерживался от выводов о личности нового начальника пароходства П. С. Черняева, вступившего в должность 25 октября 1951 г., утверждая, что «всемерно поддерживает его авторитет». На встречах руководства КЧГМП с секретарями Камчатского обкома и Петропавловского горкома ВКП(б) было принято обоюдное решение «по очищению аппарата управления пароходства и дальнейшей связи с местными партийными органами...» Попутно политотдел просил поддержать ходатайство начальника пароходства в ММФ СССР об усилении строительства жилья, «так как положение с жильем крайне тяжёлое. Достаточно сказать, что только пятнадцать семей из числа плавсостава имеют квартиры...» [4, л. 52—54].

24 июня состоялось заседание политотдела с повесткой «О состоянии политико-воспитательной работы на теплоходе “Любовь Шевцова”». С докладом выступил капитан судна: «Позвольте мне быть кратким. У меня будет только одно заявление, что мы политико-воспитательную работу проводили постольку, поскольку умели. Вне всякого сомнения, что на каждом общем собрании вопрос о трудовой дисциплине стоял. Больше мне нечего доложить вам. Об остальном, я полагаю, что доложат мои офицеры, так это будет гораздо лучше».

НачПО, удивлённый такой лаконичностью, поинтересовался: «Вы готовились к своей информации?» «Я готовился и решил, что ничего не скажу», — ответил капитан.

Теперь его расспрашивали другие присутствующие. «Почему Вы ничего не доложили о воспитательной работе? Вы капитан теплохода и обязаны доложить на совещании политотдела». «Товарищ начальник политотдела, товарищ начальник пароходства, если я о чём-либо умалчиваю, для этого у меня есть основания. Если Вы считаете, что капитан... виноват, готов ответить за всё. Воспитательную работу я строю, как человек, который думает, прежде всего, о том, что судно должно быть такой плавающей единицей, где вопреки мнению капитана никто не может ничего сказать».

«Вы отчёт своим словам отдаёте, что сказали?» «Безусловно, отдаю».

«Какие мероприятия Вы проводите у себя на судне в целях воспитания личного состава?» «Не проще ли будет, если доложат мои офицеры. Приблизительно в течение каждого рейса бывают минимум два собрания, посвящённые вопросам трудовой дисциплины. Угодно Вам ещё что-нибудь?»

Начальник пароходства: «В результате постановки вопроса трудовой дисциплины улучшилась она у Вас? Вы знаете, из чего складывается воспитательная работа?»

Капитан: «Воспитательная работа складывается, прежде всего, из дисциплины».

Далее начался диалог между начПО и капитаном: «Как у Вас развернута критика и самокритика?» «Развернута в полной мере».

«Как понимать Ваше выражение, что против Ваших мыслей никто не имеет право возражать?» «Я неверно выразил свою мысль».

«Почему критика и самокритика на общих собраниях зажимается?» «Это новость, о которой я узнаю впервые».

«Почему грубейшие нарушения дисциплины на судне, отдельные проступки покрываются Вами и Вашими помощниками?» «В данном случае у меня опровержения нет никакого. В данном случае я могу сказать, что если я покрывал нарушителя трудовой дисциплины, то я кроме хорошего ничего не имел в виду».

Механик-наставник поинтересовался: «Скажите, сколько раз Вы выступали с докладами, лекциями перед личным составом судна?» «Я боюсь сказать точно, по-видимому, раза три-четыре».

«На какие темы?» «На темы, посвящённые, в основном, трудовой дисциплине».

Инструктор политотдела: «Как Вы работаете над повышением своего идейно-политического уровня?» «Изучаю Маркса, Энгельса, Ленина. За последнее время я изучаю “Империализм и империокритицизм” (правильно «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» — написанная в 1908 г. работа В. И. Ленина. — С. Г.). Это произведение я давно читаю».

НачПО: «Такого произведения нет, Вы ошиблись». «Ежели бы я видел Вас у себя на судне, я бы показал Вам мои замечания на произведения В. И. Ленина, простите мне, я виноват в ошибке».

Начальник пароходства: «Когда Вы узнали о том, что сегодня назначен Ваш доклад?» «Я вчера узнал». «Как Вы расцениваете своё поведение к политическому органу, это что — демонстрация или неуважение, что Вы пришли сюда в пьяном виде?» «Это ни то и ни другое. Меня вызвали к капитану порта, и так как у меня авария, мне важнее оправдаться перед капитаном порта, чтобы меня не посадили». «В таком состоянии Вы пойдете к капитану порта?» «Да, в таком состоянии я пойду и докажу ему свою правоту».

Тут на помощь капитану пришёл его старший помощник: «Я хотел бы всех наших офицеров собрать, рассказать здесь обо всей нашей работе. Те задания, которые давались нам капитаном или управление пароходства, нами всегда выполнялись. Политико-воспитательную работу мы не проводили. Радио мы не имеем уже год, информацию не слушаем, газеты приходят за три месяца сразу. Учёбу по техминимуму проводили. Нарушения какие-либо были, отражались всегда в книге приказов». Тут старпом посетовал: «Мне тяжело работать, я устал. Три года и один месяц, как я работаю без отпуска».

Далее посыпались вопросы в адрес старпома. Присутствующий: «Как Вы лично работаете с командой?» Старпом: «Доклады команде я не читаю, провожу беседы по астрономии, о компасах. Политинформаций не делаю, так как сам не информирован». Затем он отметил, что для создания нормальной обстановки было бы лучше, если экипаж составляли одни мужчины: на судне пребывали семь семейных пар (такая «семейственность» иногда приводила к тому, что на некоторых судах жёны командиров вмешивались в работу моряков и даже в действия капитана [13, л. 32]).

НачПО: «Почему Вы вчера свой диплом порвали?» «Я посмотрел и решил, что он мне жизнь испортил. На судне я не получаю ни выходных дней, ни отпуском не пользуюсь. На берегу бы я жил лучше. Когда мы просим (я и стармех) отпуск, то нам говорят: “О чём Вы думаете?”... [14, л. 62—65].

Теперь слушали инструктора политотдела, недавно проверявшего состояние воспитательной работы на теплоходе. По его словам, обстановка здесь была далека от нормальной. «Процветает рукоприкладство — драки. Так... 27 ноября 1951 г... матрос М. нанёс побои артельщику и угрожал ножом. Решение: списать с судна... 23 мая 1952 г. матрос Д. напился пьяным, учинил драку на судне, врывался в каюты женщин, бросался на командиров. Решение: списать с судна.

В последнем рейсе комсомольцы Д. и И., напившись пьяными, пытались избить второго помощника... разбили ему лицо, разорвали ему рубашку. Однако до сих пор мер к ним никаких не принято.

9 мая в Митоге имел место случай, когда в условиях рейдовой стоянки капитаном были отпущены на берег пять человек... Ввиду начавшегося шторма попасть на борт судна не могли, и теплоход ушёл в море без них. Возвратились указанные лица только в Петропавловском порту 22 июня. Отсутствие на судне в течение такого длительного времени пяти членов экипажа неудовлетворительно отразилось на выполнении рейсового задания.

На судне имеются случаи морального разложения моряков. Проповедуются несоветская политика отношения к женщине. Так, в прошлом году капитан записью в судовом журнале зарегистрировал брак матроса Н. с буфетчицей М., которая состояла в официальном браке с другим мужчиной, зарегистрированным ЗАГС. В беседе с капитаном, последний заявил, что считает это нормальным явлением.

Н. в период сожительства, узаконенного капитаном, систематически избивал М., за что имел взыскания. Последнее время он продолжает вести себя недостойно, преследует новую буфетчицу и так же избивает. Однако его проделки покрываются, он, чувствуя покровительство со стороны капитана и старшего помощника, продолжает вести себя недостойно звания советского моряка.

Б. была принята пассажиркой на судне с ребенком, морально разложившийся человек. Она в рейсах приносит на судно спирт, с согласия капитана сожительствоует с председателем судового комитета... в то время как в этой каюте проживает молодая девушка. Присутствие на судне этой женщины способствует разложению дисциплины, однако до сих пор она находится на судне.

На судне процветает мат, панибратство между рядовым и командным составом. Присутствие на судне жён командного состава вносит дразги и раздор в коллектив экипажа. Капитан теплохода... являясь хорошим штурманом, знающим своё дело, как воспитатель и капитан ведёт себя неправильно. Он считает судно своей вотчиной, а подчинённых ему лиц считает “холопами”, в присутствии экипажа и посторонних лиц старшего помощника и старшего механика считает дураками и обзывает нецензурными словами... На судне скована всякая инициатива, происходят постоянные скандалы, перебранка и зажим критики.

22 июня на судне произошёл чрезвычайный случай, когда матрос П., будучи в нетрезвом виде, учинил дебош в столовой команды, вступил в пререкание с капитаном, нанёс ему оскорбление. Капитан вместо того, чтобы немедленно пресечь хулиганское поведение П., потерял всякое чувство самообладания и в присутствии моряков сильно избил его, нанеся удары по лицу, и рассёк ему нижнее веко...» [14, л. 68—70].

Капитана «Любови Шевцовой» отстранили от занимаемой должности «за систематическое пьянство, грубые нарушения устава службы» [4, л. 92]. Надо сказать, что тот был прекрасным специалистом, не раз показывал своё судоводительское мастерство в весьма сложных навигационных условиях. Тем не менее этот моряк продолжил работу в пароходстве и трудился в нём до своей смерти, последовавшей в начале 1960-х гг.

Между прочим, спустя некоторое время этот капитан на одном из производственных совещаний очень неплохо объяснил причины чрезмерного увлечения моряков, особенно молодых, спиртным:

«Я принадлежу уже к старому поколению и сказал бы, что пьянство является вредным и гнусным наследием старых дореволюционных традиций на флоте, когда моряку нечем было заполнить свой досуг, кроме как пойти в кабак и напиться. Для борьбы с этим злостным пережитком капитализма надо повысить уровень культуры, надо спланировать комсомольцев на борьбу с этим пережитком.

Большое значение имело и то, что спиртные напитки продавались на каждом шагу, и только моряк вышел с парохода, он на каждом шагу видел одни забегаловки. Это явление было почти во всех портах. Теперь, когда закрыты забегаловки, в расходовании времени моряков образовалась своеобразная пустота, которую им также нечем заполнить. Матросу некуда пойти, нет культурного роста и развития. На судах также отсутствуют культурно-бытовые условия, имеющиеся библиотеки очень малочисленны, новых книг в них почти не поступает, газеты на суда поступают очень редко.

В Петропавловске особенно тяжело. Моряку совершенно некуда пойти, в лучшем случае за неделю он может посмотреть две кинокартины. Надо организовывать лекции для моряков, диспуты, беседы. Самодеятельность также не может получить широкого распространения: нет ни инструментов, ни нот. Нечем заинтересовать моряка во время его отдыха, в продаже нет даже игр — шахмат, шашек, домино и т. д.» [13, л. 31].

Политико-моральная обстановка, складывавшаяся на отдельных судах, на совещаниях в политотделе рассматривалась неоднократно. Так, 12 декабря комсорт «Александра Пушкина» поведал об обидах рядовых моряков на своих командиров: «Товарищи во время ремонта судна прилагали все усилия по быстрейшему ремонту. Были куплены инструменты за свои деньги. Работа шла как будто хорошо. Но вот приходит второй механик и говорит, что работаете плохо. Отбил у товарищей всю охоту в работе, и в конечном счёте работа была брошена.

На судне начальствующий состав не любит критику. Они часто говорят: “Будете раскрывать рот, то мы вас выгоним”. На судне организуются пьянки, но мер никаких не принимают. После Владивостока у нас осталось восемнадцать метров махровой ткани (использовавшейся для протирки и фильтров. — С. Г.), но весь этот материал пошёл на халаты жёнам... Сами коммунисты играют в “двадцать одно”, зажимают критику и грозят списанием» [14, л. 11].

На заседании 27 декабря обсуждались случаи пьянства на транспортном флоте. «Капитан теплохода “Тура”... в сентябре месяце выехал с частью команды на берег в Усть-Камчатске, где напился и устроил драку с подчинёнными ему лицами. Взяв

катер, капитан уехал с берега на судно, снялся с якоря и ушёл дальше по назначению, оставив три человека на берегу, в том числе и старшего механика».

Судовой журнал теплохода «Углегорск», по словам участника заседания, «превратился в журнал перебранок». Одна из записей, сделанная старшим помощником капитана в нетрезвом состоянии, не читалась. Командир судна в графе «Замечания капитана» предложил ему «впредь производить запись в трезвом виде», хотя его собственные слова были начертаны «отнюдь не твёрдой рукой». Старпом ответил «вроде того, что капитану самому следует меньше пить» [14, л. 14].

5 октября в Москве открылся XIX съезд ВКП(б), последний партийный форум сталинской эпохи. Съезд принял директивы о пятилетнем плане развития страны на 1951—1955 гг., утвердил новый устав партии. Сама партия отныне обрела новое имя: «Коммунистическая партия Советского Союза» (КПСС).

Из отчёта о работе политотдела за 1952 г.:

«Капитан морского буксира “Василий Буслаев” в результате личной недисциплинированности, пьянки допустил аварии. Капитан теплохода “Углегорск” систематически нарушал труддисциплину, Правила технической эксплуатации и Устав службы, допустил две аварии. Капитан теплохода “Невельск” нанёс повреждение пароходу “Шота Руставели” с техническими убытками 31,6 тыс. руб. По настоянию политотдела линейным судом осуждён к одному году исправительно-трудовых работ и в дальнейшем за неоднократные нарушения трудовой дисциплины и Устава службы уволен из пароходства...

Нарушения дисциплины проявляются больше всего там, где начальствующий состав не служит примером для подчинённых и в силу этого оказывается неспособным вести надлежащей борьбы с нарушителями труддисциплины.

Так, капитаны теплоходов “Любовь Шевцова”, “Тура”, “Бородин”, старпом парохода “Бухара” и другие, пользуясь острым недостатком кадров начальствующего состава в связи с пополнением флота, не только не ведут борьбы за укрепление труддисциплины, но сами систематически пьянствуют, насаждают вредные традиции среди личного состава судов.

На совещании политотдела при обсуждении состояния труддисциплины на теплоходе “Любовь Шевцова” капитан заявил, что “женщины на флоте для того и существуют, чтобы сожительствовать с ними”» (на самом деле таких слов в протоколе совещания нет. — С. Г.)... [4, л. 91—92].

1953

22 февраля состоялся «день выборов в местные Советы депутатов трудящихся». Выборы, точнее, «голосование» за заранее определённых кандидатов, прошло организовано. При подсчёте установлено, что за кандидатов «Сталинского блока» из общего числа 843 избирателей проголосовали 99,99 %. Эта величина — 99,99 % — очень часто присутствует в отчётах о выборах различных уровней, проходивших в СССР в 1930—1970-х гг. Очевидно, она должна была демонстрировать монолитное единство советского общества. Нетрудно высчитать, что недостающая сотая доля процента от 843 пароходских избирателей составляет 0,0843 человека. Ну, никак не тянет на чью-то целую несознательную душу, так и не дошедшую до избирательной урны. Может, разумнее было написать, что проголосовали все 100 % избирателей?

На всех судах пароходства избирательные участки украшали лозунги, портреты вождей, агитационные плакаты. Кают-компании превратились в «комнаты отдыха избирателей с достаточным количеством культмущества, литературы, газет».

Голосование всюду началось в шесть часов утра. На теплоходе «Витим» первым пришёл получать бюллетень второй механик Л. В. Шахов. Он обратился к избирателям с короткой речью: «Товарищи избиратели! Я сегодня счастлив, что буду голосовать. Я отдаю свой голос за процветание нашей родины, за строительство коммунизма в нашей стране, за светлое будущее нашей молодёжи».

В Петропавловский городской Совет депутатов трудящихся от КЧГМП избраны: начПО Н. Т. Екимцов, редактор «Камчатского моряка» М. С. Новиков, плановик управления Л. Н. Фомичева, капитан парохода «Хабаровск» А. И. Несытов. Депутатом Камчатского областного Совета стал начальник пароходства П. С. Черняев,

депутатом Хабаровского краевого Совета — секретарь обкома КПСС П. Н. Соловьёв [1, л. 134—135].

В феврале 1953 г. получил развитие «женский вопрос». С заявлением в политотдел обратилась уборщица теплохода «Углегорск». Она жаловалась на пристава-ния капитана. «...Говорил мне, что, вот, сколько ни было у него девушек на судне, я никого не любил, а тебя вот люблю. Когда я ему сказала, что мне надо работать, он заявил, что, мол, я капитан, и всем мои приказы должны выполняться, и вы должны слушать. Когда я помыла полы у него, он меня опять задерживал, но я сразу ушла из его каюты. Все последующие дни он, капитан, вызывал меня неоднократно к себе в каюту и предлагал свою “любовь”. Хватал за руки, при этом говорил, что, мол, вы капитана должны слушаться.

Однажды, это было 20 февраля, у меня болела голова. Я обратилась к капитану, так как у него находились медикаменты. Придя в каюту к капитану, предложил мне сесть на диван, и сам одел белый халат, подойдя ко мне, начал спрашивать, может у меня ещё что-нибудь болит? Вы, говорит, разденьтесь и ложитесь на кровать, ведь нас никто не видит. После его слов я сразу же ушла от него. Не так давно, 25 февраля, когда я убирала каюту капитана, он всё время мешал мне, старался ухватить меня за грудь, и при этом говорил, вот, мол, я могу списывать людей и принимать, но вас я ещё пока не списываю, вы хорошая девушка и т. п.

Часто вызывал меня к себе и говорил, чтобы я следила за старшим помощником... не ходит ли он на “Вычегду”, где работала старая буфетчица. Вы, говорит, должны бросать всю работу и следить, вам никто не может помешать, ведь я капитан» [12, л. 34].

2 марта похожее заявление написала ещё одна женщина, трудившаяся на «Углегорске»: «...при приёме на работу на теплоход “Углегорск” в разговоре с капитаном теплохода... им мне было предложено в неофициальной форме сожительствовать с ним, для чего он обещал принять меня на работу на судно и найти на берегу квартиру, где бы мог со мной встречаться. Впоследствии им мне было дано 100 рублей безо всяких расписок» [12, л. 33].

У слабого по женской части капитана «Углегорска» имелись и другие грешки, за которые его уволили из пароходства и отдали под суд.

9 марта состоялись похороны скончавшегося четыре дня назад Председателя Совета Министров СССР, секретаря ЦК КПСС И. В. Сталина. Они проходили как важнейшее государственное мероприятие и охватили все предприятия и организации страны.

Из состава работников политотдела и сотрудников управления КЧГМП заранее были назначены «ответственные за проведение проводов И. В. Сталина». Их закрепили за каждым судном, стоявшим в Петропавловске, а также за управлением, механической мастерской и радиоцентром. Суда получили радиogramмы с чётким указанием порядка прощания с вождем.

«Задолго до начала трансляции в красных уголках, столовых команды и каюткомпаниях собрались моряки проводить лучшего своего друга, горячо любимого вождя и учителя товарища Сталина. Взоры каждого устремлены на убранный трауром портрет родного отца Иосифа Виссарионовича Сталина, чей гений создал первое в мире социалистическое государство, освободил наших отцов, братьев и сестер от вековой кабалы царизма и сделал их свободными и независимыми, способными претворять идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина в жизнь».

Сотни моряков молча стояли у репродукторов. В 18.20 диктор из далёкой Москвы известил о выносе саркофага с телом «гения человечества» из Колонного зала Дома Союзов. «Каждый мысленно переносится на улицы Москвы, провожая И. В. Сталина до Красной площади, мавзолея Ленина. На трибуну поднимаются вожди нашего народа, руководители нашей партии и государства, верные ученики и продолжатели дел Ленина и Сталина...»

В Петропавловске 19.55. В Москве в это время «последний раз поднимают саркофаг с телом И. В. Сталина и устанавливают рядом с саркофагом В. И. Ленина. Куранты бьют 12.00». Моряки застыли в молчании. «На пять минут прекратилось всё движение, работа всех механизмов, режут гудки. Страна прощается с любимым отцом, другом и учителем. Звучат звуки гимна...»

В красном уголке управления парохозяйства на траурный митинг собрались 150 чел. Его открыл заместитель начальника парохозяйства М. Н. Святец. Он предоставил слово начальнику политотдела: «Дорогие товарищи и друзья! Ушёл от нас гений человечества, неутомимый строитель коммунизма, наш вождь, родной и любимый отец, друг и мудрый учитель Иосиф Виссарионович Сталин... Враги нашего государства рассчитывают на расстройство наших рядов, но ЦК КПСС, Совет Министров и Президиум Верховного Совета Союза ССР приняли неотложные меры по организации руководства, партийного и государственного. В эти скорбные дни советский народ ещё теснее сплочается вокруг ЦК и советского правительства, проявляет бдительность. Пусть враги не думают, что им удастся застать нас врасплох. Советский народ всегда сумеет дать надлежащий отпор любому агрессору...»

Со слезами на глазах выступает член КПСС Михайлова: «Ушёл от нас товарищ Сталин. Трудно передать словами это горе, больше ни с чем не сравнимое горе. Товарищ Сталин, как солнце, обогревал нашу жизнь, указывая нам путь к счастью. Память о дорогом вожде мы будем свято чтить и работать так, как великий Сталин».

Траурный митинг на пароходе «Якутск» открыл первый помощник капитана Е. Л. Орлов. Выступили второй механик Штакин, матрос Иващенко, комсомолец Шамаков, машинный ученик Данилов, капитан В. В. Киселёв. Все они «заверили ЦК КПСС и советское правительство, что экипаж ещё теснее сплотится вокруг Коммунистической партии и советского правительства, повысит бдительность и производительность труда, ещё настойчивее будет бороться за претворение коммунизма в нашей стране». Экипаж принял обязательство выполнить годовой план грузоперевозок ко дню Сталинской Конституции (5 декабря 1953 г.) и перевезти сверх плана ещё 3 000 т.

На пароходе «Бухара» старший механик Г. К. Ковальчук напомнил, что хоть «наш отец и учитель Иосиф Виссарионович Сталин» и ушёл из жизни, но «остались его “дети”, остались у руководства партии и государства его сторонники и ученики, которые сумеют продолжить и успешно завершить то дело, за которое отдал всю свою жизнь Иосиф Виссарионович». В ответ на тяжёлую утрату он тоже призвал всех «теснее сплотиться вокруг ЦК партии и советского правительства...»

Старший помощник капитана «Бухары» С. Л. Лебедев заявил: «...уходя от нас, товарищ Сталин оставил планы построения коммунизма в нашей стране, которые мы, советские люди, сплотившись вокруг ЦК КПСС, должны свято выполнять своим упорным трудом. В самые тяжёлые минуты прощания с лучшим другом и любимым вождём, гением всего прогрессивного человечества призываю весь экипаж нашего судна взять на себя повышенные обязательства в выполнении плана грузоперевозок, чем поможем быстрейшему и безусловному выполнению заветов вождя по построению коммунизма в нашей стране. Со всей твердостью духа переносим это огромное горе. Поклянемся, товарищи, не покладая сил трудиться на благо выполнения заветов уходящего от нас товарища Сталина. Всегда будет жить в наших сердцах имя дорогого вождя».

В заключение экипаж «Бухары» одобрил текст письма на имя ЦК КПСС и социальные обязательства на 1953 г.

Похожие речи, звучавшие на митингах, соответствовали предварительно установленному шаблону. Взять хотя бы постоянно звучавший призыв «теснее сплотиться вокруг ЦК партии и советского правительства». Но были и совершенно искренние выступления. На той же «Бухаре» секретарь комсомольской организации А. Д. Голосеев отметил, что усопший товарищ Сталин много внимания уделял подготовке кадров для морского флота. В 1944 г. он подписал постановление Государственного Комитета Обороны об организации мореходных училищ, которые уже выпустили сотни отличных специалистов для морского флота страны. «Я — выпускник мореходного училища, десять лет состою в комсомоле, — сказал комсорг, — и сейчас считаю своим долгом подать заявление о моём приёме в Коммунистическую партию Советского Союза...»

С каждого судна отправились телеграммы на имя нового Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова. Все экипажи приняли «конкретные обязательства, направленные на досрочное выполнение годового государственного плана гру-

зоперевозок». Так, моряки теплохода «Невельск» обещали выполнить годовой план к 7 ноября 1953 г., сократить плановое время зимней стоянки на 15—20 %, увеличить плановую скорость судна на 3 %, сберечь горючего на 10, а масла на 5 %, отработать на лебедках 10 000 часов и перевалить своими силами 2 000 т груза.

На «Шексне» моряки, среди прочего, обещали повесить в каждом рейсе грузоподъемность судна на 50 т, уменьшить сумму государственной дотации на 10 000 руб., дать за год пять рационализаторских предложений с экономическим эффектом 25 000 руб. и самостоятельно отремонтировать механизмы на 20 000 руб. [1, л. 122—129].

Всего на митингах присутствовали 540, выступили 32 чел. [1, л. 136—138].

20 июня молодёжь теплохода «Корсаков» собралась побеседовать на тему «Роль комсомольцев в выполнении плана». Попутно рассмотрели и утвердили план работы комсомольской ячейки на июль. Решили: прослушать лекции «Атомная энергия» и «История Камчатки», обсудить статью из газеты «Правда», совершить во время стоянки в порту «культпоход» в театр, получить спортивный инвентарь, организовать шахматный турнир и вечер отдыха, выпустить стенгазету и сатирический листок, сменить книги в библиотеке и провести обзор газет по «внешним и внутренним вопросам» [12, л. 48].

2 июля на пароходе «Александр Пушкин» слушалось персональное дело члена КПСС с 1952 г. Ф., напрямую касавшееся необходимости «усилить бдительность», о которой говорилось выше. Его суть: «24 июня на сопке Любви (в парке на сопке Никольской в Петропавловске. — С. Г.) тов. Ф. был избит хулиганами и раздет. При этом был похищен партийный билет и другие документы».

По словам Ф., 24 июня он получил деньги за пребывание в резерве и отправился ужинать в кафе Дома офицеров флота. За ужином выпил стакан «Зубровки» и пошёл в парк на сопке. «По дороге с группой товарищей распил бутылку шампанского и направился к танцевальной площадке. На меня напали три незнакомых человека, которые предложили снять часы. Я возмутился. Тогда они меня избили до бессознания, раздели и похитили все документы, вместе с ними и партийный билет. На другой день утром я заявил в политотдел, милицию и горком КПСС. Были приняты меры к поискам, но билет до сих пор не найден».

Выступившие отметили, что потеря партийного билета при любых обстоятельствах считается чрезвычайным происшествием и преступлением перед партией. «Факт нападения и ограбления несколько оправдывает тов. Ф. Однако это не говорит о том, что тов. Ф. не должен нести партийную ответственность. В то время как наша партия ещё раз ставит вопрос о повышении бдительности, мы должны хранить единство партийных рядов и не допускать случаев беспечности. Долг каждого коммуниста — быть всегда начеку! И у меня нет уверенности, что партбилет тов. Ф. не попал в руки сомнительных элементов. Вместе с документами похищен пропуск в военно-морской порт Владивостока, и до сего времени документы не найдены. Тем более что Ф. был одет в обычную одежду, и сомнительно, что они напали лишь с целью ограбления».

«Сейчас, как никогда, поставлен вопрос о бдительности. Враги идут на все проделки, лишь бы нам навредить, подорвать наше могущество. И для этого они не останавливаются ни перед чем, завладеть чужими документами, влезть в доверие и делать свои грязные дела».

За утерю партбилета Ф. получил строгий выговор с предупреждением. Вскоре Петропавловский горком КПСС выдал ему дубликат документа [15, л. 202—203].

4 июля состоялось открытое собрание комсомольцев парохода «Красноярск». Обсуждали постановление Пленума ЦК КПСС «об исключении из партии и предании разоблачённого врага советского народа и нашей родины Берия». С сообщением об этом выступил капитан Я. М. Драбкин. «Комсомольцы и весь экипаж судна, как и все советские люди, приветствуют решение партии и правительства. Они возмущены гнусными действиями прислужника империализма. В своих выступлениях комсомольцы Стиба, Афиногенов, Никитин заявили, что все антисоветские выходки Берии особенно ярко проявились сейчас, потому что всё яснее становится виден крах мирового империализма, и именно поэтому прислужники и вдохновители империализма пытаются различными провокациями и террором отдалить свой конец».

Собрание приняло решение, в котором экипаж обязался в очередной раз повысить трудовую и политическую активность и бдительность, и тем «всемерно крепить родную отчизну» [12, л. 26].

24 июля начПО Н. Т. Екимцов, пребывавший на Восточной Камчатке, отправил начальнику политуправления ММиРФ СССР генерал-директору морского флота 1-го ранга В. И. Румянцеву радиограмму, в которой сообщал, что теплоход «Тура» зашёл в реку Камчатку. Развитие этого опыта давало возможность избежать потери времени на рейдовые разгрузки, а значит — простоя судов. НачПО просил оказать содействие пароходству в организации в устье реки лоцманского поста [1, л. 66]. Через два года в Усть-Камчатске началось создание полноценного морского торгового порта.

17 октября в политотделе снова обсуждали газету «Камчатский моряк». Начальник отдела кадров Н. М. Святец, рассказал, что заходившие к нему моряки не раз заявляли, что она неправильно передает события, искажает фамилии. «Это не поднимает авторитет газеты, а наоборот, снижает. Газета не пользуется потому популярностью среди моряков. А ведь редакция всегда может уточнить в отделе кадров тот или иной вопрос». Нередко выходило, что авторы статей и заметок неправильно характеризовали «отдельных товарищей», вызывая смех, а то и возмущение читателей.

В одном из номеров был помещён очерк об одном из капитанов. В нём «пьяница выглядел... самым положительным человеком во всем пароходстве, с которого должны брать пример другие». Впредь газетчикам следовало позаботиться о том, «чтобы не показывать пьяниц в форме идеалов» [16, л. 46].

1954

18 мая в должность начПО КЧГМП вступил А. Г. Оганджян [17, л. 5].

14 сентября по инициативе политотдела состоялось совещание при начальнике пароходства с повесткой «О состоянии трудовой дисциплины». Основной доклад сделал А. Г. Оганджян. Он обратил особое внимание присутствующих «на имеющие место пьянки на судах, на вредное влияние алкоголизма, на беспощадную борьбу, которую командный состав судов и пароходства должен вести в своей повседневной работе».

Стенограмма доносит до нас некоторые любопытные моменты совещания. Первым выступил ревизор парохода «Бухара». Он заявил, что за три года работы в пароходстве впервые присутствует на заседании, где собрался весь командный состав. Обычно на подобные совещания приглашались только капитаны и их первые помощники.

«Наше судно в июле месяце в бухте Провидения провело большую работу по разгрузке и погрузке судна, за что имело благодарность от депутата Верховного Совета. Когда же мы пришли в Петропавловск, то имели большие нарекания за то, что наше судно плохо покрашено. Руководство не хотело считаться с тем, что мы не могли получить во Владивостоке краску и сурик».

Здесь выступавшего остановил начальник пароходства, попросив перейти ближе к теме и рассказать о дебоше на судне, приключившемся во время стоянки в бухте Провидения.

«Выступавший товарищ ответить на данный вопрос отказался, а так как сам оказался в пьяном состоянии, то председательствующий тов. Козырев данного товарища с совещания вынужден был удалить».

Следующий оратор, помполит «Бухары», отметил, что вопрос о пьянстве поставлен своевременно. «На судах пьянство очень распространено, также как и сожительство с женщинами. Был факт, что на судно была взята прачка, которая оказалась больной венерической болезнью. Капитаны не воспитывают личный состав, а если тот или иной работник плохой, его стараются списать и направить в отдел кадров, после чего эти товарищи направляются отделом кадров на другие суда. Капитаны сами ведут себя недостойно. Так, тов. Л. на берегу так напился, что вместо своей каюты попал в каюту девушки, койка которой находилась на втором этаже. На подобные факты наши кадры не реагируют, и Л. до сих пор работает».

Сожительство очень распространено, то есть оно вообще на каждом шагу. По моему мнению, надо на суда брать женщин в возрасте не менее сорока лет, так как попадающие на суда молодые девушки немедленно становятся жертвами вначале капитанов, помощников и т. д. С комсостава берут пример молодые люди команды. Когда на

судно с берега ночью К. была приведена девушка, и я стал её с судна удалять, то последний мне возражал, что начальники сами замараны, а нам почему-то нельзя.

В данное время пьянства на судне стало, как будто, меньше. Полученную последнюю зарплату в основном истратили на хорошую одежду и обувь. Команда имеет опрятный вид. Плохое поведение самих командиров плохо действует на товарищей, неустойчивых в моральном отношении.

Политико-воспитательная работа на судах ведётся недостаточная. Например, теплоход «Аральск» — весь начальствующий состав пьянствует. Надо вести повседневную работу с дезорганизаторами и пьяницами, и те, которые понимают и реагируют, тех надо упорно перевоспитывать, а те, до которых ничего не доходит, от тех надо просто избавляться. К нарушителям дисциплины и порядка надо принимать самые разнообразные меры воспитания, как-то угроза написать письма родным. Надо применять к отдельным товарищам и более жёсткие административные меры — понижать в должностях, то есть надо использовать самые разнообразные методы борьбы с пьянством и распущенностью...» [13, л. 29—30].

Пьянство на судах приобретало угрожающий размах. Особенно страшно становилось за молодых моряков, не имевших достаточного житейского опыта и твёрдых взглядов, а поэтому особенно подверженных этой порочной «традиции». «Сидевший на кадрах», которые, как известно из высказывания покойного «вождя и учителя», решают всё, Н. М. Святец эмоционально характеризовал роль командного состава судов в деле воспитания подчинённых. Многие командиры явно не могли служить им примерами.

«На судах большие размеры приняла распущенность, сожительство с уборщицами вторых помощников. Командный состав призван вносить культуру в массы, но сам оказывается первым её нарушителем и дезорганизатором. Многим из работников командного состава свойственны низменные побуждения, и, естественно, такие люди не могут дальше оставаться в рядах здорового коллектива, в рядах борцов за здоровый быт».

Нас обвиняют (отдел кадров. — С. Г.), что мы не выдвигаем молодых специалистов. Это неверно, молодых специалистов мы выдвигаем на 200 % вперёд, так как сплошь и рядом старые кадры разложились. Но молодые специалисты, к сожалению, не оценивают оказанного им доверия, не оправдывают своё выдвижение.

Только вследствие пьянства пропали, именно пропали, такие капитаны, как... Без почестей были брошены в яму (похоронены как безродные. — С. Г.). Только от страшного пьянства человек может дойти до такого состояния, и наш командный состав не ведёт борьбы с пьянством, а, наоборот, сам продолжает пьянство. Нередко явления пьянства командиров становятся достоянием службы и матросов.

До тех пор пока капитаны, старшие помощники, старшие механики будут продолжать не следить за своим моральным обликом, до тех пор состояние всего экипажа не будет находиться на должной высоте.

Командиры не имеют чувства глубокой ответственности за воспитание коллектива. Отдельные проступки отдельных товарищей не разбираются, не становятся достоянием масс, не освещается их отрицательная сущность.

Коллектив надо воспитывать, а предлагаемые товарищами увольнения — это не стиль работы. Кто больше всего является нарушителями? Это люди в возрасте 17, 18, 19 лет. Этих людей надо воспитывать, надо вложить в них отцовскую душу. Форм и методов борьбы с хулиганством, пьянством много — писать родителям и другие. Сами нарушители часто не знают содержания приказов, налагающих на них взыскания. Надо зачитывать приказы отдела кадров и пояснять, что к отдельным лицам данного коллектива могут быть приняты такие же меры воздействия...» [13, л. 33].

Начальник пароходства указал на ещё один «пережиток капитализма» — суеверие. Он привёл пример парохода «Якутск», которому было приказано выходить в море 13 ноября, в понедельник. Капитан не решился нарушить старинную морскую традицию и принял все меры к тому, чтобы отойти от причала только в час ночи 14-го. «Суеверие свойственно не только рядовому, но и начальствующему составу пароходства» [13, л. 35].

После этого совещания мало что поменялось. С 1 ноября по 12 декабря 1954 г. милиция задержала 17 работников пароходства, пребывавших «под хмельком». Среди нарушителей оказались работник редакции «Камчатского моряка» и даже сотрудник самого политотдела, которые «учинили скандал, сквернословили и безобразничали» в ресторане гостиницы «Восток». Там же буянил кочегар «Ваги». Повар этого же судна матерился и по-хамски вёл себя в магазине. Нетрезвый матрос «Бородина» приставал к честным гражданам на ул. Ленинской. Двое рабочих подрались в людном месте. Три моряка «в пьяном виде врывались в зал клуба судоверфи во время демонстрации фильма». Только один портовик мирно лежал посреди улицы, где и был подобран «органами милиции в состоянии сильного опьянения». На всех составлены протоколы.

А вот происшествия посерьёзнее. Техник радиоцентра разбил стекло двери ресторана «Восток» и бросился в драку с вызванным стражем порядка, нанеся ему несколько ударов. Грузчик торгового порта и матрос «Бухары» в пьяном угаре убили грузчика рыбного порта. Эти лица пошли под суд [18, л. 36—37].

Ноябрь. Политотдел по ходатайству комсомольской организации теплохода «Мусоргский» представил четвёртого механика В. И. Наволочного к награждению почётной грамотой ЦК ВЛКСМ за высокие производственные показатели, достигнутые им в социалистическом соревновании [18, л. 96].

Тогда же замначПО Ю. В. Шпилевой обратился к заместителю начальника политуправления ММФ СССР С. И. Головину с просьбой разрешить закупить для оформления общественных и жилых помещений пассажирских и грузовых судов, клубов и домов отдыха моряков управления пароходства и обоих портов офорты, автолитографии и линогравюры. Их написали художники Крайнев, Христолюбов, Кузьмичёв, Алексич, Шевандронов. Сюжеты произведений отражали историю освоения Северо-Востока России, быт и трудовые будни моряков и назывались «Землепроходцы», «Поход Семёна Дежнёва», «Дети моряков», «Возвращение из дальнего плавания».

К тому же прошедшим летом на Камчатке в творческой командировке побывал художник Фролов. По мнению Шпилевого, «было бы целесообразно привлечь товарища Фролова к подготовке картин о нашей далекой, но родной Камчатке». Особый интерес моряков, которые имели возможность познакомиться с его эскизами, вызвали «Морской пейзаж с двумя скалами» и «Камчатские сопки в лучах заходящего солнца». Пароходство было готово приобрести эти работы в количестве 250—300 экземпляров [18, л. 143].

1955

9 марта в политотделе состоялось совещание с повесткой дня «О работе парторганизации теплохода “Невельск”». В ней выявились крупные недостатки, а объяснялись они тем, «что секретарь парторганизации работу строит в отрыве от стоящих перед коллективом задач, не имеет повседневной и деловой связи с коммунистами и членами экипажа, недооценивает роль и значение партийной работы среди коллектива. Хуже того... своим недостойным поведением в быту, пренебрежительным и хамским отношением к членам экипажа компрометирует высокое звание члена партии и теряет авторитет партийного руководителя» [19, л. 32—33].

«Просигнализировал» о неблагоприятном поведении партсекретаря один из рядовых членов экипажа, отправивший в начале марта в редакцию «Камчатского моряка» письмо. Публиковать его газета, конечно, не стала, дабы не дать повода к лишним разговорам о соответствии главного персонажа «высокому званию коммуниста», но оперативно переправила в политотдел. На письме, фамилия и должность автора которого остались анонимными, будучи густо замазаны чернилами, стоит резолюция начПО: «Прошу проверить. 5.03.55». Как видно, проверили быстро.

Вот это письмо с сокращениями: «Теплоход “Невельск” стоит на среднем ремонте около пяти месяцев. Ремонт продвигается к концу... Большую помощь в ремонте оказывают старший механик тов. Бритченко и второй механик тов. Штакин. Ремонт радиосети не закончен... Парторг об этом не беспокоится... Приводит молодых женщин в каюту на ночку и больше. Кроме того, занимается большим оскорблением членов экипажа судна... Да ещё умудрился вставать в девять-десять часов утра,

и уходит на берег, краники не закроешь, воды находит полкаюты. Это не раз, а много. Вода сейчас, как воздух... Капитан судна и старший механик решили заглушить трубопровод к каюте... неряшливого, недисциплинированного. Просим пароходство и политотдел за разложение и большие оскорбления и убытки немедленно убрать... с "Невельска"» [19, л. 35].

Секретарь неуклюже оправдывался: «совершил ошибки в моём поведении... выразившиеся в сожительстве с буфетчицей...» Собрание решило, что ему «как коммунисту нужно оказать помощь» [19, л. 30, 35].

Вот такая действенная сила заключалась в печатном слове, даже неопубликованном. Кстати, за последнее время газета заметно улучшилась. ЗамначПО отметил по этому поводу: «У меня осталось в памяти нарицательное название газеты "Камчатский брехун" и т. д. Благодаря усилиям редакции, направленным на поднятие её авторитета, газета стала значительно интереснее по своей тематике, шире стала критика, улучшилась верстка, язык, уменьшилось количество ляпсусов...» [19, л. 24]

28 июня на пароходе «Вага» произошло чрезвычайное событие: разгневанный старший помощник капитана выстрелил своему подчиненному из ракетницы в живот. В акте расследования указано, что помощник следовал «по стопам капитана», якобы подменившего воспитательную работу «голым администрированием и грубым окриком».

В первом полугодии 1955 г. случилось и ранее небывалое «позорное для морского флота явление на пароходе "Бухара", когда подчинённый ударил капитана». Это явилось результатом отсутствия воспитательной работы, «распущенности со стороны его помощников (пьянки, картёжная игра), которые своими действиями разлагают трудовую и государственную дисциплину среди подчинённых» [17, л. 32—33].

2 августа политотдел изучал состояние и меры по улучшению работы больницы моряков. При первом взгляде лечебное заведение оставляло приятное впечатление: коридор застлан ковром, в палатах чисто, «есть видимость некоторого комфорта». Но больные были недовольны.

Лечившийся более двух месяцев матрос «Невельска» жаловался, что нательное бельё меняют редко — раз в месяц. Крановщик Петропавловского морского торгового порта сетовал на нехватку посуды: «Скушал первое, потом жди, когда освободится посуда других палат, чтобы тебе принесли второе». Стармех одного из судов считал неправильным, негигиеничным, когда для того, чтобы «сохранить» посуду (в первую очередь самые дефицитные ложки и стаканы), больные забирали их с собой в палаты и сами мыли. Один пациент отметил ветхость нательного белья. «Прямо стыдно его надевать. Самому приходилось к кальсонам пришивать пуговицы». Починить бельё вполне могла, но почему-то не делала этого, кастелянша.

Мыться было сложно. Ванна отсутствовала, канализация работала скверно, да и воды не доставало. «Хуже того, несколько дней тому назад... для больных в палату выдавали по одному графину воды: хоть пей, хоть мойся».

К бытовой неустроенности добавлялась скука. Радио бездействовало, кино отсутствовало, лекции и беседы не проводились. Оставалась одна отрада — библиотека из пяти сотен книг и ежедневно приходявшие свежие выпуски газет. На медперсонал больные не жаловались, хотя до политотдельцев доходили слухи о фактах «бездушного отношения со стороны отдельных врачей». Назывался пример слесаря мехмастерской, инвалида Отечественной войны. Он два месяца обивал порог поликлиники, желая удалить из болевшей челюсти мешавший осколок, след отгравелированных боев. Врач отказался ему помочь и даже обозвал симулянтом. «Только при вмешательстве порткоммора и прокуратуры бассейна... была оказана помощь в военном госпитале». Похожая история приключилась и с захворавшим портовиком.

Вызывала нарекания и скорая помощь больницы, превратившаяся «в своеобразную разъездную карету. Вместо оказания экстренной помощи на дому машина занимается развозом врачей по квартирам и другими хозяйственными делами».

Так что в больнице было, что улучшать. «Чувствуется формальное отношение к служебным обязанностям, забывается главное для работников медицины — неустанная забота о советском человеке» [19, л. 88—90].

1956

22 марта помполит «Рыбинска» В. Г. Гатальский подписал политдонесение о завершившемся заграничном плавании, начавшемся 12 октября 1955 г. Судно (капитан В. Н. Смирнов, старший механик М. С. Кричанский) перевезло 6 955 т груза. Общее состояние дисциплины и поведение экипажа помполит оценивал как удовлетворительное. «Экипаж морально здоров и готов выполнить любое задание пароходства».

Во время заграничного вояжа моряки побывали на двух матчах ленинградской команды «Зенит» в китайском порту Дальний, дважды посетили Порт-Артур, где осмотрели исторические места боёв русско-японской и советско-японской войн, совершили экскурсию в краеведческий музей Дальнего. Они заходили в антикварный музей и дом «великого китайского революционного писателя» Лу Синя в Шанхае. За рейс экипаж посмотрел девяносто кинофильмов и концертов. С последними перед моряками выступили не только участники художественной самодеятельности клубов советско-китайской дружбы в Дальнем и международных клубов портов Сянган, Шанхая и Цинванчтао, но и профессиональные артисты [20, л. 24—25].

Политотдельский отчёт за 1956 г. свидетельствует о росте средней месячной зарплаты работников пароходства с 2 085 руб. в 1955 г. до 2 169 руб. в 1956 г. (то есть на 4 %) [4, л. 242].

Политотдел пароходства упразднён 30 июля 1957 г. в рамках начавшейся после XX съезда КПСС «внутрипартийной демократизации». Его бывшие заботы возложены на вновь образованный партийный комитет (партком) и бассейновый комитет профсоюза флота (баскомфлот) [21, л. 367].

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКК, ф. П-112, оп. 1, д. 22.
2. Там же, ф. Р-523, оп. 1, д. 19.
3. Там же, ф. П-112, оп. 1, д. 1.
4. Там же, д. 45.
5. Там же, д. 3.
6. Там же, д. 9.
7. Там же, д. 16.
8. Там же, д. 21.
9. Там же, д. 17.
10. Там же, д. 11.
11. Там же, д. 19.
12. Там же, д. 30.
13. Там же, д. 33.
14. Там же, д. 20.
15. Там же, д. 31.
16. Там же, д. 23.
17. Там же, д. 35.
18. Там же, д. 36.
19. Там же, д. 37.
20. Там же, д. 39.
21. Там же, ф. Р-523, оп. 1, д. 382.

А. В. ПЕТРОВ

ОДИССЕЯ СЫРОЕДА АНДЕРСОНА

Сорок четыре года назад пенсионер Михаил Андерсон за два с половиной месяца проехал на велосипеде от Петропавловска до Усть-Камчатска. В наши дни добраться до Усть-Камчатска проще простого — с утра выехав на машине или на автобусе из краевого центра, к вечеру уже оказываешься близ устья самой большой реки полуострова. Путь этот, кстати, подлинней знаменитого радищевского путешествия из Петербурга в Москву.

Диссидент XIX в. Радищев и его вояж — дела давно минувших дней. Но ещё совсем недавно, каких-нибудь четыре десятка лет назад, дорога от Петропавловска до Усть-Камчатска занимала не часы и даже не дни, а долгие недели. Первым человеком, в одиночку совершившим путешествие по ней, и был петропавловец Михаил Яковлевич Андерсон, а случилось это в не столь далёком 1967 г.

Передо мною лежит толстый гроссбух — зарегистрированный Камчатским областным советом по туризму и экскурсиям «Отчёт о туристическом маршруте на велосипеде Петропавловск-Камчатский — Усть-Камчатск». Этот отчёт сохранился в архивах Петропавловского клуба туристов и путешественников имени Глеба Травина благодаря мастеру спорта по туризму Константину Лангбурду.

Автор отчёта Михаил Яковлевич Андерсон — личность в среде камчатских туристов легендарная. Вплоть до преклонного возраста он не покидал седло велосипеда, а в пищу употреблял преимущественно растения нашего полуострова. Отчёт Андерсона выламывается из рамок стандартов, принятых в туристической среде. Поражает и увлекательный, легкий язык, и захватывающее содержание, и небывалое для отчётов количество выполненных автором фотографий — 182 карточки!

«Поход начат 13 июля 1967 г. в Петропавловске-на-Камчатке, закончен 6 октября 1967 г. в Усть-Камчатске. Маршрутная книжка выдана областным советом по туризму (Ленинская, 18) на имя Андерсона. Год рождения: 1906. Место работы: пенсионер. В маршруте указаны следующие населённые пункты, через которые намечено прохождение: Петропавловск-Камчатский, Елизово, Коряки, Банные Ключи, Начики, Малки, Ганалы, Пушино, Шаромы, Мильково, Кирганик, Долиновка. Центральный, Щапино, Лазо, Макарка, Береговое, Козыревск, рыбвод, Майское, Красный Яр, Ключи, Нижнекамчатск, Чёрный Яр, Николаевка, Усть-Камчатск».

Так начинается отчёт Михаила Андерсона.

Уже давно нет ни на картах, ни в действительности ряда сёл и посёлков, перечисленных выше. Да и о Нижнекамчатске мы знаем лишь из-за того, что там восстановлена самая старая на полуострове церковь.

«В туристический поход ушёл один, без соучастников», — пишет о себе Андерсон. А потом перечисляет преследуемые цели путешествия:

«1. Доказать, что на велосипеде (пешком) можно пройти от Петропавловска до Усть-Камчатска (до этого по этому маршруту никто не проходил).

2. Доказать, что в условиях лета заблудившиеся в тайге люди не могут умереть от голода, пока имеется зелень.

3. Написать о настоящем туристическом переходе книгу для туристов и детей школьного возраста».

Сборы были недолгими — Михаил Яковлевич взял с собою три книги («Растения-целители. Лекарственные растения нашей Родины», «Луга полуострова Камчатки» и «Лекарственные растения Камчатки и Командорских островов»), брезентовую палатку, рюкзак, летний ватный кукуль, ватник, берет, свитер, по две пары брюк, трусов, маек и носков, пару кед, кастрюлю, топор, ножовку по дереву, кружку с ложкою, охотничий нож, накомарник с дымокурором, очки, иголки с нитками и мыло. Не обошлось и без «предметов культурбита» — карты Камчатской области, компаса-буссоли, ручных часов «Урал», фотоаппарата «Киев-2», экспонетра «Ленинград», пятнадцати фотоплёнок и радиоприёмника «Сокол». Продуктов Андерсон взял в поход минимальное количество — восемь килограммов ржаных сухарей, килограмм сахара, три маленьких банки сухого молока и полкило манной крупы. Это — на два с половиной месяца! А транспортом ему послужил «велосипед “Путевой” без мотора».

«Тяжёлые вещи малого габарита целесообразно крепить на передней части велосипеда, — пишет Андерсон, — с обеих сторон рамы. Или даже впереди руля, на конец палки, привязанной к раме велосипеда вдоль. Ватник — на рогах велосипеда. Книжки и аптечка с неприкосновенным запасом — по обеим сторонам заднего колеса, в специальных полотняных карманах... На багажнике с перевисанием по обе стороны до оси колеса кладутся палатка и спальник мешок... При таком виде крепления я проехал по Камчатке более тысячи ста километров».

Итак, 13 июля 1967 г. в 14.30 Михаил Яковлевич вышел из своего дома на улице Репина. На счетчике велосипеда значилось пять с половиной километров. С этого момента началась одиссея пенсионера Андерсона.

«Следую по улице Океанской к центру города. Дорога асфальтированная. На подъёмах веду велосипед в руках. Со склонов и на ровном месте еду. Небо безоблачное, солнце сильно греет.

В 16.40, отсчёт 16,7, нахожусь на траверзе Сухарного завода.

На пути употребляю в пищу лепешки шиповника, которые содержат в большом количестве витамин С, и головки красного клевера, несколько сухарей чёрного хлеба и воду из ручейков. До посёлка Елизово насчитал семь подъёмов, где нужно было слезать с велосипеда. По обеим сторонам дороги в большом количестве растут съедобные растения. Дров и воды нет. На ночь располагаюсь в посёлке Елизово по улице Связи, № 6, в саду, поставив палатку».

Так закончился первый день путешествия Михаила Андерсона.

Михаил Яковлевич Андерсон с велосипедом «Путевой»

День второй: «Питаюсь пучкой и подорожником в виде салатов».

День третий: «Прибываю на Горячие Ключи в Начиках. Это палаточный городок. Начики — маленькое селение, в основном — лечебница, сюда приезжают отдыхать из Петропавловска по путёвкам. Кто приезжает без путёвок, на свой страх и риск — ютятся в палаточном городке и купаются в единственной яме. Бывший бассейн, свободно доступный и бесплатный, бульдозером завален и разровнен».

16 июля 1967 г.: «Дождь, затяжной и непрерывный. На ужин ложка сухого молока, разбавленного в половине литра серной воды, и несколько сухарей. Неоднократно принимая пучку в свежем виде, пью разбавленное в серной воде молоко. На ужин — подорожник. Все запасы сухарей и сахара отдаю одному мужчине-бедняку, чтобы освободиться от лишнего груза и облегчить рюкзак. Оставил около полкилограмма».

19 июля Андерсон доходит до Малкинских горячих ключей. В дневнике он пишет: «У старого русла реки местами выбиваются тёплые струи воды. Народ сделал простые примитивные ванны из завалов камней, регулирующие подход холодной воды. В нескольких сотнях метров имеются места, где также выбивается наружу тёплая вода, припахивающая сероводородом. На плато поставлены палатки приезжих посетителей. В конце возвышенного плато выбивается ключ кипящей воды. Построек и домов на Малкинских горячих ключах нет. Место живое. Сюда приезжают лечиться и отдохнуть. В настоящее время работает передвижной продовольственно-товарный ларёк. Погода ухудшается. На ужин: хлеб, серная вода».

20 июля: «Завтрак: литр тёплой серной воды с подбелкой конденсированным молоком. Маленький кусочек хлеба. Обед: навар чертополоха (листья) с кусочком хлеба. Ужин: кусочек хлеба с наваром чертополоха».

По наблюдениям Андерсона, село Ганалы 1967 в году — один жилой дом с двумя постройками. «Проезжаю мимо, не задерживаясь». Следующая точка похода — Пушино. «Это подразделение колхоза. Есть продуктово-промтоварный магазин, почта, телеграфа нет, есть телефон. Здесь живёт большой процент населения корякской национальности. Ночлег предоставила семья коряков Абакумовых».

22 июля Андерсон отправился на Пушинские горячие ключи, проделав туда путь в семнадцать километров. По пути он ел конский щавель. «Ванна — четырёхугольная яма с галькопесчаным дном, из которого местами выбиваются струйки тёплой воды. Деревянный трап ведёт в воду. Рядом раздевалка. Вне домика, около сопки — ямки, из которых выходит сильный нарзан, намного сильнее Малковского. Горячие Пушинские ключи всецело нарзанные. Впервые вижу на Камчатке нарзановые ванны. Ужин: варево из чертополоха. Ночной ужин: кусочек хлеба с нарзанной водой».

23/VII-67 года. Группа военных, возвращаясь в Пушино, предложила свои услуги и перевезла меня на машине в село Пушино».

25 июля Михаил Андерсон добирается до Милькова. На счётчике его велосипеда — 371 километр. «Посёлок Мильково — большое село городского типа. В нём находятся почта, телеграф, телефон, кинотеатры. Шоссейные дороги кончаются. Самостоятельно, без посторонней помощи, двигаться вперёд невозможно, не имея специальных карт. Общая карта Камчатки ничего не даёт».

В тот же день Андерсон выдвигается в сторону реки Кирганик. «Огромное количество комаров, — пишет он. — Раньше об этом не имел представления. Без накомарника дальше нет возможности продвигаться. Руки и лицо становятся красными от собственной крови из раздавленных комаров. Комары пронизывают хоботами свитер и колют плечи и лопатки».

26 июля: «Рабочие перевозят на шлюпке на левый берег. От моста до села четыре километра. Село маленькое. Есть магазин продуктово-товарный. Здесь тупик. Кончается шоссе, и начинаются тропы. На ужин: жую кипрей, питаюсь его соком».

27 июля. Андерсон движется в сторону реки Камчатки, по пути питаюсь зеленью — кипреем, лебедью, одуванчиками. Велосипед глубоко врезается в тундру, приходится вести его до полуколена в грязи. На отдыхе варит крапиву с двумя ложками манной крупы. На следующий день — отдых, стирка одежды, на обед и ужин — суп из чертополоха и крапивы.

29 июля к полудню путешественник достигает Долиновки. На счётчике — 453 километра. «Посёлок средней величины, с деревянными домами, широкими улицами. В парнике (теплице) выращивают помидоры, огурцы. Чувствуется жизнь. Народ живёт зажиточно. На работу девушки ездят на велосипедах».

30 июля Андерсон выдвигается в сторону села Атласова. «Глубина разрытого болота около трёх четвертей метра. Приходится переходить по кочкам, которые утопают в тундре. Грузёный велосипед тонет до осей. Дальше — глубже. Приходится рубить и пилить деревья и настилать путь по топи. Развьючиваю велосипед и переносу вещи по частям. Постоянно жую кипрей и глотаю сок. Ночью продолжаю идти дальше. В 02.00 прекращаю путь. На обочине дороги ложусь спать, завернувшись в палатку».

31 июля Михаил Яковлевич наконец-то добирается до Атласова. «Новый посёлок средней величины, — пишет он. — В нём находятся почта, телеграф, телефон, магазин продовольственный и промтоварный, магазин хлебный, школа, управление лесохозяйством, лагерь для заключённых».

Пятьдесят четыре километра от Атласова до ныне не существующего села Быстрого Андерсон преодолевает за два дня. Ночёвка — на берегу реки Козыревки. С утра завтрак — кипрей и хвощ. Через реку Быструю приходится переправляться по переброшенным с берега на берег деревьям. «Тайга кончилась. Передо мной открылся простор тундры».

«Посёлок Быстрое — маленький, но в нём есть почтовое отделение, магазины продуктов и промтоваров, школа, медпункт, гостиница. В посёлке живут в большинстве эвены в избах русского типа. Некоторые любят летнее время проводить в юртах. Эвен Коерков Гаврил Гаврилович — коренной житель села Быстрое, участник освобождения Курильских островов, никогда не видел себя на фотографии, попросил его сфотографировать».

Детский сад в селе Быстром

Эвенские дети у юрты

Г. Г. Коерков — коренной житель села Быстрое

3 августа 1967 г. Михаил Яковлевич Андерсон направился из села Быстрого в сторону горячих целебных ключей, расположенных на 47-м километре от села Крапивного. Управляющий отделом Быстринского совхоза Владимир Кирсанович Захаров даже начертил Андерсону схему, по которой тот должен двигаться.

«Давно сомневаюсь в правильности пути, — пишет Андерсон. — Но если местный житель утверждает в правильности своих слов, то сомневаться нечего, нужно верить, притом занимающий в административном положении высокую должность...»

Через трое суток блужданий Андерсон вернулся в село Быстрое. А 8 августа на попутном катере отправился в село Крапивное, чтоб оттуда проследовать в Анавгай. «Посёлок растянутый, большой. Дома деревянно-рубленые, деревенского типа. В посёлке находятся продовольственные и промтоварный магазины. Три общежития различных организаций, куда при случае принимают и проезжих. Чертёж пути для дальнейшего следования помог сделать эвен Адуканов Иннокентий Борисович».

9 августа 1967 г. Андерсон достиг речки Кагагле — сейчас она называется Ковавлей. На счётчике велосипеда — 698 километров. Ещё через несколько километров наш герой оказался на том месте, где сейчас находится смотровая площадка. «С верши-

ны видны большие просторы, массивы камчатской тайги — почти с птичьего полёта. Это место самое красивое на Камчатке. Его вполне можно назвать камчатской Швейцарией».

И вот, когда велосипедный счётчик достиг отметки 707 километров, Андерсон наконец-то оказался на 47-м километре. «Небольшой деревянный домик представляет собой одновременно гостиницу и лечебное учреждение. В нём имеются нары, плита для приготовления пищи. В пристройке у домика горячая ванна — яма, обшитая досками, с лестничкой для спуска. Горячие струйки воды пробиваются со дна в ванну. Лечебницу посещают приезжие из Усть-Камчатска, Ключей, Козыревки, Крапивного, Анавгая, Эссо и других мест.

Улица в селе Крапивном

Село Анавгай

Продолжается непрерывный дождь. Дороги размокли. Путь в Анавгай продолжить невозможно. Начальник милиции Эссо тов. Павленко заехал проездом на Ключи. Узнав, что направляюсь в Эссо, посоветовал ехать туда на попутной машине, а велосипед и вещи оставить здесь».

11 августа на попутном вездеходе Михаил Андерсон добрался до Анавгая. По дороге он сделал фотографию: застрявший в грязи гусеничный трактор. Сейчас мы в любое время года можем попасть в Быстринский район на легковушке.

«Анавгай маленькое село, — пишет в отчёте Андерсон, — в основном с эвенским населением. Здесь есть почта, телефон, телеграф, продуктовый и промтоварный магазины, хлебопекарня, управление совхоза оленеводческого хозяйства, школа, ясли. Село находится на ровном месте между сопок, окружающих село с трёх сторон. В сопках пасутся олени. В конце села — горячие ключи». В Анавгае Андерсон принимает решение: «Прекращаю питаться растительностью, перехожу на нормальную пищу».

А 13 августа на попутной машине путешественник переехал в Эссо. «Дорога плохая, просёлочная, узкая. Местность красивая. Дорога десятилетней давности. До того времени была тропа, по которой передвигались на вьючных лошадях». Одна из фотографий, сделанных Андерсоном в Эссо — кирпичный завод. Заводом, правда, это сооружение назвать трудно — печь для обжига кирпича, укрытая под навесом.

На следующий день Михаил Яковлевич направил стопы в местную редакцию. «Редактор газеты “Новая жизнь” тов. Великовский просил меня опросить людей на ключах 47-го километра, от каких болезней лечились и какие результаты, для опубликования в газете с целью репрезентации ключей. Я дал согласие». Кстати, газета «Новая жизнь» до сих пор выходит в Эссо.

«15.VIII.1967 г. возвращаюсь на ключи 47-го километра. Нахожусь на ключах. Собираю данные, отправляю в редакцию. 29.VIII.1967 г. нахожусь в Крапивном. Собираю новые материалы про излечившихся, отсылаю в редакцию “Новой жизни”».

31 августа Михаил Яковлевич Андерсон двинулся в дальнейший путь — в сторону Козыревска. Он переправился на катере с левого берега реки Камчатки из села Крапивного — на правый в село Крахче, в семи километрах ниже по течению.

«Камчатка — сильно извилистая река. Местами берега размывает, в других местах отступает и замыкает... Местами для судоходства река обставлена флажками.

Крахче — бывший большой посёлок. В настоящее время упразднён. Временно в нём находится продовольственный магазин. Живут около полутора десятков семей. Так как день клонит к вечеру и дорога не ясная, остаюсь ночевать в Крахче, у пенсионера Печонкина».

От Крахче до Козыревска — двадцать три километра, от Крапивного до Козыревска — тридцать. Андерсон то и дело натывается на старые и свежие медвежьи следы. «С пути поднимаются и взлетают тетерева, — пишет он. — Прохожу сухие речки, где вода бывает только весной. Дальше тайга бесконечная. Продолжаю следовать ночью, нащупывая дорогу ногами».

Почти в полночь Андерсон наконец-то достиг Козыревска. На счётчике велосипеда — 834 километра. «Посёлок Козыревск — большое селение городского типа. Есть продуктовые и промтоварные магазины, почта, телеграф, телефон. Аптека, больница, милиция, аэродром, автомехмастерская, гараж. Улицы не мощёные, деревенского типа. Дома рубленые — деревянные».

3 сентября 1967 г. Дорога в Майское. «На дороге следы лисиц, волков и тетеревов. От Козыревска до Майского двадцать шесть километров. Село состоит из работников совхоза. Имеется клуб. Строится площадка для футбольного поля и тенниса. Село небольшое, но живое», — таковы впечатления Михаила Яковлевича.

До 7 сентября Андерсон отдыхал в Майском. Затем двинулся в сторону Красного Яра — это название сегодня совершенно позабыто. «Красный Яр — маленькое селение, упразднённое. Стоит на самом берегу реки Камчатки. Живёт одна семья. Летом живут сенокосцы. Зелёную массу увозят в Майское. В большом количестве растёт боярышник. Дома разбирают и увозят в другие населённые пункты. Пошли дожди. 8 и 9.IX.1967 г. приходится переждать. Дороги мокрые и грязные».

10 сентября Андерсон направился в Ключи. Дорога шла вдоль телефонной линии, то ухудшаясь, то становясь широкой, песчаной. По всему пути он встречал тетеревов. От Красного Яра до Ключей — сорок восемь километров. Ночевал Андерсон у М. В. Чудинова, жившего в 17-м доме по улице Кабакова.

«Посещаю работника ЛТО тов. Жулая И. И., где получаю сведения о переходе от Ключей до Камак и Нижнекамчатска, — пишет Андерсон. — Жулай предупреждает, что с велосипедом этот путь не пройти. Велосипед придётся бросить и продолжать путь пешком. Там ещё туристы не ходили, только дежурные телефонисты на вьючных лошадях».

От Ключей до Хапицы — пятьдесят два километра. До Камак — девяносто один, если по телеграфной линии. А по дороге — не меньше полутора сотен.

Работник Ключевской почты Каргопольцев предупредил Андерсона:

— Там много непуганых медведей. Без оружия ходить опасно. От Петропавловска-Камчатского пешком ещё здесь никто не проходил. Если Хапицу перейдете — считайте, что Камчатку от Петропавловска до Усть-Камчатска прошли.

12 сентября 1967 г. Михаил Андерсон начал движение в сторону реки Хапицы. «За Ключами начинается кустарник. Достиг тяжёлых песков, которые тянутся километрами. В прошлом это сплошное русло бывшей реки Камчатки. Прохожу сухую речку. Дальше сыпучие пески. На сантиметров десять уходят в них шины велосипеда. Приходится буквально пахать песок. Местами твердая лесная просёлочная дорога. От Ключей до первого домика — тридцать километров». Домик, в котором остановился на ночлег Андерсон — рубленый, с пристройкой. В нём запасы продуктов и воды. В домике печка, нары, стол, списки и свечи.

С утра начался двенадцатикилометровый переход ко второму домику. После обеда — к третьему. «Ища домик, сделал тринадцать километров лишних».

14 сентября Андерсон направился по пескам в сторону реки Хапицы. «Песчаное плато длиной около двух километров, с обеих сторон кустарник. Песчаное плато, мёртвые пески. С мелкого кустарничка поднимаются тетерева». «Прибыл на левый берег Хапицы, — пишет Андерсон дальше. — Берега реки заросли кустарником, лозой, ольхой. Шлюпки не видно. Пеленгую Ключевскую сопку. На берегу следы оленя и медведя. Следую на переправу, где телефонная линия переходит через реку Хапицу».

Хапица — глубокая и быстрая река шириной около пятидесяти метров. На противоположном берегу чернеет лодка, людей нет. Для привлечения внимания поднимаю сигнал: носовой платок на шесте. Время от времени подаю сигналы свистком и голосом. Готовится к дождю. С наступлением темноты развожу костёр. Сигнал держу до полуночи. Затяжной дождь идёт всю ночь».

«15.IX.1967 г. Дождь продолжается... 16.IX.1967 г. Продукты уменьшаются. Что делать? В отделе по туризму предупреждали: “Дорог от Ключей до Усть-Камчатска нет. Вы вернётесь обратно или на катере поедете по реке Камчатке от Ключей до Усть-Камчатска. Там непроходимые места”. Так говорил Егоров Е. Я.

Вплавь? А вещи? Продуктов остается на три дня. Для плота материалов нет. Два телефонных столба сгнили, на воде не держатся. Связать плавник и сделать плот? Не будет держать, и быстрое течение унесёт вниз. Леса нет, болото и кусты. Готовлю своё судно. Рублю кустарник и из палок делаю каркас в виде корыта. Зашиваю вход в палатку снаружи и изнутри, переворачиваю верхом вниз, каркас ставлю в палатку, а края привязываю. Если есть на том берегу шлюпка, зачем мучиться на своем плоту? Испробовав на непотопляемость, протягиваю около двухсот метров против течения и переправляюсь на правый берег. На шлюпке перевозжу вещи — шлюпки не было бы, это сделал бы на плоту».

Вечером того же дня Михаил Яковлевич направился к телефонной линии, легко переправляясь через мелкие русла Хапицы. На сильно заросшей просеке — отпечатки медвежьих лап и пробитая копытами лошадей узкая тропа. Передняя часть велосипеда легко раздвигает траву, но педали цепляются и тормозят. Медвежьи тропы пересекают линию в разных направлениях. «Становится не по себе...» — пишет Андерсон.

С наступлением темноты наш герой добрался до так называемой «землянки Чертенова». На счётчике велосипеда — 1 066 километров. «Землянка сырая, воняет тухлостью, жестяная плита полностью поржавела. В землянке нары по обе стороны, около стен. Две поржавевшие лампы керосиновые без керосина. Свечей тоже нет. Продуктов мало, переход длинный. Делю на порции».

Завтрак 17 сентября 1967 г.: семь ложек манки, сваренные в полутора литрах воды, и кусочек хлеба. Остальные продукты Михаил Яковлевич разделил на три дня.

«Следую по тропе в сторону Малой Хапицы. Здесь почему-то землянки называют юртами. Питаюсь рябиной, поставив велосипед на подпорку. Обед: несколько ложек манки, вода, сахар. Завариваю чай на коре лозы. В 17.55 достиг большого оврага с ручьём. На противоположном берегу — землянка “Староверская”. Все землянки похожи одна на другую. Ужин: варево из ягод рябины с несколькими ложками манки. Кусочек хлеба. Продуктов почти нет. Скудный паёк урезаю ещё меньше».

18 сентября приморозило. Трава покрылась инеем. Светит солнце. Андерсон приготовил завтрак: варево из листьев чертополоха, мелко порезанных и сваренных с тремя ложками манки, без соли или сахара, и кусочек превратившегося в сухарь хлеба. «Земля сухая и худая, — пишет он. — Трава сухая и убитая приморозками, высушенная солнцем и ветром, шуршит при движении через неё. В земле видны свежие норы диаметром около десяти сантиметров».

Серьёзное происшествие: на ось заднего колеса намоталась трава, образовав своего рода муфту. Муфта сняла цепь и раздвинула конус. Зубчатое колесо крутится в обе стороны беспрепятственно. Велосипед вышел из строя.

«На реке встречаю дежурных телефонистов на лошадях — Дударко М. М. и Сугомяк А. Р., которые меня переправили через оттоки, назвав эту речку Бикет. Обедаю: черемша, сахар, кусочек хлеба и вода из речки. На пути берёзовые рощи, рябина.

В 14.42 достиг землянки Увал (Подувалова). Сухая и уютная. На ужин варево — листья кипрея, мелко порезанные и сваренные с парой ложек манки».

19 сентября 1967 г. Завтрак Михаила Андерсона: «оставшаяся с вечера бурда. Доли-то пол-литра воды и заварено заново. Кусочек хлеба». В этот день Андерсон за несколько ходок перенёс на спине в крутую сопку по скользкой извилистой тропке велосипед и вещи, преодолел девять оврагов с подъёмами, множество мелких ручейков и канавок. Весь день питался свежей рябиной. «На ужин: варево — мелко порезанные жилы листьев чертополоха, сваренные с рябиной, без соли. Продуктов нет, остался сахар».

20 сентября. «Ночью сильный заморозок. Зелень убита морозом. На завтрак варю рябину в двух литрах воды. Перепилил длинную осину для перехода речки. Во время перекладки с берега на берег бревно унесло течением. Вещи и велосипед переносу вброд. На обед: свежая рябина. На протяжении всего перехода с утра ем ягоды рябины и жую чертополох».

В 17.59 Андерсон прибыл к землянке «Вальчинка» («Вальчики»). На счётчике — 1 098 километров. На ужин — только свежая рябина.

21 сентября 1967 г. «В организме чувствуется слабость. Готовлю обед: чертополох с рябиной. Передвигаюсь с трудом. На пути много рябины. Не доходя до развилки на Камаки и Ларем — много шиповника, не тронутого медведями. Собираю его на ужин».

Ночевал Андерсон в землянке «Камаки», а 22 сентября направился в сторону Усть-Камчатска.

«Питаюсь свежей рябиной, — пишет он. — Иногда глубина воды выше колена. Там, где воды нет, идя по тропе, слышу чавканье под ногами. Велосипед глубоко врезается в тундру. Местами покров растительности на тропе бедный, место землянистое, ноги уходят в тундру и стягивают с ног сапоги. Приходится идти возле тропы, по тундре, дергая велосипед по полметра вперед, рывками. Пошёл дождь, надвигается вечер».

При отсчёте 1 115 километров Андерсон достиг землянки «Ларем». Она уже упразднена, но в ней есть плита, нары, стол. На ужин — варёная рябина.

23 сентября Андерсон добрался до гидрометеорологического пункта на берегу реки Камчатки, недалеко от красивейшего места — Щёк, скал, окружающих реку в месте сужения с обеих сторон. До 26 сентября Андерсон оставался на гидрометпункте. А потом двинулся в путь, переправился на шлюпке к рыбалке № 1 колхоза «Путь Ленина» и заночевал у рыбака Мутовина.

«27.XI.1967 г. Мутовин делает уважение, обвозит на шлюпке вокруг мыса около трёх километров и высаживает на берег. По берегу реки Камчатки следую в сторону Нижнекамчатска. Часто приходится развешивать велосипед и переносить вещи на себе».

28 сентября. «Низкие и широкие, уродливые кустарники лозы цепляются за одежду и велосипед с грузом. Продвигаюсь вперед, но очень медленно».

29 сентября Андерсон с сопки увидел Нижнекамчатск. Но перед ним — болотистое поле, потом тундра. В 16.40 он вышел на правый берег реки Радуги, на левый Андерсона перевёз на лодке дежурный телефонист С. И. Коровин. На счётчике велосипеда — 1 140 километров.

Телефонист С. И. Коровин в лодке
на реке Радуге

Нижнекамчатская церковь
в 1967 г.

В Нижнекамчатске Михаил Яковлевич провёл четыре дня. «На месте бывшего острога собираю музейные экспонаты: топоры, наконечники стрел — кремневые и металлические — керамику, деньги — монеты 1748 года, судовые гвозди и многое другое. В настоящее время это место называется Заимкой. Посёлок упразднён. Пока живут в нём несколько семей. Остальные жители переехали в Усть-Камчатск. Бывшая церковь в последнее время служила как клуб».

4 октября Михаил Андерсон начал последний этап своего нелёгкого путешествия. Тот же телефонист Коровин перевёз его на правый берег, к Хваленке. «Хваленка — упразднённое село, оно заросло травой, без жизни. От времени разрушается, гниёт. Дорога заросла, чуть заметны следы машин в виде выбоин».

В 14.00 того же дня Андерсон достиг Березового Яра. «Село упразднено. Дома пустые и частично разрушены. Населения нет. В одном доме обосновались сенокосчики из колхоза «Путь Ленина». Остаюсь ночевать здесь».

В середине дня 5 октября наш герой добрался до уже не существующей Николаевки. «Маленькое селение, филиал колхоза “Путь Ленина”. Есть школа, поселковый совет. Ночлег предоставил тов. Титов Н. П. в своей квартире».

Семья Поповых оставляет Нижнекамчатск и переезжает в Усть-Камчатск

Погрузка сена. Третий слева — председатель Николаевского сельсовета Н. П. Титов

6 октября 1967 г. Последний день путешествия. «Следую в Усть-Камчатск. Дорога хорошая, можно ехать. Но река Камчатка разрушает дорогу. Чем ближе к Усть-Камчатску, тем дорога все хуже и грязней. В 13.30 прибыл на периферию Усть-Камчатска... Следую на почту и сообщаю в Совет туризма в Петропавловск-Камчатский о завершении туристского маршрута, — заканчивает свой отчёт Михаил Яковлевич Андерсон. — Пройдено полезного пути — 1 011 километров. Поиски дороги, блуждание — 158 километров. Итого — 1 169 километров».

Две первые цели похода туриста Андерсона были выполнены («доказать, что на велосипеде можно пройти от Петропавловска до Усть-Камчатска» и «доказать, что в условиях лета заблудившиеся в тайге люди не могут умереть от голода, пока имеется зелень»). Третья («написать о настоящем туристическом переходе книгу для туристов и детей школьного возраста») — увы, нет. Но вообще-то Андерсон в 1960—1970-е гг. опубликовал в камчатских газетах ряд статей о преимуществе и пользе растительного питания. А вот написанная им на эту тему книга так и не увидела свет, её рукопись канула в неизвестность во время перестроечного хаоса (в фондах Камчатского краевого объединённого музея хранится подготовленная в 1969 г. рукопись М. Я. Андерсона «По следам землепроходцев на Камчатке», учётный номер ГИ 22408. — *Ред.*).

Остается лишь добавить, что во время камчатской одиссеи Михаилу Яковлевичу уже исполнился шестьдесят один год. (М. Я. Андерсон был человеком вполне закалённым и много чего повидавшим. В молодые годы он был судоводителем, стал капитаном дальнего плавания, работал на судах типа «Либерти», в 1950-е гг. трудился капитаном в Камчатрыбфлоте. По имеющимся сведениям, М. Я. Андерсон умер в начале 1970-х гг. — *Ред.*)

ЭТНОГРАФИЯ

Авторы публикуемых ниже заметок — двоюродные братья по матери, уроженцы села Кавалерского Усть-Большерецкого района Камчатской области. Оба члены многодетных камчадалских семей. Село Кавалерское возникло в 1928 г. в результате переселения на новое место жителей Большерецка (Большерецкого острога), упразднённого в связи с частым затоплением из-за паводков. Названо по протоке Кавалерской, возле которой расположено. В 1930 г. в селе был создан колхоз, в дальнейшем ставший совхозом «Большерецкий». В 2010 г. в Кавалерском жили 976 чел. (вместе с селом Карымай).

Эти заметки — наблюдения и воспоминания очевидцев, детьми заставших уже ушедшую камчадалскую жизнь и любовно описавшими её. Они точны и достоверны в мельчайших описаниях повседневности. Живым голосом звучат великолепные камчадалские слова жителей сёл Кавалерское, Большерецкий острог, Начилово, Апача, Елизово. Данная публикация может быть определена как «словарь-воспоминание», поскольку большинство этих слов к моменту написания заметок уже ушли из живой речи, и вспоминаются авторами, спешащими, пока всё ещё живо хотя бы в памяти, донести до нас картины ушедшей камчатской жизни. В небольшом словарице и в дополнениях к нему представлено большинство сфер жизни большерецких камчадалов: охота, рыбная ловля, ездовое собаководство, изготовление традиционных плавсредств — батов, обуви и одежды, приготовление пищи.

Материал подготовлен к публикации Натальей Валентиновной Дивниной, в 2000—2010 гг. научным сотрудником и главным хранителем фондов КГУ ККОМ, ныне ведущим библиотекарем отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.

В. Г. КОЛЛЕГОВ, Б. И. СЕЛИВАНОВ

КАМЧАДАЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

О селе Кавалерском. Организовано в начале 1930-х гг. Его жители переехали из Большерецкого острога, находившегося в районе устья реки Гольцовки. Небольшое село, дворов 30—35, располагалось на протоке Кавалерке реки Большой. Место для жилья оказалось очень удобным. Помимо изобилия рыбы в речках, здесь водился промысловый зверь: медведь, олень, горный баран. В селе был образован колхоз «Имени Первого Мая». Одним из его организаторов стал мой отец. В хозяйстве имелось стадо крупного рогатого скота, лошади, колхозники занимались выращиванием картофеля.

Селяне жили дружно, несмотря на трудности военного и послевоенного времени. Всегда помогали друг другу. В эти годы люди жили бедно, особенно те семьи, где мужья и отцы были на фронте. От голода спасали рыба, которую можно было ловить круглый год, картошка, ягоды (жимолость, брусника, шикша, голубика), охота на медведя. Молока было достаточно. В селе работала начальная школа-четырёхлетка. Моей учительницей была родная тетя Наталья Алексеевна Логинова.

Дома строили из берёзы. Недалеко от Кавалерского на реке Плотниковой стояло село Кирпичное. Там делали кирпич для Октябрьского рыбокомбината. Из него жители сложили в домах печи. Печи, стены домов белились белой глиной, которую брали в ручье Куржачино. Здесь в одном месте на берегу сделали метровый подкоп, нашли слой глины толщиной сантиметров десять. Глину загоняли впрок. Место её нахождения я помню ещё и сейчас.

После войны в село привезли несколько семей крымских татар. На первых порах во взаимоотношениях с ними возникли большие трудности: переселенцы были злые и недоброжелательные. Однако через два-три года люди между собой помирились и дружили друг с другом. Мы, пацаны, подружались с ребятами этих семей быстрее

всех, даже научились понимать татарский язык. После войны приехали две семьи молдаван. В конце 1940-х и начале 1950-х гг. многие семьи стали уезжать в Усть-Большерецк, Большерецкий совхоз, Октябрьский рыбокомбинат: нужно было учить детей в старших классах. Примерно году в 1955—1956-м село закрылось. Память о нем, моей родине, осталась на всю жизнь.

Изготовление батов. Эта трудоёмкая работа требовала сноровки и знаний. Вначале выбирали подходящее дерево определённой длины и толщины, обычно тополь (для Усть-Большерецкого района). Поиск подходящего дерева занимал много времени. Летом спиленное дерево привозили в деревню, снимали кору, обтёсывали концы ствола, после чего выдалбливали из него щепу топором-долбиком и «скребками» до определённой толщины стенки бата. Иногда тонким сверлом просверливали дырку, чтобы определить необходимую толщину. После выполнения черновой заготовки на костре кипятилось большое количество воды, одновременно в огне нагревались большие камни. Носовую и кормовую часть будущего бата перевязывали веревкой.

По готовности заливали вовнутрь заготовки кипяток и закладывали туда горячие камни. Кроме того, снаружи заготовку обливали горячей водой, сверху закрывали ветошью или травой. Когда заготовка распаривалась, наступал самый ответственный момент. Теперь специально заготовленными подпорками надо было расширить верхнюю часть изделия до нужной ширины и высоты стенки, не допустив при этом трещин или сколов. Когда бат признавался готовым начерно, воду и камни убирали и приступали к чистовой обработке. Работали два-три человека в течение нескольких дней. Готовый бат проверяли на речке «на валкость», то есть на устойчивость на воде.

Плавание на бату требовало от рыбаков и охотников определённой сноровки, умения толкаться шестом и управлять его ходом. В кормовой части обычно стоял опытный «батовщик». Зачастую люди, не умевшие плавать на бату, переворачивались во время хода. В ряде случаев они погибали. Для «хождения» на бату применялись шесты длиной до четырёх метров и деревянные весла.

О собачьих упряжках. Большинство жителей Кавалерского и многие из Усть-Большерецка, Начилова, Апачи и других сёл держали ездовых собак. Зимой на них возили грузы, дрова из леса, сено, корм для собак. Местное начальство зимой, как правило, тоже пользовалось этим видом транспорта. Летом собак держали вдали от села в глухих протоках, на цепи. Учитывая, что рыбы было в изобилии, её один-два раза в неделю привозили на корм собакам. Часть рыбы (обычно горбушу или кету) бросали рядом в протоку, чтобы собаки могли сами достать её.

Во время хода лосося (горбуши) у берегов рек и проток рыли ямы глубиной два метра, обставляли их стены травой и прямо с батов пиками бросали в них рыбу. Когда яма заполнялась, сверху её закрывали толстым слоем травы и засыпали землей. Обычно в одну яму заготавливали от трёх до пяти тысяч штук рыб. Запасали рыбу из расчёта тысяча штук на одну собаку, с запасом, ибо зачастую эти ямы разрывали медведи. В яме рыба закисала, слеживалась. Зимой, когда её перевозили на специальных «дровнях», вонь стояла такая, что её можно было уловить за многие десятки метров.

Кроме «кислой» рыбы готовили юколу из расчёта двести штук на одну собаку. Охотники зимой в своих угодьях, помимо юколы, в специальных деревянных «шайбах» закладывали и морозили осеннего кижуча, которого ловили крючками (мариками).

Каждый хозяин постоянно заботился о своих ездовых собаках, старался отбирать лучших особей, от хороших самок. В вожак выбирали самую лучшую. Имена собакам давались разные. К примеру, мой дядька Иван Николаевич Селиванов во время войны дал своим собакам имена гитлеровских главарей. Его ездовую упряжку составили «Гитлер», «Гейбельс», «Геринг», «Фашист», «Немец» и другие. Эта упряжка считалась одной из лучших в селе.

Как правило, самцов кастрировали. Это делали опытные старожилы (без какого-либо образования). Помимо кастрации, отдельным собакам обрезали хвосты. Эта болезненная операция производилась только летом, для того чтобы собаки были наиболее

трудолюбивые, не гулящие. Тем особям, которые зимой мочились из-под себя, тоже отрезали хвост.

Об охоте. Мой отец, Георгий Михайлович Коллегов, сколько я его помню, всегда занимался охотой и рыбалкой. Своё ремесло он знал очень и очень хорошо. К зимней охоте готовились тщательно. Мать шила из брезента палатку, которую зимой топили сборным камином, состоявшим из шести труб. Кукуль из оленьих шкур — обязательная вещь для охотника. Шили торбаса, бродни, камлейку (белый халат), чижи, рукавицы из оленьих шкур и утеплённого материала. В качестве головного убора шили шапку-ушанку и малахай.

За четыре-пять дней до отъезда мама сушила сухари; в отдельные мешочки складывала сахар, муку, чай (обычно плиточный), соль, сухой лук, картошку, куски соленого медвежьего жира или топленый жир в банке, свечи, чистое тёплое бельё. В более поздние годы (1950-е) брали с собой колбасу, сливочное масло, конфеты, печенье.

Отец готовил капканы на соболя, лисиц, выдру, горностая, петли на зайца. Помимо винтовки, он обязательно брал дробовое ружье. Патроны для него заряжал сам. Помимо готовых патронов, брал необходимый запас пороха, дробы, капсюлей. Раньше эти охотничьи запасы были в большом дефиците, и мы зачастую дробь готовили сами из свинца, который добывали из винтовочных пуль, собранных на военном стрельбище (рядом с Большерецком некогда стояли пехотный и артиллерийский полки).

Накануне перед отъездом отец укладывал в нарту необходимый запас юколы, всё охотничье снаряжение и продукты. Уезжал на собачьей упряжке утром на рассвете. Охотники, как правило, отправлялись на промысел рано утром на рассвете, чтобы никто не мог «перейти» им дорогу.

Уезжали в конце ноября, когда замерзали реки. Обычно охотники отправлялись в угодье по двое, редко по одному. За каждым закреплялись участки, на которых они занимались промыслом зверя. По прибытию на место охотники делали «шайбы» и заготавливали осеннего кижуча на зиму для собственного пропитания и прокорма собак.

Первый выезд на охоту длился полтора-два месяца. К Новому году охотники возвращались домой, чтобы подготовить добытого пушного зверя для сдачи в заготовпункт. С охоты отец привозил, помимо пушнины, уток, молодых лебедей, мясо барана или оленя.

Я хорошо помню, как наша семья ожидала его приезда. Обычно это случалось вечером или поздно ночью. Наши домашние собаки давали знать, что отец скоро придет: они лаяли и вели себя необычно. После Нового года в нашем доме в Усть-Большерецке собирались охотники из Кавалерского, Апачи, Явино, Большерецкого совхоза. В долгие зимние вечера они делились своими достижениями, рассказывали, как промыслили соболя, лис и других зверей. Эти охотничьи рассказы были интересны, и мы, пацаны, с удовольствием их слушали.

После Нового года, 10—15 января, охотники разъезжались на свои угодья, теперь уже до 10—15 марта (после 15 марта охота на пушного зверя запрещалась). Охотничье угодье моего отца располагалось в районе сопки Ипельки — реки Толмачевки, здесь сейчас стоит гидроэлектростанция. Охотники строго соблюдали границы промысла, и если кто-то добыл зверя в чужом угодье, то он сообщал об этом хозяину.

Каждый охотник вёл учёт зверя в своём угодье, бил только разрешённое количество, ничего лишнего не брал, оставлял зверей для размножения. Многочисленных оленей и баранов промыслили для собственных нужд и не более. На медведя охотились круглый год, его тоже было много. Самым ценным пушным зверем считался соболь, количество разрешённых к отстрелу соболей устанавливалось в зависимости от их численности.

Камчадалские слова и выражения, которые мы слышали от своих родителей, родственников и знакомых.

Ака-ках — возглас от нечаянного прикосновения к горячему.

Бардовать — баловать.

Бродни — торбаса, но с более длинными голенищами, примерно как длина резиновых болотных сапог. Изготавливались из оленьей и медвежьей шкур. Шили торбаса

и бродни, как правило, женщины-камчадалки, реже мужчины. Работа эта была трудоёмкой. Вначале шкуры оленя или медведя на несколько дней закладывали в бочку с водой или просто в речку, после чего шерсть легко отделялась от шкуры. Шкуру оленя обычно пропитывали (красили) подручными материалами, чаще всего корой ольхи, которую помещали на несколько дней в деревянное корыто с водой. Потом добавляли сажу, древесные угли, использованную воду от точила. Шкура становилась тёмно-красной или тёмно-бордовой, затем её вытягивали для просушки. Потом в специальной деревянной «вялке» шкуру мяти до тех пор, пока она не становилась пригодной и лёгкой для шитья.

Выкунял — поправился после болезни, был бедным, стал справным.

Высподе — внутри.

Вялка (мялка) — деревянное продолговатое корыто. Внутри вялки на определённом расстоянии имелись утолщения. Сверху одним концом по рельефу корыта крепилась деревянная «колотушка» — дубина с утолщениями.

Досадливый — вредный, злой.

Досаждать — злить.

Доспеть — успеть сделать.

Дикоплеший, дикостина — дурачок.

Диковаться, деганиться — издеваться.

Жилковать — изготавливать нити из сушёных жил оленя, медведя.

Жулькать — полоскать.

Затупорить — спрятать куда-нибудь вещи и забыть.

Затвердел — сделал важный, независимый вид.

Зашеровкались (руки) — покрылись цыпками.

Здор (здорки) — варёный олений жир, жирное мясо, мозги.

Изпухрратить — испортить.

Иновот, дави — недавно.

Калига — убогий, урод.

Карпежить — заниматься любовью.

Кирижа — блюдо из перемешанной вареной рыбы, жира и шикши.

Лемешина — смесь истёртого табака с золой чаги. Старые камчадалы вместо курения закладывали лемешину за губу.

Мацка — ласковое обращение к молодой женщине, девушке.

Нажирить — бродни и торбаса смазывали медвежьим жиром, иногда топлёным. Поэтому эта обувь не намокала и не протекала.

Накладывать гольцов — фаршировать.

Наянивать — надоедать.

Обезжирить — зимой охотники добывали лисиц, у которых часто имелся большой подкожный слой жира. При снятии шкуры на ней оставалась часть жира, а мех от прикосновения рук лоснился. Такие шкуры госпромхоз не принимал. Чтобы привести мех в надлежащий вид, применялись хлебные отруби, зола и другие средства. По этой причине охотники не любили промышлять лис, но им давали на них план добычи, они должны были его выполнять.

Отерпли (ноги, руки) — затекли.

Охитить — очистить.

Парчонка — лёгкая меховая одежда из одинарной шкуры, удобная для работы.

Пежить — душить.

Пелйговать — долго держать в руках какую-либо вещь, бесцельно играть ею.

Переножить — по свежему снегу на лыжах ходить на зверя (лис, соболя).

Пластать — разделывать (рыбу).

Прелый — нерадивый человек, по своей вине бедный, пребывающий в долгах.

Прикопотки — лёгкие ватные чулки, носимые летом с торбазами.

Пузанки — мелкие гольцы («тысячники»), сваренные вместе с потрохами.

Рыба заухалилась — подвялилась.

Сельница — деревянное корыто для приготовления рыбного фарша методом битья с помощью толкушки.

Славно стало поегаживать — лёгкое опьянение, наступившее после употребления одной-двух рюмок спиртного.

Сопки замохнатйли — горы, сопки заволокло тучами перед ненастьем.

Сноравливать — помогать, поддерживать что-либо в удобном положении.

Съездить обиденно — съездить куда-либо в один день.

Тихтер — мука, приготовленная в кипящем медвежьем жиру.

Торкнуть (торнуть) — легко ударить, толкнуть.

Трудунушка — сумочка для хранения иголок, ниток, наперстков.

Турушить — повторять одно и тоже несколько раз.

Утушматился — устал.

Учу-чух — возглас от нечаянного прикосновения к холодному.

Ушлый — хитрый.

Ушурки — выжарки от топлёного жира.

Фиряться — огрызаться.

Ханайка — самка горбуши в брачном наряде.

Чижи — тёплые меховые чулки, обычно носимые зимой вместе с камусными торбазами.

Юхала — немного подвяленная, а потом варёная рыба, употребляемая вместе с медвежьим жиром.

А вот как Александр Карпович Уваров из села Апача учил своего младшего брата с девками «обращача»: «Ты, Ванька, не умеешь с девками обращача. Надо к ним сначала ласкача, обнимача, а потом уже целовача. А ты сразу лезешь целовача».